

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Интервью с Татьяной Карабчук.

Межстрановые сравнения, социальные эффекты нестабильности занятости и секреты академического счастья

Забаяев И. В. Ницшеанский взгляд на столондолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста

Срничек Н. Капитализм платформ

Ермолин И. В. Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход

**Экономическая
социология**
Т. 20. № 1.
Январь 2019

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus.

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus.

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 20. No 1.
January 2019

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Экономическая
социология**
Т. 20. № 1.
Январь 2019

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Назарбаева Елена Алексеевна (НИУ ВШЭ, Россия)
Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

Шанин Теодор

Московская Высшая школа
социальных и экономических наук (Россия)

Шкаратан Овсей Ирмович

НИУ ВШЭ (Россия)

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Elena Nazarbaeva (HSE, Russia) Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Theodor Shanin	Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia)
Ovsey Shkaratan	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Интервью

Интервью с Татьяной Карабчук. Межстрановые сравнения, социальные эффекты нестабильности занятости и секреты академического счастья..... 12

Новые тексты

И. В. Забаев

Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста. 20

Новые переводы

Н. Срничек

Капитализм платформ 72

Расширение границ

И. В. Ермолин

Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход..... 83

Дебютные работы

Л. В. Богомазова

Экономический кризис в российских СМИ: конструирование и деконструирование проблем 123

Профессиональные обзоры

В. И. Корсунова

Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия 148

Новые книги

Е. А. Гудова

Как организации существуют через говорение
Рецензия на книгу: Czarniawska В. 1997. *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p..... 174

Дискуссии

Н. С. Бабич

Методическая рефлексия в пробковом шлеме
Комментарий к статье Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина
«Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории» 188

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

Interviews

Interview with Tatiana Karabchuk.

International Comparisons, Social Impacts of Labor Instability, and the Secrets of Academic Happiness.... 12

New Texts

Ivan Zabaev

A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic"

in Connection with a Contemporary Economist's Comments..... 20

New Translations

Nik Srnicek

Platform Capitalism (excerpts)..... 72

Beyond Borders

Ilya Ermolin

Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development

of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach..... 83

Debut Studies

Liudmila Bogomazova

The Economic Crisis in the Russian Mass Media: Constructing and Deconstructing Problems 123

Professional Reviews

Violetta Korsunova

Cultural Consumption in Sociological Research: A Review of Measurement Approaches 148

New Books

Elena Gudova

How Organizations are Talked into Existence

Book Review: Czarniawska B. (1997) *Narrating the Organization:*

Dramas of Institutional Identity, Chicago: University of Chicago Press. 256 p..... 174

Debates

Nikolay Babich

Methodological Reflection in a Pith Helmet. Commentary on the Article by R. E. Bumagin and

D. M. Rogozin, "Criticism of the Interview Approach in Examining the Similarity

of the Appearance of Products Belonging to the Same Product Category"..... 188

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Как было обещано, журнал разворачивает новую рубрику «Дискуссии». В этом номере нас ожидают сразу два расширенных полемических материала. Один материал — реакция на работу Р. И. Капелюшникова о наследии М. Вебера. Другой — на статью Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина, выступивших ранее с темой критики опросного подхода. Традиционные рубрики журнала, как всегда, на своих местах.

Перейдём к краткому представлению нового номера нашего журнала.

Номер открывается **интервью** с к. соц. н. *Татьяной Карабчук* (доцент департамента социологии Университета Объединённых Арабских Эмиратов — ОАЭ). Татьяна рассказывает о своём опыте работы в ОАЭ и про то, как при реформировании институтов заимствуются образцы успешной социальной политики у передовых стран. В интервью затрагиваются актуальные научные темы в области рынка труда и занятости, счастья, методологии сравнительных исследований и проблема эффективности в академической среде. Интервью провела *Е. С. Бердышева*.

В рубрике «**Новые тексты**» мы продолжаем дискуссию вокруг статьи *Р. И. Капелюшникова* «Гипноз Вебера: заметки о “Протестантской этике и духе капитализма”», опубликованной ранее в двух частях, в № 3 и 4 журнала за 2018 г. Напомним, что в прошлом номере (№ 5 за 2018 г.) появился текст с развёрнутой содержательной реакцией *Д. В. Катаева*. В этом номере публикуется большая статья *И. В. Забаева* (доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета) «Ницшеанский взгляд на сто-долларовую купюру: чтение веберовской “Протестантской этики” в связи с замечаниями современного экономиста». Автор приходит к необходимости подробного разговора об этической компоненте «Протестантской этики и духа капитализма». Отдельное внимание уделяется понятиям «призвание» и «смирение». Автор показывает, что веберовское истолкование доктрин протестантов, где цель труда — «забыть о проклятии», параллельно ницшеанской идее о неприглядной роли «благословения труда». В заключение автор делится соображениями о том, как веберовская логика применима к анализу современной реальности, какие вопросы она позволяет поставить, почему текст не перестают читать сегодня.

Продолжая наш опыт организованной полемики, в рубрике «**Дискуссии**» мы публикуем текст к. соц. н. *Н. С. Бабича* (старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН) «Методическая рефлексия в пробковом шлеме». Это развёрнутый полемический комментарий к ранее опубликованной нами (Т. 19. № 2) статье *Р. Е. Бумагина* и *Д. М. Рогозина* «Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории». Автор ставится под сомнение реализованная Бумагиным и Рогозиным процедура исследования. Он считает, что предлагаемые ими критические аргументы на самом деле иллюстрируют, скорее, преимущества сложившейся практики социологической экспертизы. Утверждается также, что Бумагин и Рогозин не учитывают специфические условия процедур разрешения конфликтов, принятых в арбитражных (в широком смысле слова) органах, чьей целью является не только установление истины, но и устранение экономических конфликтов.

В рубрике «**Переводы**» мы знакомим читателей с переводом вводной части и заключения второй главы книги *Ника Срничека* «Капитализм платформ» (Srnicsek N. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity, 2016).

В книге обсуждаются произошедшая трансформация капитализма и превращение ведущих фирм во многих секторах экономики в платформы — компании, работающие с данными как основным ресурсом. В публикуемом отрывке автор пытается внести ясность в разворачивающиеся сегодня дискуссии о новой стадии капитализма, предлагая типологию платформ (рекламные, облачные, промышленные, продуктовые и бережливые). Перевод с английского — *М. С. Добряковой*. Публикуется с разрешения Издательского дома ВШЭ и издательства Polity.

В рубрике «**Расширение границ**» размещена статья к. пол. н. *И. В. Ермолина* (приглашённый научный сотрудник Школы биологии, Университет Лидса, Великобритания) «Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход». Опираясь на продолжительные полевые наблюдения труднодоступного объекта в сфере теневой экономики, автор выделил основные звенья нелегального рынка товаров из каспийского тюленя и продемонстрировал реципрокные и редистрибутивные механизмы социального взаимодействия акторов «автономного» ресурсодобывающего сообщества. В статье анализируются разные ситуации долгового оборота: включение предумышленного прилова каспийского тюленя в условия нового неформального контракта между молодыми членами бригад и владельцем, «похищение» члена бригады после ареста рыбака в Казахстане за незаконный промысел, «выкупная» операция члена бригады из тюрьмы в Казахстане («казахский плен»), скупка посредниками туш и шкур тюленя, первичная обработка и последующая перепродажа шкур ремесленникам-«шапочникам» в горные районы Дагестана.

В рубрике «**Дебюты**» публикуется статья *Л. В. Богомазовой* (стажёр-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ) «Экономический кризис в российских СМИ: конструирование и деконструирование проблем». В качестве теоретической рамки исследования используется конструктивистский подход к анализу социальных проблем. Для выявления стратегий депроблематизации экономического кризиса применяется классификация контрриторических стратегий П. Ибарры и Дж. Китсьюза. В работе применён содержательный контент-анализ, включающий подсчёт упоминаний и тематический анализ, а также новый и развивающийся в медиаисследованиях сетевой метод. Выявлено, что наибольшее внимание в онлайн-изданиях уделяется антироссийским санкциям, инфляции и курсу рубля. В то же время социальные последствия кризиса, такие как бедность и безработица, представлены в медиа в значительно меньшей степени.

В рубрику «**Профессиональные обзоры**» вошла работа *В. И. Корсуновой* (аспирант, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ) «Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия». В обзоре выделены несколько основных подходов к определению культурного потребления. В первую очередь культурное потребление рассматривается как составляющая стиля жизни, который, в свою очередь, зависит от классовой структуры. Культурное потребление в более современных работах анализируется не только с точки зрения символической ценности, но также с позиции разнообразия предпочтений и интенсивности тех или иных практик.

Для рубрики «**Новые книги**» *Е. А. Гудова* (преподаватель кафедры экономической социологии, младший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ) подготовила рецензию на книгу *Барбары Чарнявской* «Говорение об организациях: драма институциональной идентичности» (Czarniawska B. 1997. *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. Chicago: University of Chicago Press). Барбара Чарнявска является ярким представителем «скандинавского институционализма», который с некоторой условностью называют конструктивистской институциональной теорией. Чарнявска фактически определяет лицо так называемого «нарративного поворота» в организационных исследованиях. На теоретическом уровне Чарнявска использует организационные нарративы, обращаясь к концептам драмы и автобио-

графии. При этом предлагается новый описательный язык, который она заимствует в антропологии, литературной теории и институционализме. На эмпирическом уровне автор работает в русле этнографической традиции. Чарнявска описывает историю реорганизации шведского государственного сектора, в котором ее прежде всего интересуют две сети действий — муниципальная администрация и социальное страхование.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

As it has been announced, the Journal of Economic Sociology is developing a new rubric, 'Debates'. Two extended polemic responses are presented in this issue. The first paper presents a critical view of Rostislav Kapelyushnikov's essay on the legacies of Max Weber. The second paper is a critical response to the text of Roman Bumagin and Dmitry Rogozin on the survey approach.

Now, we turn to a new issue of our journal.

Dr. Tatiana Karabchuk (Assistant Professor, College of Humanities and Social Sciences of the United Arab Emirates University) is interviewed by Elena Berdysheva. Dr. Karabchuk shares her experience of working in the United Arab Emirates (UAE) and describes how developing countries implement social policies and practices borrowed from more developed countries. Dr. Karabchuk also mentions the challenges for the social sciences in the UAE and her experience in launching a regular individual survey for data collection, 'Monitoring of Emirati Youth.'

We continue with a debate on Rostislav Kapeliushnikov's paper 'Weber's Hypnosis: Notes on "The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism"', published in two parts in No. 3–4, 2018. The response of Dmitry Kataev was presented in a previous issue of the journal. Now, we publish a paper by Ivan Zabayev (Associate Professor of Saint Tikhon's Orthodox University), 'A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill'. The author emphasizes the necessity to discuss the ethical component of "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism" in detail and draws special attention to the notions of *the calling* and *the humility*. It is demonstrated that Weber's interpretation of the Protestant doctrines, where the aim of work is to "get rid of the fear of damnation", is parallel to the Nietzschean idea of the unpleasant role of "the blessings of work". Finally, the author displays how Weber's logic can be applied to analyzing contemporary reality, what questions it lets one raise, and why Weber's text is still readable today.

The Journal also presents an extended commentary on the paper of R. E. Bumagin and D. M. Rogozin, 'Criticism of the Interview Approach in Examining the Similarity of the Appearance of Products Belonging to the Same Product Category', published in Vol. 19, No. 2, 2018. This response, 'Methodological Reflection in a Pith Helmet', was submitted by Dr. Nikolay Babich (Senior Research Fellow of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences). The author questions the appropriateness of Bumagin and Rogozin's research procedure and draws attention to the instances of incorrect citations and fact distortion in their text. It is argued that their critical propositions, in fact, illustrate the advantages of current research practices. Babich is convinced that the perspective of scientism falls short in reflecting the specific conditions of arbitration authorities, aimed not only at establishing the truth but also at resolving economic conflicts.

Dr. Ilya Ermolin (Visiting Fellow of the School of Biology, University of Leeds, UK) presents his study 'Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach'. Collecting data from long-term field observations of a hard-to-reach object in the shadow economy, the author delineates the main stages of the illegal trade. The reciprocal and redistributive mechanisms of interactions among the actors of the autonomous community involved in this illegal trade are examined in detail. Several cases are described, including informal contractual relations between young fishers and the owners of boats, the illegal taking of the fishers sentenced in Kazakhstan, the release of fishers sentenced in Kazakhstan ("Kazakh captivity"), the buying of seals' carcasses and skins, its initial processing, and the further resale of skins to craftsmen from the mountainous areas of Dagestan.

Liudmila Bogomazova (Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics (HSE)) presents her paper ‘The Economic Crisis in the Russian Mass Media: Constructing and Deconstructing Problems’. This research is based upon a constructionist perspective for understanding the nature of social problems. Counter-rhetorical strategies, suggested by Ibarra and Kitsuse, are adopted to analyze the de-problematization of the economic crisis in the Russian mass media. The author conducted a content analysis, which includes the count of mentioned key words and a thematic analysis. Network analysis was also used. The study demonstrates that online newspapers pay the most attention to the coverage of anti-Russian sanctions, inflation, and the ruble rate. Meanwhile, the social consequences of the crisis, such as poverty and unemployment, are much less represented in the Russian media.

A translation of an introductory part of the second chapter of Nick Srnicek’s book, ‘Platform Capitalism’ (Cambridge: Polity, 2016), is further presented by the Journal of Economic Sociology. This book discusses the transformation of capitalism and the transition of leading firms into platforms—companies using data as a main resource—that have occurred in many economic sectors. The author demonstrates that the global economy was re-divided among a few of the monopolistic platforms and shows how these platforms set up new internal trends for the development of capitalism. Additionally, the Journal of Economic Sociology publishes a fragment from the key second chapter, which is aimed at clarifying the distinct features of the new stage of capitalism and lays out a typology of platforms (i.e., cloud platforms, advertising platforms, lean platforms, industrial platforms, and product platforms). The book was translated by Maria Dobryakova and published with the kind permission of the Higher School of Economics Publishing House and Polity.

Violetta Korsunova (Ph.D. Student, Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research, HSE) presents the analytical review ‘Cultural Consumption in Sociological Research: A Review of Measurement Approaches’. The author draws distinctions between several approaches found in the literature. Cultural consumption is analyzed as a part of a lifestyle that is dependent on class structure. More recent studies have not only addressed the symbolic value of cultural products but have also looked at the range of cultural preferences and the intensity of cultural activities.

Elena Gudova (Lecturer at the Department of Economic Sociology, Junior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE) shares a review of Barbara Czarniawska’s book, ‘Narrating the organization: Dramas of institutional identity’ (Chicago: University of Chicago Press, 1997). Czarniawska is known as a distinguished scholar, representing ‘Scandinavian institutionalism’, which is also defined as a constructivist institutionalist theory. She has made a significant contribution to the narrative turnover in organizational studies. On a theoretical level, she applies the concepts of drama and autobiography. Empirically, Czarniawska examines the history of the transformation of the Swedish state sector with a particular emphasis on municipal administrations and social insurance.

ИНТЕРВЬЮ**Интервью с Татьяной Карабчук****Межстрановые сравнения, социальные эффекты нестабильности занятости и секреты академического счастья***Беседовала Елена Бердышева*

КАРАБЧУК Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Университета Объединённых Арабских Эмиратов. Адрес: ОАЭ, 15551, эмират Абу-Даби, г. Аль Айн.

Email: tkarabchuk@uaeu.ac.ae

Интервью с Татьяной Карабчук, кандидатом социологических наук, доцентом департамента социологии Университета Объединённых Арабских Эмиратов, провела Елена Бердышева, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, в ноябре 2018 г. Центральными темами интервью стали актуальные исследовательские интересы Татьяны Карабчук и рефлексия по поводу академической инфраструктуры в разных странах мира. В интервью затрагиваются как актуальные научные темы в области рынка труда и занятости, счастья, методологии сравнительных исследований, так и проблема эффективности в академической среде. Т. С. Карабчук рассказала, что изучение стабильности занятости, демографической ситуации в мире и сопряжённой с ней социальной политики в области труда и семьи, благополучия сегодня смещается в сторону международных сравнений. Общество нуждается в осмыслении и уточнении дизайна социально-политических институтов. Страны, реформирующие эти институты, заимствуют образцы успешной социальной политики у передовых. И социальные науки могут внести в это свой вклад, не поступившись теоретическим развитием. В любой стране плодотворная исследовательская среда и стимулирующая к научной работе обстановка являются необходимыми условиями для постепенного развития академических человеческих ресурсов.

Ключевые слова: либерализация рынка труда; благополучие; научная эффективность; социальная политика семьи; сравнительные исследования; академическая инфраструктура.

— Татьяна, известно, что Ваши исследовательские интересы уже более 10 лет связаны с изучением рынка труда и занятости. Расскажите, пожалуйста, какими вопросами Вы занимаетесь в настоящее время.

— Стабильность занятости и субъективное благополучие, достойные рабочие места и рождаемость, а также развитие высшего образования в ОАЭ — сейчас для меня основные темы публикаций.

В конце XX века на фоне процессов индивидуализации актуализировался запрос на более гибкие трудовые отношения. Гипотеза, над которой я работаю, состоит в том, что в странах с либеральным рынком труда, где больший процент занятых работает на основе постоянного контракта, мы увидим высокий процент субъективного благополучия. И, действительно,

если проанализировать данные Европейского социального исследования (European Social Survey), можно зафиксировать, что временный или неформальный характер занятости негативно сказывается на субъективной удовлетворённости жизнью, так как сопровождается рисками неопределённости и экономической уязвимости.

— *Проблема счастья активно изучается в рамках исследований по позитивной психологии. Каким образом с понятием «счастье» работают социологи, как они его операционализируют?*

— Индексы, измеряющие уровень благополучия, всегда комплексны. Если мы посмотрим методологические рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Cooperation and Development — OECD) «How to Measure Well-Being» («Как измерять благополучие»)¹, они в первую очередь отсылают к субъективным самооценкам, тестируемым вопросами типа: «Насколько Вы счастливы?» или «Насколько удовлетворённым Вы себя ощущаете по шкале от 1 до 10?». Далее зондируется ситуация по отдельным областям жизни: «Насколько Вы удовлетворены работой, семьёй? Как Вы оцениваете своё экономическое благосостояние? Что Вы думаете о будущем?». Стоит учитывать так называемые обратные индикаторы благополучия — степень депрессии, одиночества, стресса. Ещё один ракурс измерения — это краткосрочные и долгосрочные индикаторы. Понятно, что ответ на вопрос «Насколько Вы счастливы сейчас?» может меняться в зависимости от разных обстоятельств, вплоть до погоды. Поэтому корректнее параллельно использовать вопросы с широкой перспективой: «Как Вы оцениваете свою жизнь (брак, карьеру)? Насколько она по Вашим оценкам сложилась?». Также приходится обращаться к эмоциональным индикаторам: «Сколько раз за вчерашний день Вы почувствовали себя грустным? Сколько раз Вы вчера улыбались?» Позитивная психология работает преимущественно именно с такими эмоциональными компонентами «счастья».

Говоря о детерминантах субъективного благополучия, хочется упомянуть исследование Всемирное обследование Галлапа (Gallup World Poll)², где предпринимается попытка оценить уровень субъективного благополучия населения в различных странах и проранжировать их по степени «счастливости». Инструментарий данного проекта включает большой блок вопросов, позволяющих измерить психологические, социальные и экономические составляющие и пролить свет на условия, способствующие тому, что у индивида все хорошо, он счастлив (или наоборот).

— *Ваш эмпирический проект, посвящённый благополучию, имеет прикладную составляющую?*

— Да, он в первую очередь важен с точки зрения оценки ситуации в *Объединённых Арабских Эмиратах* (ОАЭ). Дело в том, что ОАЭ — весьма необычная страна. Для неё характерны высокие нефтяные доходы и, если говорить о местном населении, практически полное отсутствие социального неравенства. В этой стране формально созданы условия для того, чтобы все были счастливы. Здесь даже функционирует Министерство счастья, и недавно оно проводило масштабный опрос населения на предмет удовлетворённости различными сервисами, предоставляемыми государством. Вопреки ожиданиям, субъективные оценки благополучия оказались неоднородными. И теперь задача состоит в том, чтобы посмотреть, с чем это связано, какие факторы дают такой эффект. А с теоретической точки зрения особенно интересно, в какой мере список выявленных параметров совпадёт с тем, что влияет на уровень счастья в других странах.

Любопытно, что в Университете ОАЭ со следующего семестра запускается обязательный учебный курс, посвящённый счастью. Он так и называется — «Happiness» («Счастье»). Разработанный усилиями психологов и социологов университета, он нацелен на то, чтобы донести до учащихся практическое

¹ См.: URL: <http://www.oecd.org/statistics/measuring-well-being-and-progress.htm>

² См.: URL: <https://www.gallup.com/analytics/232838/world-poll.aspx>

знание о том, каким образом можно целенаправленно воздействовать на собственный уровень удовлетворённости жизнью.

— *Вас по-прежнему занимает связь между состоянием рынка труда и демографическими процессами в мире?*

— Да, важное направление моей работы — межстрановой анализ трудового законодательства и семейной политики, во многом определяющих характер занятости и условия вступления в брак и рождения детей. И этот проект я делаю в сравнительной перспективе, отдельно для женщин, мужчин и молодёжи. Известно, что, например, в советское время гарантии занятости для женщины, рожаящей ребёнка, были очень высокими. В постсоветский период российский рынок труда столкнулся с проблемой безработицы, распространением нестандартных форм занятости. В результате сегодня в России сложности, с которыми сталкивается женщина, возвращающаяся после отпуска по уходу за ребёнком на рынок труда, часто препятствуют решению рожать второго и последующих детей. Противовес этому — экономическая защищённость и определённость, побуждающие к рождению детей. И это возвращает нас к вопросу о Трудовом кодексе. Данные свидетельствуют, что в европейских странах с более либеральным трудовым законодательством, где есть установка на поддержание семьи и легко найти новую работу, женщины с большей готовностью соглашаются на двойную нагрузку, возникающую, когда деторождение совмещается с карьерными амбициями. В странах с высокозащищённым рынком труда женщины счастливы развиваться профессионально, но более скептически настроены в отношении совмещения трудовых планов с материнством. При этом подобная постановка вопроса может контролироваться с учётом поколенческого фактора. Для молодых женщин часто характерна приверженность либеральным установкам, отрицательно влияющим на планы деторождения. И в целом молодые женщины при формировании своих фертильных планов больше ориентированы на самореализацию и использование своего высшего образования на рынке труда. В это же время представительницы старших когорт скорее принимают решение о рождении ребёнка на основе оценок экономического благополучия. Не последнюю роль играет и вектор социальной политики. Пронатализм по-прежнему способствует повышению рождаемости, поддерживая установку на то, что деторождение — обязанность женщины перед обществом. Тогда как свобода в принятии решения о создании семьи и прочие аспекты сексуальной либерализации снижают вероятность иметь большее число детей для женщин всех возрастов.

— *Сегодня интерес многих учёных прикован к социальным установкам миллениалов. Вы упомянули, что затрагиваете в своих исследованиях социальные ценности молодёжи...*

— Да, эта группа интересует меня как в исследованиях рынка труда, так и в контексте семейных ценностей. Около 45% мировой безработицы приходится на молодёжь. Я пытаюсь запустить национальный мониторинг, посвящённый оценке социально-экономического положения молодёжи в ОЭА. В декабре 2018 г. прошла результативная встреча экспертов из Франции, Германии, России с представителями Государственной статистической службы и Министерства образования. Уже разработан опросник и дважды проведён пилот. На следующий год планируется проведение репрезентативного поля.

Мой интерес к молодым как к исследовательскому объекту продиктован тем, что во многих странах сегодня актуализируется проблема выхода выпускников вузов на рынок труда. В ОЭА, где практически 100% молодых людей получают высшее образование, у них заведомо большие ожидания в отношении жизненных перспектив. Наиболее предпочтительным видится государственный сектор. И выпускники могут от одного до трёх лет после окончания вуза искать подходящую им работу.

Параллельно с этим в ОАЭ растёт уровень разводов и сокращается рождаемость. На этом фоне необходимо выяснить, как молодые арабы относятся к браку, чем обусловлены их репродуктивные установки. Здесь есть что обсудить. На данном этапе проекта уже известно, что одним из препятствий к

вступлению в брак в арабском мире банально оказывается слишком высокий выкуп за невесту. Именно поэтому сейчас государство устанавливает лимиты по таким выплатам. Ещё одна проблема — высокие расходы на свадьбу, из-за которых она часто кредитруется, а впоследствии молодые люди разводятся из-за финансовых трудностей и разногласий. В общем, выясняется, что на фасаде всё хорошо, а за ним — много проблем. И все их нужно понять, чтобы выяснить, насколько характер жизненных обстоятельств, качество занятости, удовлетворённость браком сказываются на субъективном благополучии молодёжи.

— *Работая в Университете Объединённых Арабских Эмиратов, Вы также ведёте проекты, затрагивающие проблемы высшего образования и публикационной эффективности в университетах. В готвящейся книге «Перспективы и проблемы подготовки докторов наук во всём мире: международное исследование» («Trends and Issues in Doctoral Education Worldwide: An International Research Inquiry»)³ есть глава и за Вашим авторством [Karabchuk 2019]...*

— В рамках этого тематического направления мой ключевой интерес связан с развитием высшего образования и получением степени доктора наук в ОАЭ. Высшие образовательные заведения, в которых можно получить докторскую степень в Эмиратах, можно пересчитать по пальцам. К сожалению, в массе своей существующие магистерские программы не готовят к академической траектории. Однако для желающих получить научную степень за рубежом доступны государственные гранты. И тем не менее есть потребность в развитии национальной системы подготовки аспирантов и докторантов.

Дополнительно меня интересует отдача от государственных инвестиций в научную деятельность университетов. В ОАЭ на развитие образования и науки направляются большие средства. Однако публикационная активность научных сотрудников и преподавателей остаётся невысокой. И причиной тому, с одной стороны, является неравномерность преподавательской нагрузки в университетах. С другой стороны, в этой молодой развивающейся экономике ещё пока не сложилась достойная академическая среда. Кроме того, существуют ограничения по выбору исследовательских тем и большая проблема с доступностью данных. Дефицит открытых количественных данных, востребованных социальными науками, здесь очень острый. Социологические проекты чаще носят качественный характер. Кроме того, полностью отсутствует установка на то, что выводы социологических исследований могут служить основой для социальной политики.

— *Каким образом в Ваших исследованиях отдачи от инвестиций в науку измеряется академическая эффективность? Есть мнение, что система ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicator — KPI) в академии сегодня больше ориентирована на поощрение исследований, верифицирующих известные гипотезы, нежели на поиск прорывных работ, предлагающих новые объяснительные схемы...*

— В своём исследовании я опираюсь на конвенциональные для современного академического мира стандартные оценки. Они выстраиваются исходя из условия, что каждый университет заинтересован повысить своё место в системе международных рейтингов. Способы подсчёта этих рейтингов задают определённые критерии. Но нельзя забывать и о том, что существуют разные академические журналы. И наряду с изданиями, публикующими результаты количественных апробаций, есть и такие, в которые можно попасть только с качественными данными. А эти последние всегда выводят на инсайты и новые гипотезы. Кроме того, количественные исследования также нередко нацелены на тестирование альтернативных моделей.

Тем не менее по субъективным ощущениям количественные исследования кажутся представленными более широко, это правда... И невозможно игнорировать опасение, что в социальных дисциплинах

³ Подробнее см. о проекте URL: <https://cinst.hse.ru/en/docedu>

«настоящая наука» сегодня рискует потеряться, что мы склонны что-нибудь быстренько протестировать, просто чтобы опубликоваться. Однако всё же я не согласна с этим. Многие мои коллеги ведут свои темы десятки лет, с научной скрупулёзностью прорабатывая определённый круг исследовательских вопросов. Кстати, в Японии система академического оценивания устроена по-другому. Там университет не требует от сотрудников заданного количества публикаций в журналах верхнего квартиля. Вместо этого на базе университетов организуются исследовательские позиции с высокими барьерами на вход. За отсутствие публикаций исследователей здесь формально не лишают «коврижек». Однако за счёт эффективной университетской инфраструктуры и с расчётом на японское трудолюбие созданы условия, при которых люди сами оказываются заинтересованы в том, чтобы больше публиковаться. И выбор трека часто связан, скорее, с тем, намерен ли ты вкладываться в свою заметность на страницах рейтинговых журналов или тебе больше подходит формат издания собственной книги. Авторские книги в японском университете нередко ценятся выше.

И вместе с тем большинство западных университетов сегодня загнаны в рамки ранжирования. Каждого исследователя оценивают по количеству публикаций, приносящих цитирование. Всё. Точка.

— *Вы — выпускница ВШЭ. Несколько лет были соруководителем Лаборатории сравнительных социальных исследований одного из успешных международных департаментов этого университета. У Вас есть недавний опыт стажировки в Университете Хитоцубаши (Токио, Япония), профессиональных визитов в университеты Германии, Венгрии, США. И, наконец, сейчас Вы работаете в Университете Объединённых Арабских Эмиратов. Какая университетская инфраструктура, на Ваш взгляд, способствует большей академической эффективности?*

— Про ситуацию в ОАЭ мне бы не хотелось сейчас говорить. Университет молодой, многое здесь пока что просто заимствуется из опыта американских учебных заведений. И хотя в разных странах в университетах создаются свои преимущества для исследователей, для меня как для молодого специалиста наиболее продуктивными оказались условия в Японии. Во-первых, потому что именно здесь я поняла, как важно иметь возможность сконцентрироваться на разработке своих идей и при этом двигаться в собственном темпе. Исследовательская продуктивность очень сильно зависит от баланса временных и материальных ресурсов. Намного легче выдавать сильные публикации, когда у тебя есть рабочее место, максимально располагающее к таким занятиям. Можно прийти работать в офисе абсолютно в любое время, хоть в час ночи — ограничений нет. При этом кампус организован таким образом, что можно, работая ночью, выйти ненадолго подышать воздухом. И это будет безопасно, а небольшой супермаркет со снеками окажется открытым, так как функционирует в режиме 24/7. Например, в Германии такое невозможно. Там в 10 вечера по зданию проходят охранники с собаками и просят всех уйти. Так что возможность самому планировать свой рабочий распорядок имеет ключевое значение. При этом перед университетом это ставит большие задачи в плане обеспечения безопасности и гибкости.

Во-вторых, погружению в исследование помогает то, что рабочее место полностью оснащено: телефон, компьютер, доступ к академическим библиотекам, базам данных и программам для их анализа.

Но, конечно, и время, и техническое оснащение мало чего стоят без возможности плодотворного академического общения, без того, чтобы обсудить что-то с коллегами, пообщаться, посоветоваться.

— *Каким образом университет может способствовать таким коллегиальным встречам?*

— Нанимая крупных учёных. А чтобы они смогли прийти работать в университет, нужна соответствующая инфраструктура — хорошо развитая грантовая поддержка, гармоничный баланс между преподавательской и исследовательской нагрузкой.

— В 2007 г. в журнале «Science» вышла работа, которая называлась «The Increasing Dominance of Teams in the Production of Knowledge» («К преобладанию команд в производстве знания») [Wuchty, Jones, Uzzi 2007]. Стоящее за ней статистическое исследование показало, что научные статьи, написанные в соавторстве, имеют более высокие индексы цитирования, более высокий импакт-фактор. Заметная часть Ваших публикаций написана коллективно. В какой мере отдача от инвестиций в науку, на Ваш взгляд или по данным Ваших исследований, связана с тем, какие условия для налаживания сетей (*networking*) создаются в университетах и исследовательских центрах?

— Действительно, более высока цитируемость тех работ, которые написаны в соавторстве. И это часто принимается во внимание в практике управления университетами. Многие из них сегодня используют наукометрический пакет SciVal Benchmarking, предлагаемый Scopus (Elsevier). Данная система позволяет провести анализ деятельности авторских коллективов, посмотреть, кто с кем публикуется, и сразу же получить информацию о том, каков импакт-фактор у совместно написанных статей. Действительно, у работ, подготовленных исследовательскими группами, более высокая отдача. В связи с этим встаёт вопрос о том, каким образом университеты отстраивают системы стимулирования исследователей. Часто они ориентированы на индивидуальные достижения и академическую конкуренцию. И это полностью противоречит результатам о том, что развитие исследовательских сетей и академическая кооперация — более надёжный способ повысить свою заметность в академическом мире.

— Вы хорошо известны своим умением налаживать и поддерживать исследовательские сети. Возможно ли говорить о технической стороне этого процесса?

— Я полностью уверена, что налаживанию профессиональных сетей можно научиться. Вместе с тем мой опыт показывает, что академический *networking* — это всегда персонифицированные личные связи. Все мои академические контакты основаны на непосредственном знакомстве, в моей сети нет людей, которых я не знаю лично. Именно поэтому так важно участвовать в научных конференциях, знакомиться там, искать партнёров для исследовательских проектов. К слову, опора на личные симпатии и антипатии — тонкая настройка, с которой важно быть предельно аккуратными. В НИУ ВШЭ большой акцент делается на профессиональной солидарности, там я никогда не замечала негативных эффектов, когда, например, решения в отношении каких-то людей или проектов принимались на основе субъективизма.

Что касается авторских коллективов, то они, конечно, складываются по-разному. Бывают союзы, когда люди всю жизнь публикуются вместе, как Р. Капелюшников и В. Гимпельсон. И, конечно, проверка совместной работой над текстом очень дорогого стоит. Но бывают профессиональные кооперации и на один раз, основанные на общности исследовательских интересов. К тебе могут обратиться с предложением о соавторстве даже незнакомые люди. Такие ситуации часто происходят, когда речь идёт об изучении какого-то вопроса в международной перспективе.

— И в заключение... У Вас очень насыщенная академическая жизнь, масса научных докладов и публикаций, активные международные партнёрства. Вы пример того, что уровень требований, диктуемый сегодня международной академической средой, является достижимым. Поделитесь секретом, как Вам удаётся ему соответствовать.

— Я многому училась у коллег в НИУ ВШЭ. Мне повезло работать с ключевыми исследователями в своих областях — с Р. И. Капелюшниковым, В. Е. Гимпельсоном, В. В. Радаевым, Р. Инглхартом, Э. Д. Понариным и др. И я всё время старалась обращать внимание на то, как они двигаются в профессии, и внедрять увиденное в собственную практику. Если же говорить о производственном процессе в академическом мире... Мне в связи с этим всегда вспоминается советский мультфильм «Дудочка и

кувшинчик» (Союзмультфильм, 1950). Если помните, там девочка шла в лес за земляникой... И вот с исследовательскими задачами именно так. Этот проект делаю, на второй смотрю и начинаю готовиться, третий оцениваю на предмет потенциала, а четвёртый мерещится... И принципиально важно быстрее публиковаться, не затягивать. Для этого требуется немного — самодисциплина...

25 декабря 2018 г.,
Москва

Литература

- Karabchuk T. (Forthcoming). Doctoral Education in the UAE: How Far from the PhD Factory? In: Altbach P., Wit H. de, Yudkevich M. (eds) *Trends and Issues in Doctoral Education Worldwide: An International Research Inquiry*.
- Wuchty S., Jones B., Uzzi B. 2007. The Increasing Dominance of Teams in the Production of Knowledge. *Science*. May 18; 316 (5827):1036–1039.

INTERVIEWS

Interview with Tatiana Karabchuk

International Comparisons, Social Impacts of Labor Instability, and the Secrets of Academic Happiness

Interviewed by Elena Berdysheva

KARABCHUK, Tatiana —
PhD, Assistant Professor,
College of Humanities and
Social Sciences at United Arab
Emirates University. Address:
Al Ain, P. O. 15551, Abu-Dhabi
region, UAE.

Email: tkarabchuk@uaeu.ac.ae

Abstract

Tatiana Karabchuk, Assistant Professor of the College of Humanities and Social Sciences of the United Arab Emirates University, was interviewed by Elena Berdysheva, Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the National Research University Higher School of Economics, in November 2018. The interview mainly focused on Karabchuk's research interests and rich work experience at different universities around the world, emphasizing the differences in the academic infrastructures. Dr. Karabchuk highlights the shift toward international comparisons

of studies in job stability, subjective well-being and happiness, and fertility and family policies. She claims that societies need to develop an understanding of how social and political institutions should be designed. Developing countries often implement social policies and practices borrowed from more developed ones. In this sense, social sciences can contribute to the process. Dr. Karabchuk also mentions the challenges for the social sciences in the UAE and her experience in launching a regular individual survey for data collection, 'Monitoring of Emirati Youth'. Research efficiency in academia as well as the development of doctoral education in the UAE were other aspects highlighted in the interview. According to her comments, many universities today provide a productive infrastructure for research, which is a crucial determinant of success. In places where the environment is enriched with material, technical, and communication resources, academics are far more productive. Flexibility in timing and 24-hour office availability for the researchers are the most encouraging factors for productive work.

Keywords: liberalization of labor market; well-being; academic efficiency; family policy; comparative research; academic infrastructure.

References

Karabchuk T (Forthcoming). Doctoral Education in the UAE: How Far from the PhD Factory? *Trends and Issues in Doctoral Education Worldwide: An International Research Inquiry* (eds. P. Altbach, H. de Wit, M. Yudkevich).

Wuchty S., Jones B., Uzzi B. (2007) The Increasing Dominance of Teams in the Production of Knowledge. *Science*. May 18, vol. 316, no 5827, pp. 1036–1039.

Received: November 24, 2018

Citation: Intervyu s Tatyanyo Karabchuk. (2019) Mezhranovye sravneniya sotsialnye efekty nestabilnosti zanyatosti i sekrety akademicheskogo schastya [Interview with Tatiana Karabchuk. International Comparisons, Social Impacts of Labor Instability, and the Secrets of Academic Happiness], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 12–19. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-12-19 (in Russian).

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

И. В. Забаев

Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста¹

ЗАБАЕВ Иван Владимирович — доцент богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
Адрес: Россия, 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б.

Email: zabaev-iv@yandex.ru

Отправной точкой для написания статьи² стала работа профессора НИУ ВШЭ Р. И. Капелюшникова «Гипноз Вебера» [Капелюшников 2018a: 25–49; Капелюшников 2018b: 12–42]. Отвечая на разбор веберовского текста современным экономистом, автор приходит к необходимости подробного разговора об этической компоненте «Протестантской этики и духа капитализма». Отдельное внимание в статье уделяется используемой в «Протестантской этике» этической переменной и её значениям — «призванию» и «смирению» (а также «ресентименту»). Автор статьи полагает, что Веберу важно понять, откуда взялся новый тип мышления, который всю жизнь выстраивает вокруг работы (дела, приобретения). Стремление к приобретению лишается религиозно-этического содержания, но при этом сохраняется представление о профессиональном долге. Результатом этой эволюции, по М. Веберу, станет «последний человек» — запертый в профессии человек без души. Автор статьи показывает, что веберовское истолкование доктрин протестантов, где цель труда — «забыть о проклятии», параллельно ницшеанской идее о неприглядной роли «благословения труда».

Для того чтобы снять возникающие у критиков вопросы, автор статьи подробно останавливается на проблематике «духа капитализма», как она описана в «Протестантской этике». Описываются некоторые из компонентов этого духа, такие как призвание (Beruf), приобретение и (или) приобретательство (Erwerb) и долг (Pflicht), показывается отличие «духа капитализма» от наживы; разбирается отношение между понятиями «капитализм» и «экономический рост»; анализируются фрагменты текстов Б. Франклина и Д. Дефо, воплощающие идеи, которые стали для Вебера прообразом «духа капитализма». В завершение автор делится соображениями о том, как веберовская логика применима к анализу современной реальности, какие вопросы она позволяет поставить и почему текст, создавший, по мнению профессора Р. Капелюшникова, миф, не имеющий отношения к реальности, не перестают читать сегодня.

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, осуществляемого при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-23-41006 «Религия и модели социальной и экономической организации. Избирательное сродство религии и хозяйства на примере христианских конфессий в Швейцарии и России».

² Автор признателен Е. Костровой, Е. Павлуктиной и анонимным рецензентам журнала «Экономическая социология» за комментарии к предыдущим версиям текста.

Ключевые слова: «Протестантская этика и дух капитализма»; этос; призвание; смирение; ресентимент; Ф. Ницше.

Введение

Журнал «Экономическая социология» опубликовал обстоятельный текст профессора Р. И. Капелюшников «Гипноз Вебера» [Капелюшников 2018a: 25–49; Капелюшников 2018b: 12–42], посвящённый анализу работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», произведения очень сложного. И сложного в первую очередь своей простотой. Его название настолько ярко и понятно, что понимание дальше очень затруднено. Кого-то эти понятность и простота притягивают, кого-то раздражают. Стиль «Протестантской этики» и не пахнет научностью. Даже в сравнении с веберовскими же «Историей коммерческих товариществ», «Историей хозяйства», «Биржей», «Хозяйством и обществом» [Вебер 1897, 2001; Weber 2003, 2013], «Протестантская этика» построена чересчур детективно: не будут не правы те, кто скажет, что это масскульт от социологии. Сочинение не научно ещё и потому, что никакая наука не может взять его себе полностью; как следствие, коммуникация учёных по поводу этого текста крайне затруднена. Книга входит в канон социологии, но это не социологический текст, в нём практически невозможно обнаружить ключевой для Вебера же, одного из двух неусомневаемых классиков социологии, концепт социального действия. У историков, как правило, работа вызывает отторжение. Теологи чувствуют, что она как будто не про них. Как к ней относятся экономисты, можно понять на основании статьи профессора Капелюшников. В этой ситуации, конечно, можно только приветствовать инициативу уважаемого экономиста преодолеть дисциплинарные рамки и посвятить значительное количество сил и времени веберовскому наследию. Отдавая должное этой интенции профессора Капелюшников, мы тем не менее не вполне разделяем его критический пафос в отношении «Протестантской этики» и хотели бы попытаться дать какие-то комментарии к веберовскому тексту в связи с теми недоумениями, которые выражены в «Гипнозе...».

Статья профессора Капелюшников заканчивается следующим диагнозом: «Нет сомнений, что этот научный миф³ (увы, это не оксюморон), возрождаясь, как феникс, из пепла, никуда не исчезнет. Он был и будет оставаться источником непрерывного потока опровержений и контропровержений. Есть определённая ирония в том, что подобно тому, как идея предопределения Кальвина не давала спокойно жить его последователям, так и идея протестантской этики Вебера вот уже более века не даёт спокойно жить нескольким поколениям исследователей общества — социологам, психологам, историкам, экономистам. Трудно не согласиться с Маккинноном, что Макс Вебер обладал сверхъестественным социологическим воображением. Силой воображения он создал “вторую” реальность, которая для огромного числа учёных полностью затмила “первую”. В социальных науках присутствие созданных им конструктов будет так или иначе ощущаться всегда. Фантомы “протестантской этики” и “духа капитализма” будут ещё долго тревожить сознание исследователей и разгуливать по страницам массмедиа. Но как бы ни относиться к плодам уникального социологического воображения Вебера, полезно всё же помнить, с использованием каких нетривиальных дискурсивных приёмов они были получены» [Капелюшников 2018b: 35]

Мне хотелось бы (и в этом состоит основная задача настоящей статьи) немного дедраматизировать пафос профессора Капелюшников по поводу того, что веберовский тезис лежит в руинах, а Вебер нас гипнотизирует, как удав кроликов (и соответственно «Протестантская этика», о которой, собственно, идёт речь, давно уже не имеет никакого отношения к научному процессу). Ещё одна задача данной работы — акцентировать некоторые вещи, выпавшие из фокуса внимания профессора Капелюшников, но, возможно, важные для Вебера, и, возможно, небезынтересные современному отечественному читателю.

³ Имеется в виду «гипотеза Вебера о рождении “духа капитализма” из протестантской этики».

Разбор всех тезисов «Гипноза...» — задача весьма масштабная, поскольку часто то, что профессор Капелюшников создаёт легко, быстро и одним предложением, требует нескольких страниц деконструкции. Кроме того, упрёков в адрес Вебера в «Гипнозе...» очень много. Вебер упрекается и в интерпретаторском произволе, и в неграмотности, и... Отозваться на все эти упрёки, особенно в рамках одной статьи, не представляется возможным. Проблема состоит ещё и в том, как мне кажется, что такой разбор всё равно не приблизит читателя к пониманию происходящего в «Протестантской этике». Да, мне действительно кажется, что она — «Протестантская этика» — не о том, о чём пишет профессор Капелюшников. Начать с того, что чуть ли не четверть места в «Гипнозе...» отводится разбору одной таблицы, которая самим Вебером размещена в одну из почти 400 (!) сносок (!), даже не в основной текст. Очевидно, что важность, которую Капелюшников и Вебер придают этой таблице, разная (несколько подробнее см. примечание 2 в приложении к данной статье). Но это мелочь. Более важно то, что «Протестантская этика» — это произведение про этику. Вебер в других текстах говорил о рынке и о капитализме (что не одно и то же), о социальных механизмах влияния религии на общество, о факторах, которые привели к возникновению современного капитализма, а в «Протестантской этике» он решил написать про этику, о чём и сообщил в названии. Пусть интересующийся читатель найдёт раздел про этику в «Гипнозе...». Мне кажется, там его нет. В «Гипнозе...» есть про протестантизм, а про этику там нет. И мне кажется, это ключевой момент. Точно так же с капитализмом: профессора Капелюшников (как и ряд критиков «Вебера») интересует экономический рост, но для Вебера был важен капитализм, а не экономический рост (который имел отношение к капитализму, но был не единственной его составляющей). Наконец, я могу ошибаться, но мне кажется, что профессор Капелюшников думает, что Вебер в «Протестантской этике» проверяет гипотезу... о связи протестантской этики и экономического роста. Но Вебер в «Протестантской этике» не занимается проверкой гипотезы. Он создаёт словарь переменных и показывает, какой характер могла бы иметь связь между двумя из них.

Всё это заставляет отказаться от точного следования логике профессора Капелюшников и попробовать сказать несколько слов о логике Вебера, хотя и в связи с тезисами «Гипноза...». Мой текст будет состоять из двух основных разделов: первый — по поводу духа капитализма; второй — по поводу этики. Возможно, они покажут тезисы «Гипноза...» немного в иной перспективе. В конце статьи я также кратко остановлюсь на вопросе о том, «зачем всё это»? Ведь тут есть целый набор недоумений. Дело в том, что «Протестантская этика» была сделана в конце XIX — начале XX века. Может быть, стоит уже предоставить мёртвым хоронить своих мертвецов? Зачем профессор Капелюшников почти через сто лет после выхода «Протестантской этики» в свет решает заниматься веберовским тезисом, который, по его мнению, уже много раз опровергнут и лежит в руинах?

Есть ещё одна особенность в этом обращении профессора Капелюшников к веберовскому тексту. «Протестантская этика» создавалась *немецким* профессором в интеллектуальной и исторической ситуации Германии конца XIX — начала XX веков. Почему, решаясь критиковать этот текст через сто лет после его создания, *российский* учёный строит свою критику на обзоре части *англоязычных* критических текстов в основном 1970–1980-х гг.? При этом полностью игнорируя как российскую (советскую)⁴ и немецкую рецепцию веберовского текста (исключение составляют только эпизодические ссылки на современников Вебера В. Зомбарта и Л. Брентано); так и англоязычную «защиту» веберовского тезиса⁵. За бортом статьи остаётся и вся продуктивная рецепция веберовского тезиса, то есть те авторы (имя им — легион), которые в чём-то соглашались с Вебером, в чём-то его критиковали, но использова-

4 См., например, российскую (советскую) рецепцию Вебера: [Давыдов 1978; 1979; 1990: 736–770; 1994: 165–175; 1996: 71–77; 1998a; 1998b; 1998c; Гайденок 1990: 5–43; Филиппов 1990: 77–796; 2008: 96–116; Давыдов, Гайденок 1991; Зарубина 1998; Ионин 2000: 29–36; Гофман 2008: 120–128; Кодзима 2009: 121–131; Федотова 2013; Троицкий 2014: 51–68].

5 Исключение составляет только позиция Д. Зарета в полемике с М. Маккинноном, которую профессор Капелюшников считает проигрышной на основании здравого смысла: «Хотя неспециалист (не теолог?) не может быть арбитром в

ли его тезисы для своих построений: от тех, кто более или менее буквально прикладывает веберовскую схему «этика — дух» к другим странам, конфессиям и хозяйственным системам, до тех, кто воспринял веберовские идеи из «Протестантской этики» в рамках иных логик (например, А. Хиршман, Х. Аренд, Ю. Хабермас или К. Шмит). Этот контекст тоже важен: коль скоро Капелюшников радикализирует свой тезис и относится к веберовскому тексту в логике проверки гипотез, то, опровергая гипотезу, он, по-видимому, опровергает и все её следствия. Если же постановка вопроса не такая радикальная, то весь драматизм «Гипноза...» становится ещё более непонятным. Перейду, собственно, к изложению своей позиции.

Мне кажется, в отношении «Протестантской этики» многое станет чуть более ясным, если несколько подробнее остановиться на подлежащем и сказуемом уравнения — на этике и на духе капитализма. Это, в свою очередь, позволит читателю судить о критике веберовской позиции, предложенной профессором Капелюшниковым. Однако, прежде чем это делать, остановимся коротко на способе действия Вебера в «Протестантской этике» — на рассматриваемой им связи между двумя указанными переменными.

Промежуточное замечание по способу действия Вебера в «Протестантской этике»

На мой взгляд, значительная часть проблем, с которыми сталкивается интерпретация профессора Капелюшникова, происходит из того, что он думает, будто Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» занят, как уже отмечалось выше, *проверкой гипотезы* о связи двух переменных. Однако, кажется мне, в «Протестантской этике» Вебер делает нечто иное. Сложность для читателя состоит в том, что Вебер занимается тремя задачами практически одновременно, периодически перескакивая с одной на другую.

Во-первых, он строит идеальный тип современного западного (промышленного, а, например, не торгового) капитализма. Этот тип потом должен будет указать, «в каком направлении должно идти образование гипотез» [Вебер 1990с: 389].

Во-вторых, в «Протестантской этике» Вебер создаёт словарь переменных, на языке которого впоследствии будет формулироваться не только гипотеза Вебера, но и масса других гипотез других авторов. Сложность состоит в том, что Вебер для последующего построения идеального типа и прояснения характера связи между этикой и духом капитализма вводит достаточно большой набор переменных, помимо экономик и капитализмов, а также различных шкал в связи с религией, появляются типологии господства, семьи и родственных отношений, а также стратификационные переменные и переменные, относящиеся к пространственной локализации. Все они друг на друга могут влиять, друг с другом соплагаться, работать иногда в связке друг с другом, иногда в отрыве друг от друга. Более или менее внятное разложение их на разные разделы произойдёт уже в «Хозяйстве и обществе», по отношению к макрокосму которого «Протестантская этика» оказывается своеобразным микрокосмом, говоря словами вебероведа П. Гоша [Ghosh 2014]. И сложность для читателя состоит в том, что Вебер — представитель немецкой исторической школы экономики — не спешит от них отказываться.

В-третьих, и, возможно, это составляет основную часть «Протестантской этики», Вебер занят прояснением характера связи между религией и экономикой. Но и тут не всё просто. Что делает Вебер? Представьте себе регрессионную модель, которая призвана оценить влияние переменной *A* на переменную *B*. В нашем случае, например, религии на экономику. Вебер предлагает забыть о других пере-

этом споре, всё же с позиции здравого смысла подход Маккиннона выглядит более предпочтительно» [Капелюшников 2018а: 44].

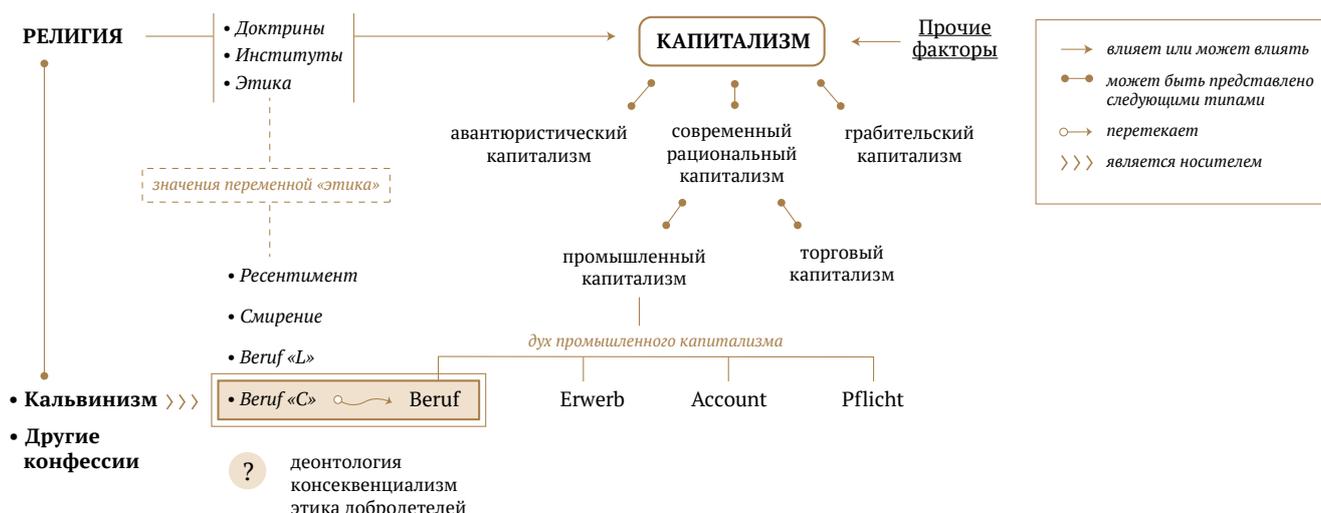
менных, которых много (то есть нужно оставить в стороне все факторы возникновения — современного западного промышленного — капитализма) и ограничиться рассмотрением только линии «Религия — капитализм». Или ещё уже: «Протестантизм деноминаций 1...N — Современный западный промышленный капитализм». После того, как это будет сделано, забудем про переменные *A* и *B* (то есть про «Протестантизм деноминаций 1...N» и «Современный западный промышленный капитализм»). Обратим внимание на характер самой связи (на тире между *A* и *B*), которая тоже оказывается переменной величиной. У неё есть три основных значения, условно назовём их (1) «доктрины» (описываются в «Протестантской этике», (2) «институты» (описываются в «Протестантских сектах» [Вебер 1990с])⁶ и (3) «этика». Через всё это религия может влиять на экономику и на другие сферы жизни. Но мы, говорит Вебер, будем заниматься этикой — третьим каналом потенциального влияния⁷.

После того, как все эти, условно назовём их формальные, предуготовления сделаны, Вебер говорит: вот теперь займёмся содержанием. Но сложность есть и тут. Содержание этики — это тоже не постоянная, это переменная величина. Немногие читатели доходят до этого уровня веберовского квеста, но и он не последний. Вебер, пытаясь показать характер потенциально возможной связи, не занимается только прослеживанием того, как ведёт себя *Beruf* (профессия, призвание). И *Beruf* — это только одно из значений веберовской переменной (причём и у неё, в свою очередь, несколько «подзначений»: как минимум, *Beruf* лютеран отличается от *Beruf* кальвинистов). Есть ли другие значения? В самом простом варианте — это *Demut* (смирение). Однако и здесь есть сложности. Вебер в этой части этической теории наследует Ницше, а тот постарался представить ключевую христианскую добродетель «смирение» как ресентимент. С Вебером даже в «Протестантской этике» ситуация сложнее (подробнее об этой заочной «дискуссии» см.: [Забавин 2018b]).

Если посмотреть на дело таким образом, то становится ясно, что большая часть критики, приводимой профессором Капелюшниковым, теряет свою остроту. В первую очередь аргумент «сказа о 109%» [Капелюшников 2018b: 13–18]. Специфицированность веберовских переменных делала апелляцию к статистике в значительной степени затруднительной. (Несколько более подробно об этом говорится в примечании 2 приложения к данной статье.) И напротив, профессор Капелюшников, разбирая с опорой на М. Маккиннона богословскую линию текста Вебера, настаивает на специфицировании вовсе не там, где на ней настаивал Вебер. Маккиннону важна полемика внутри кальвинистского (и связанного с ним) богословия; Веберу — отличия этого богословия от богословия лютеран и в какой-то степени долютеранского христианства. (Несколько более подробно об этом см. примечание 1 в приложении к данной статье.) Сделав эти предварительные замечания о рассматриваемой Вебером связи между духом капитализма и этикой, обратимся к самим этим переменным (подробнее см. рис. 1).

⁶ Всякие разные факторы типа формирования репутации, доверия, размера общин, характера голосования, степени иерархичности деноминации и т. д.

⁷ Здесь есть ещё одна проблема, на которой мы должны остановиться в данном тексте. Вебер говорит, что (1) все правила Франклина могут быть истолкованы утилитарно, но (2) правильно понимать их как долг, и (3) всё это есть выражение некоего этоса; собственно Франклина он использует как пример. Так вот, этическое учение может иметь разный вид; например (говоря современным языком), деонтологии или консеквенциализма, или этики добродетелей. Предположим, что одна и та же добродетель (например, призвание или смирение) будет означать нечто иное в зависимости от того вида, в котором сформулировано этическое учение, содержащее описание данной добродетели. Вебер будет переходить от одного понимания этики к другому в ходе всей «Протестантской этики»; всю «Протестантскую этику» можно увидеть как постановку и решение проблем внутри теории этики; отчасти см. об этом: [Schluchter 1988: 195–338]. Характерно также, что А. Макинтайр, настаивающий на важности понимания этики именно в формате этики добродетелей, говорит: «Современное видение мира <...> является по большей части веберовским, хотя это не всегда верно на уровне деталей <...> Нынешний век, в его собственном представлении, является по большей части веберовским» [Макинтайр 2000: 151, 158].

Примечание: Основная часть текста «Протестантской этики» посвящена «перетеканию» максимы «призвания» из этики протестантов определённых деноминаций в «дух капитализма». При этом в разных частях текста присутствует огромное количество оговорок и уточнений касательно того, что является предметом исследования и какова логика его аргумента. Составляющие «духа капитализма» в «Протестантской этике»: «der Beruf, der Erwerb, Account, die Pflicht» (призвание (профессия) + приобретение + отчётность (способность и необходимость давать отчёт) + долг).

Рис. 1. Частичная схема аргумента М. Вебера в «Протестантской этике и духе капитализма»

«Дух капитализма»

Попробуем сделать какие-то первичные комментарии в отношении того, что Вебер понимал под «духом капитализма». Надеемся, это поможет немного по-другому посмотреть на «Протестантскую этику» и снимет часть проблем, на которые указывает профессор Капелюшников. Чтобы это сделать, остановимся коротко на четырёх вопросах — (1) на проблеме связи «духа капитализма» с наживой; (2) на том, что читателю может сказать выбор Вебером Франклина в качестве объекта внимания в начале «Протестантской этики»; (3) на том, какое отношение рассуждения Вебера о духе капитализма имеют к важной сегодня проблеме экономического роста, и наконец, (4) на элементе, связующем у Вебера две части работы — на этической составляющей капитализма. Всё это будем делать только в связи с теми или иными фрагментами текста профессора Капелюшникова, поскольку самостоятельное рассмотрение этих тем не уместилось бы в одну статью.

Нажива и дух капитализма

Предметом «Протестантской этики и духа капитализма» Вебера был, как следует из названия, «дух капитализма» (и некоторое отношение к нему протестантской этики). Чтобы ясно представлять себе, о чём эта работа, нужно разобраться, что Вебер понимал под «духом капитализма». Как можно видеть из текста «Гипноза...», профессор Капелюшников практически приравнивает дух капитализма к наживе (в первую очередь в её денежном выражении): «По словам Вебера, в “духе капитализма” труд и нажива до такой степени начинают мыслиться как самоцель, что становятся “чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к “счастью” или “пользе” отдельного человека» [Вебер 1990b: 75]» [Капелюшников 2018b: 18].

Связав дух капитализма с наживой, профессор Капелюшников замечает, что у Вебера есть явное противоречие: «Из “Протестантской этики” вырисовывается совершенно иная картина. В ней мы встречаем, с одной стороны, верного своему профессиональному долгу предпринимателя, который стремится к наживе, а с другой — верного своему профессиональному долгу рабочего, который не стремится к наживе (Курсив мой. — Р. К.) [Вебер 1990b: 203]» [Капелюшников 2018b: 19].

И далее, говоря о Франклине, Р. И. Капелюшников фиксирует ещё одно противоречие: «Во всём этом нет абсолютно ничего от “духа капитализма”: мы не обнаруживаем ни отношения к наживе как к самоцели, ни призывов потреблять как можно меньше и сберегать как можно больше, ни предписаний безостановочно накапливать капитал» [Капелюшников 2018b: 23].

На этом же основании профессор Капелюшников недоумевает, почему Веберу не подходит Фуггер: «Банкир Якоб Фуггер (1459–1525) — “креатура” Л. Brentano — полагал, что настоящий деловой человек не должен уходить на покой до последних дней жизни. “Дайте мне наживаться, — будто бы говорил он, — покуда это в моих силах”. В данном отношении Франклин, напомним, демонстрировал совершенно иное, явно “некапиталистическое” поведение, забросив бизнес в 42 года. Тем не менее католик Фуггер не подходит на роль идеально-типического капиталиста, потому что его слова никак этически не окрашены [Вебер 1990b: 74]. Однако с помощью интерпретационных приёмов, используемых Вебером, можно было бы легко и непринуждённо придать этим словам требуемую этическую окраску» [Капелюшников 2018b: 24–25].

Заметим, точная цитата о Фуггере у Вебера в русском переводе выглядит так: «В этих словах *отсутствует* тот “дух”, которым проникнуты поучения Франклина: то, что в одном случае является преизбытком неиссякаемой предпринимательской энергии и морально индифферентной склонности, принимает в другом случае характер *этически* окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» [Вебер 1990b: 74]. Мне кажется, здесь стоит обратить внимание на два момента: (1) «избыток предпринимательской энергии» и (2) «весь уклад жизни».

Ремарка «весь уклад жизни» должна настораживать: когда кто-то поливает цветы, шутит, пишет рекомендации, как выбрать любовницу, или ругается с подагрой, он не (или не обязательно) зарабатывает деньги, не богатеет, то есть не наживается. Значит, возможно, дух капитализма и нажива — это не одно и то же?

Таким образом, кажется, что такая трактовка, как «дух капитализма практически равен наживе», скорее, вносит сумятицу и заставляет читать «Протестантскую этику» как набор не связанных друг с другом глупостей. Нужно признать, в «Протестантской этике» у Вебера не всё всегда кристально ясно, однако в том, что касается наживы, его текст в ряде мест достаточно понятен и позволяет предложить такую трактовку, которая объясняла бы большую часть мест, цитируемых профессором Капелюшниковым; можно сказать, что в «Протестантской этике» есть понятие, которое используется Вебером чаще других.

В русском переводе словом «нажива» передаются два разных немецких слова: *der Erwerb* и *der Gewinn*. Первое и есть одно из основных понятий «Протестантской этики», именно им обозначается модальность отношения к жизни (*Lebensführung*) Франклина. Оно буквально означает «приобретение». Речь идёт не обязательно о приобретении денег; человек, живущий в такой модальности, смотрит на мир как на то, что можно (и должно) приобрести. Что нельзя растрчивать, разбазаривать, терять, раздавать. Он относится так ко всему — к шуткам, обеду, деньгам, любовницам, грехам и добродетелям. *Der Erwerb*, что как раз подчёркивает планомерный характер процесса⁸. *Der Gewinn* переводится как «нажива, выгода, барыш». Слово образовано от немецкого глагола *gewinnen* («выигрывать») и содержит коннотацию выигрыша. Именно на этом основании, мне кажется, Вебер и различает Франклина и Фуггера. Он описывает Фуггера через *Gewinn*, а Франклина — через *Erwerb* (и производные слова)⁹.

⁸ Об использовании *Erwerb* в современной Веберу экономической науке см., например: [Nau 1997; Takebayashi 2003: 69, 74, 204–206]

⁹ В русскоязычном дискурсе существуют критические оценки перевода «Протестантской этики», сделанного М. И. Левиной; см., например: [Коваленко, Коваленко 2016: 4–7].

Сравним несколько фрагментов текста «Протестантской этики» в русском переводе и на языке оригинала (см. табл. 1).

Таблица 1

Фрагменты текста «Протестантской этики» на языке оригинала и в сравнительном русском переводе

Немецкий текст (см.: [Weber 2016])	Русский перевод М. И. Левиной (см.: [Вебер 1990b])	Уточнённый русский перевод автора статьи
„Erwerbstrieb“*, „Streben nach Gewinn“, nach Geldgewinn, nach möglichst hohem Geldgewinn hat an sich mit Kapitalismus gar nichts zu schaffen [Weber 2016:105].	«Стремление к предпринимательству », «стремление к наживе», к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом [Вебер 1990b: 47].	«Стремление к приобретательству », «стремление к наживе», к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом [Вебер 1990b: 47].
Schrankenloseste Erwerbsgier ist nicht im mindesten gleich Kapitalismus, noch weniger gleich dessen „Geist“ [Weber 2016: 106].	Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того его «духу» [Вебер 1990b: 48].	Неограниченная жажда приобретения ни в коей мере не тождественна капитализму и ещё менее того его «духу» [Вебер 1990b: 48].
Wenn Jakob Fugger einem Geschäftskollegen, der sich zur Ruhe gesetzt hat und ihm zuredet, das gleiche zu tun, da er nun doch genug gewonnen habe und andere auch gewinnen lassen sollte, dies als „Kleinmut“ verweist und antwortet: „er (Fugger) hätte viel einen andern Sinn, wollte gewinnen dieweil er könnte“ [Weber 2016: 155].	Якоб Фуггер, упрекая в «малодушии» своего товарища по делам, который удалился на покой и советовал ему последовать его примеру — он, мол, достаточно нажил, пора дать заработать другим, — сказал, что «он (Фуггер) мыслит иначе и будет наживаться, пока это в его силах» [Вебер 1990b: 74].	В данном фрагменте нет уточнений к переводу.
Sondern vor allem ist das „summum bonum“ dieser „Ethik“ der Erwerb von Geld und immer mehr Geld, unter strengster Vermeidung alles unbefangenen Genießens, so gänzlich aller eudämonistischen oder gar hedonistischen Gesichtspunkte entkleidet, so rein als Selbstzweck gedacht, daß es als etwas gegenüber dem „Glück“ oder dem „Nutzen“ des einzelnen Individuums jedenfalls gänzlich Transzendentes und schlechthin Irrationales erscheint [Weber 2016: 159].	<i>Summum bonum</i> * этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека [Вебер 1990b: 75].	<i>Summum bonum</i> * этой этики прежде всего в приобретении денег и все больших денег при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека [Вебер 1990b: 75].
	* Высшее благо (<i>лат.</i>).	* Высшее благо (<i>лат.</i>).

* Здесь и далее полужирный шрифт автора статьи.

Именно в этом месте (видение **ВСЕЙ** жизни как Erwerb) аргумент Вебера отличается от аргумента, например, Л. Brentano [Brentano 1916], который отмечал, что идеи, аналогичные тем, что Вебер находит у Франклина, существовали довольно давно — едва ли не с Античности. Но аргумент Вебера состоит

в том, что в определённый момент истории *ВСЯ* жизнь стала пониматься как дело, как приобретение. Вся жизнь стала центрироваться вокруг дела, профессии, работы. Время, потраченное не на работу, стало почти греховным. Именно в этом смысл отрывков из франклиновских текстов, приводимых Вебером: идеальный человек должен стучать молотком с утра до вечера. Иногда это приносит деньги, но, даже если не приносит, всё равно долг человека — заниматься делом, собирать, приобретать. В одном месте «Протестантской этики» Вебер назовёт своего человека «*Erwerbsmaschine*».

Франклин как носитель капиталистического духа

Если принять (согласиться), что дух капитализма связан не с наживой, а с приобретательством (*Erwerb*)¹⁰, то снимется и часть вопросов касательно того, почему именно Франклин интересен Веберу. Тем не менее остановимся на этом немного подробнее.

Профессор Капелюшников пишет: «Парадоксально, но наиболее полное и адекватное воплощение “духа капитализма” Вебер обнаруживает в сочинениях, а также в жизненном поведении Бенджамина Франклина (1706–1790). Выбор Франклина в качестве “иконы” капиталистического духа удивителен по многим причинам: по своим убеждениям Франклин был не пуританином, а, как выражается Вебер, бесцветным деистом “без какой-либо конфессиональной направленности” [Вебер 1990b: 75]; он никогда не был фанатично предан бизнесу и занимался им лишь часть своей жизни (сначала в качестве простого типографа, а позднее в качестве хозяина типографской мастерской); свой небольшой бизнес он вёл, по оценке Вебера, не на рационально-капиталистической, а на традиционалистской основе [Вебер 1990b: 85]; он никогда не ограничивал себя какой-либо одной сферой деятельности, а всю жизнь подвизался на нескольких поприщах одновременно; наконец, он был прежде всего литератором и лишь затем бизнесменом, общественным деятелем, дипломатом, учёным, философом, революционером, женолюбом, светским человеком» [Капелюшников 2018b: 20].

Мне кажется, что дело станет существенно более ясным, если поставить акцент иным образом, а именно: *Веберу нужно было объяснить Франклина*. Всё остальное вторично. Иными словами (сформулируем коротко, жертвуя точностью), задача состояла не в том, чтобы объяснить рост ВВП Англии, Голландии или Америки. По большому счету, Вебер начинает не с капитализма, он начинает с Франклина. Или вводит их почти синхронно; он как бы говорит: «Вот Франклин», — и чуть позже: «Давайте считать это духом современного рационального западного промышленного капитализма». Кстати — любопытное «совпадение» — меньше чем через 10 лет после того, как Вебер написал «Протестантскую этику», посвящённую интерпретации фрагмента текста Франклина, в Мекке современного капитализма на самую крупную банкноту поместили изображение именно Франклина.

Профессор Капелюшников пишет: «Чем же обосновывает Вебер свой выбор? Ничем, кроме непонятной уверенности в том, что всем, как и ему, должно быть совершенно очевидно, что принадлежащие Франклину “строки пропитаны именно “духом капитализма”, его характерными чертами” [Вебер 1990b: 73]. Всё, однако, указывает на то, что очевидно это было лишь одному человеку — самому

¹⁰ Мне кажется, что в «Протестантской этике» «дух капитализма» состоит из четырёх элементов: «*der Beruf + der Erwerb + Account + die Pflicht*» (призвание (профессия) + приобретение + отчётность (способность и необходимость давать отчёт) + долг). Полное раскрытие этой формулы потребует отдельной работы. Отметим, что «Протестантская этика» посвящена генеалогии *Beruf* и отчасти её связи с *der Erwerb*. Этот последний компонент описывается во второй части нашей работы. *Account* (отчёт; способность и необходимость давать отчёт) (и соответственно *accountability*) встречается уже в исходной цитате из Франклина. Анализ истоков такого отношения к жизни — отдельная большая исследовательская программа. В связи с этим можно упомянуть, например, работы А. Матча, который связывает возникновение этой составляющей характера современного человека, в частности, с шотландским пресвитерианизмом; особенно — со способом организации церкви и ведения церковных дел там. Среди прочего Матч указывает, что шотландцы были очень востребованы в этом своём качестве, и именно в таком качестве собирался ехать за океан известный поэт Р. Бёрнс [Mutch 2009; 2012].

Веберу. Ни у кого из позднейших исследователей, специально занимавшихся изучением творчества Франклина, веберовская трактовка не получила признания» [Капелюшников 2018b: 20–21].

Что такого особенного во Франклине и почему именно о нём стоило говорить в связи с духом капитализма? Мне кажется, для Вебера этот выбор был очевидным и не требовал объяснений (поэтому специальных пояснений он и не давал). Во-первых, Веберу было ясно, что Мекка современного капитализма — это США («В настоящее время стремление к наживе (Приобретательству. — И. 3.), лишённое своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной» [Вебер 1990b: 207]). Во-вторых, Вебер, видимо, считал, что наилучшим образцом поведения, своеобразным идеалом, героем этого типа жизни является Франклин. И на это были все основания. Произведения Франклина расходились более чем значительными тиражами [Reinert 2015: 61–97], лучшие люди как Старого, так и Нового света вступали с ним в переписку, критиковали его, восторгались им (см., например: [Lemay, Zall 1986; Mulford 2008; Lynch 2010]). Он явно выражал какой-то образ мыслей и жизни, вызывавший у американцев, и не только, уважение, восхищение и желание подражать. Франклин был одним из тех, кто активно участвовал в создании «американской мечты»¹¹, связанной с двумя ценностями — богатством и свободой. Франклин был одним из тех, кто создал идеал *self-made man* (человек, сделавший себя сам)¹². Сказать, что в глазах современников и последователей Франклин не имел никакого отношения к американскому стилю жизни и американскому капитализму, было бы странным преувеличением. Тезис Р. И. Капелюшникова: «Ни у кого из позднейших исследователей, специально занимавшихся изучением творчества Франклина, веберовская трактовка не получила признания» [Капелюшников 2018b: 20], — тяжело доказать логически (нужно прочитать всех позднейших исследователей). Но достаточно легко привести свидетельства обратного: и исследователи, и практики вплоть до настоящего времени используют тексты Франклина¹³.

¹¹ «Но каждый знает или думает, что знает, одну основную тему и предмет Автобиографии. Каждый может сказать, почему эта книга обладала невероятной популярностью и почему она принадлежит классике американской литературы. [Это так] потому что Франклин дал нам ясную формулировку (*definitive formulation*) “американской мечты”. Что такое “американская мечта”? Наиболее простой ответ <...> вырастание из грязи в князи (*the rise from rags to riches*) <...> Второй и более важный аспект темы “американской мечты” в Автобиографии — это возрастание от бессилия к значимости (*the rise from impotence to importance*), из зависимости к независимости, от беспомощности к власти» [Lemay 1986: 350–352]. О Франклине в связи с “американской мечтой” см. также: [Kennedy 2016].

¹² См. подробнее, например: [Anker 1999: 105–144; Cullen 2004: 11–34]. Вопрос о том, насколько сам Франклин соответствовал этому идеалу, — отдельный вопрос, и каков бы ни был ответ, это мало что меняет в характере веберовского аргумента.

¹³ Можно указать на один интересный современный пример. В списке наиболее влиятельных книг по бизнесу от журналов «Time» и «Forbes» включена книга «The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic» («Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности») С. Кови. В ней автор, в частности, пишет: «<...> Я занялся изучением литературы, посвящённой успеху, которая была издана в США начиная с 1776 года. Я читал и просматривал сотни книг, статей и очерков в таких областях, как самосовершенствование, популярная психология и помощь самому себе <...> Исследуя двухсотлетнюю историю сочинений, посвящённых достижению успеха, я обнаружил одну поразительную вещь <...> В последние пятьдесят лет литература, посвящённая достижению успеха, носила поверхностный характер. В ней описывались техники создания имиджа, специальные приёмы быстрого действия — своеобразный “социальный аспирин” или “пластырь”, которые предлагались для решения острейших проблем <...> Полной противоположностью сказанному была литература первых ста пятидесяти лет. Почти вся она была посвящена теме, которую мы назовём “Этика характера как основа успеха”. Здесь речь шла о таких личных качествах, как целостность личности, скромность, верность, умеренность, мужество, справедливость, терпеливость, трудолюбие, простота, а также приверженность “золотому правилу”. Образцом такой литературы является автобиография Бенджамина Франклина. В основном это были истории о том, как человек работал над собой с целью развития у себя определённых принципов и навыков» [Кови 2018: 34]. Эти соображения современного американца, признанного в бизнес-сообществе и никак прямо с Вебером не соотносящегося, оказываются в части внимания к Франклину удивительным образом созвучными веберовской линии рассуждений (особенно если вспомнить, что «этос» — в переводе с греческого

Профессор Капелюшников абсолютно прав: Франклин занимался в своей жизни много чем, и вовсе не только бизнесом, огромного состояния он не сколотил. Вебер пишет: «Эта *деловитость*, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина. Так, она выражена и в цитированном выше отрывке, и во всех его сочинениях без исключения» [Вебер 1990b: 76] Капелюшников читает это следующим образом: «Вершиной интерпретаторского произвола можно считать утверждение Вебера о том, что “дух капитализма” присутствует у Франклина “во *всех* его сочинениях *без исключения*” (Курсив мой. — Р. К.) [Вебер 1990b: 76]» [Капелюшников 2018b: 23].

Давайте предположим, что Вебер всё-таки не просто в очередной раз ошибался (и что никакого интерпретаторского произвола тут нет). Вдруг он действительно считал, что «эта *деловитость*, выражена <...> во всех <...> без исключения» сочинениях Франклина? Вдруг это укажет нам на то, что такое дух капитализма? По какой-то причине Вебер привёл только фрагменты франклиновских текстов, где обсуждаются деньги. Это смущает некоторых толкователей. Так, профессор Капелюшников предпочитает забыть, что Вебер говорил: «“Стремление к предпринимательству”, “стремление к наживе”, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом» [Вебер 1990b: 47], и берёт только одну часть веберовского аргумента: «*Summum bonum* этой этики прежде всего в наживе, во всё большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к “счастью” или “пользе” отдельного человека» [Вебер 1990b: 75]. Но ведь дело в том, что первая-то часть тоже есть. Что это может обозначать?

Итак, Вебер говорит, что дух капитализма не связан с деньгами, что он воплощён в куске текста из Франклина, и начинать надо именно с Франклина (который не сколотил особого состояния и занимался много чем), а то, что можно увидеть в этом куске, можно увидеть и в других текстах Франклина. Что же там надо увидеть? Профессор Капелюшников упоминает «Разговор Франклина с подагрой», «Речь мисс Салли Бейкер», «Совет молодому человеку, как выбрать любовницу». Он пишет: «Гротескность веберовского прочтения становится очевидной, если принять во внимание, что оба цитируемых текста Франклина стоят в одном ряду с такими его сочинениями, как “Совет молодому человеку, как выбрать любовницу” (1745), и аналогичными ему» [Капелюшников 2018b: 23]. Но, кажется, если прочитать эти тексты, то всё выглядит не настолько гротескно. Посмотрим на эти тексты. В них и во многих других мы видим один и тот же очень специфический стиль. Вот «Разговор Франклина с подагрой» (в другом переводе — «Диалог между Франклином и подагрой») [Франклин 2017b: 315–316]:

Франклин. Ой, ах! Неверно, что я не делаю никаких телесных упражнений, если я их очень часто делаю — еду обедать и возвращаюсь в карете.

Подагра. Из всех возможных упражнений это наиболее лёгкое и незначительное, если ты ссылаешься на движение кареты, подвешенной на пружинах. Исходя из количества тепла, получаемого в результате разного рода движения, мы можем дать оценку каждому упражнению. Так, для примера, если ты зимой отправишься пешком и у тебя холодные ноги, то через час ты почувствуешь приятную теплоту во всём теле; если ехать верхом на лошади, то почти такой же результат будет достигнут после четырёхчасовой езды рысью; но если ты будешь тащиться в карете (то, о чём ты говоришь), то можешь путешествовать целый день и с радостью войдёшь в самый захудалый постоялый двор, чтобы погреть ноги у огня. Не смей больше думать, что получасовая езда в карете достойно называться моционом.

«характер»). Из современной литературы о Франклине в отношении актуальных бизнес-ценностей см. также: [Bairati 1979; Chandler, Tedlow 1985; Baida 1990; McCormick 1999; 2001; Bastian 2005].

Мне кажется, дух этого текста тот же самый, что цитировавшегося Вебером. И тут, и там Франклин взвешивает преимущества и недостатки, даёт себе отчёт в том, зачем... ходить пешком. И зачем? Чтобы *приобрести* здоровье. Если бы это был только один пример такого рода отношения к жизни, его можно было бы списать на что угодно, но когда читаешь тексты Франклина один за одним, возникает ощущение, что он почему-то *обязан* делать именно так.

Вот «Эфемера: эмблема человеческой жизни»: Франклина угораздило попасть на какую-то прогулку-приём «в очаровательном саду Мулен Жоли» в обществе разных людей. И, описывая это общение, он между прочим пишет: «Они проводили за спором время, не придавая, казалось, никакого значения тому, что их жизнь столь коротка, и вели себя так уверенно, будто бы у них был впереди ещё целый месяц» [Франклин 2017d: 301].

В саду он обнаруживает в стороне старичка, монолог которого с самим собой «развлёк его», Франклин явно одобряет ход мысли этого старичка. Тот, в частности, говорит: «Так полагали все, — говорил он, — учёные философы нашей расы, которые жили и процветали задолго до меня, что этот обширный мир, Мулен Жоли, не может поддерживать себя дольше восемнадцати часов <...> Я прожил семь часов, немалый век, за который утекло не менее четырёхсот двадцати минут времени. Сколь мало тех, кто живёт так долго!» [Франклин 2017d: 302].

Это, конечно, ещё не «время — деньги», но очень близко. Время нельзя тратить просто так, особенно на развлечения (это почти грех). Его нужно тратить на правильные дела. Кстати вот как заканчивается «Диалог с подагрой»: «Франклин <...> Я честно обещаю больше никогда не играть в шахматы, ежедневно упражняться и жить умеренно» [Франклин 2017d; 318].

Или, например, «Этика шахмат»: «Шахматная игра — самая древняя и самая распространённая из известных людям игр <...> Она настолько интересна сама по себе, что нет нужды рассматривать, в чем её польза, чтобы ею можно было увлечься <...> И следующее ниже сочинение написано с тем, чтобы избавить игру (у кое-кого из наших юных друзей) от небольших несовершенств, одновременно показав, что она по воздействию своему на интеллект может оказаться не только невинной, но и выгодной как для проигравшего, так и для победителя <...> Игра в шахматы — не просто праздная забава. Несколько из очень важных качеств ума, полезных в жизни человека, этой игрою добываются и укрепляются настолько, что входят в привычку, которая пригодится в любой из ситуаций <...> А чтобы нам чаще отдаваться этой благотворной забаве, предпочитая её прочим, не сопряжённым с такой же полезностью, необходимо учитывать всякое обстоятельство, увеличивающее наслаждение ею» [Франклин 2017c: 320–323].

Даже после того, как Франклин сказал, что игра интересна сама по себе, ею можно увлечься, он как бы чувствует себя обязанным оправдать возможность играть, и аргументы его все те же: игра выгодна, она укрепляет что-то полезное (в жизни человека), именно из-за полезности этой игры можно предпочитать её прочим. И так далее. Совершенно в том же ключе выдержаны то ли шуточные, то ли не очень «Советы молодому человеку, как найти любовницу» (1745). Вся комичность, создаваемая Франклином (если она там вообще есть), возникает за счёт того, что идеи полезности, расчётливости, приобретательства и подведения баланса опрокидываются на некапиталистический предмет — выбор любовницы. Но духа франклиновских сочинений это не меняет.

Вебер пытается сделать довольно сложную вещь — одновременно и говорить о современном капитализме (всё-таки это определённая экономическая формация), и показывать, что *капитализм не связан исключительно с деньгами, фабриками, биржей и с другими «экономическими» феноменами*. Его интересует капитализм, но в первую очередь не фабрики и деньги, а то, что капитализм теперь *везде* («самый могучий фактор нашей современной жизни» [Вебер 1990b: 47]). Франклин борется с пода-

гой, играет в шахматы, ходит гулять, заведует типографией, изобретает громоотвод — и везде им движет этот дух. Он спит, ест, воюет, шутит, ругается, советует и... продолжает считать и подводить баланс. Продолжает приобретать. Это приобретательство, стремление к приобретательству — *Erwerb*, *Erwerbstrieb*, *Erwerbsleben* — везде. Это способ жизни. В противовес, например, расточительству, разбазариванию, раздариванию, дару¹⁴.

То, что может быть не до конца ясно видно у Франклина, хорошо видно у Робинзона Крузо (Д. Дефо). Профессор Капелюшников в том же стиле прошёлся и по нему: «В изображении Вебера этот изолированный от мира *homo oeconomicus* (его прообразом объявляется Робинзон Крузо) предстаёт как “машина для получения дохода” [Вебер 1990b: 197]» [Капелюшников 2018b: 19]. Данное место из текста профессора Капелюшникова содержит несколько «сложностей» и не очень помогает понять, что же Вебер имел в виду. Приведённая выше цитата из текста Капелюшникова отсылает к двум разными фрагментам веберовского текста, разделённого несколькими страницами: во-первых, к фрагменту про Робинзона Крузо как изолированного от мира экономического человека (и здесь Вебер говорит о перемене характера индивидуализма)¹⁵; во-вторых, к фрагменту о машине для получения дохода (здесь Вебер пишет об обязательствах человека)¹⁶. Сложность второго фрагмента снимается легко: у Вебера на немецком здесь все тот же *der Erwerb*, то есть «машина для получения дохода» оказывается чем-то вроде «приобретателя», или «машиной по приобретению», «аппаратом, который воспринимает мир только через призму приобретения (составления баланса)», «машиной, которая сделана для того, чтобы приумножать» (на немецком — *Erwerbsmaschine*). Это всё, что она может; акцент — на этом. Другими функциями эта машина не оснащена¹⁷.

Но в этом втором фрагменте есть более важная часть. Вебер говорит об обязательстве (он выделяет это слово), которое замораживает жизнь (мы ещё вспомним об этом «замораживании» далее). Это

¹⁴ Ср. в связи с этим эссе о даре Мосса и весь пафос этой традиции (вплоть до А. Кайе, Ф. Готье, Ж. Деррида, Ж.-Л. Мариона), борющейся в том числе с духом капитализма [Ларкина, Юдин 2015].

¹⁵ «Как указывает Уэсли, великие религиозные движения, чьё значение для хозяйственного развития коренилось прежде всего в их аскетическом воспитательном влиянии, оказывали наибольшее экономическое воздействие, как правило, тогда, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда судорожные попытки обрести царство Божье постепенно растворялись в трезвой профессиональной добродетели и корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посюсторонности; в это время, пользуясь определением Доудена, “Робинзон Крузо”, изолированный от мира экономический человек, занимающийся отчасти и миссионерством, вытеснил в народной фантазии “пилигрима” Беньяна, этого одинокого человека, все усилия которого направлены на то, чтобы поскорее миновать “ярмарку тщеславия” в поисках царства Божьего» [Вебер 1990a: 201–202].

¹⁶ «Ведь человек — лишь управляющий благами, доверенными ему милостью Божьей, он, подобно рабу в библейской притче, обязан отчитываться в каждом доверенном ему пфенниге, и если он истратит что-либо не во славу Божью, а для собственного удовольствия, то это по меньшей мере вызывает сомнение в богоугодности его поступка. Кому из беспристрастных людей не известны сторонники подобной точки зрения и в наши дни? Мысль об обязательстве человека по отношению к доверенному ему имуществу, которому он подчинён в качестве управителя или даже своего рода “машины для получения дохода (По приобретению. — И. З.)”, ложится тяжёлым грузом на всю его жизнь и замораживает её. Чем больше имущество, тем сильнее, если аскетическое жизнеощущение выдержит искус богатства, чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом во славу Божью» [Вебер 1990: 197].

¹⁷ Попутно отметим, что профессор Капелюшников пишет: «*Homo oeconomicus* экономической теории можно назвать “машиной для получения удовлетворений”, но нельзя назвать “машиной для получения дохода”. Вебер мог знать об этом хотя бы потому, что читал Т. Веблена и ссылался на его работы» [Капелюшников 2018b: 19, сн. 3]. Это примечание выглядит как упрёк в невнимательности. Однако, во-первых, у Вебера не «машина для получения дохода», а «машина по приобретению»; во-вторых, Вебер действительно читал маржиналистов, в ряде своих работ писал об этом; см.: [Weber 1975], а также: [Norkus 2001]; а в ряде случаев солидаризировался с позицией К. Менгера, несмотря на то что вышел из немецкой исторической школы; в-третьих, упоминание здесь изолированного экономического человека, скорее, говорит о том, что Вебер видит и маржиналистскую революцию как проявление этого духа капитализма; см. подробнее: [Ghosh 2008: 269–298].

точно то, что можно было видеть ранее у Франклина: вся жизнь редуцируется к подведению баланса. И именно это заботит Вебера, именно об этом «Протестантская этика». И это же можно видеть у Дефо, между которым и Франклином есть определённая преемственность. Робинзон на всё смотрит через призму бюджета. Высадившись на остров, он подводит баланс случившегося с ним добра и зла. Прежде чем представить две колонки, он пишет: «С полным беспристрастием я, словно должник и кредитор, записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом всё, что случилось со мной отрадного» [Дефо 1974: 65]. Победив людоедов, он также ведёт учёт: «Эти четверо (и в числе их один раненый, про которого мы не знали, жив он или умер) были единственные из двадцати одного человека, которые ушли от наших рук. Вот точный отчёт:

- 3 — убито нашими первыми выстрелами из-за дерева;
- 2 — следующими двумя выстрелами;
- 2 — убито Пятницей в лодке;
- 2 — раненных раньше, прикончено им же;
- 1 — убит им же в лесу;
- 3 — убито испанцем;
- 4 — найдено мёртвыми в разных местах (убиты при преследовании Пятницей или умерли от ран);
- 4 — спаслись в лодке (из них один ранен, если не мёртв);
- 21 всего.

Трое дикарей, спасшихся в лодке, работали вёслами изо всех сил, стараясь поскорей уйти из-под выстрелов» [Дефо 1974: 191]. Робинзон становится одним из любимых героев экономических текстов.

Вспомним в связи с этим у К. Маркса: «Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учёт самому себе» [Маркс 1960: 87]. У Вебера речь идёт не о том, что Робинзон жаждет дохода, но о перемене в отношении к миру.

Дух капитализма и этическая реформа, скрытая в протестантизме

Одной из составляющих «духа капитализма» является идея профессии и (или) призвания (*Beruf*). Акцентирование этой этической идеи, по Веберу, привело (или могло привести) к важным последствиям в способе мышления и образе жизни современного человека. Этическая сторона «Протестантской этики» практически не разбирается в «Гипнозе...». Тем важнее обратиться к одному из тех мест текста, где автор «Гипноза...» анализирует «нравственную философию» Франклина. Профессор Капелюшников пишет: «Одна из странностей комментариев Вебера состоит в том, что он использует тексты Франклина, обращённые к другим лицам, но почти не касается текста, где тот излагает нравственную философию, которую выработал для самого себя. Мы имеем в виду список из 13 добродетелей в его «Автобиографии», написанной им специально для своего сына (см. приложение)¹⁸. Естественно, как и у всякого моралиста, в этом списке находится место и воздержанию, и трудолюбию, и бережливости. Однако комментарии Франклина относительно того, в какой мере он сам преуспел в овладении этими добродетелями, полны самоиронии. Он пишет, что проявлял бережливость только тогда, когда бывал беден, и что ему лучше удавалось создавать видимость скромности, чем быть скромным на самом деле. Что касается целомудрия, то о его достижениях по этой части лучше вообще умолчать. Во всём этом нет абсолютно ничего от «духа капитализма»: мы не обнаруживаем ни отношения к наживе как к самоцели, ни призывов потреблять как можно меньше и сберегать как можно больше, ни предписа-

¹⁸ В приложении к статье Р. И. Капелюшникова даётся текст «Тринадцати добродетелей Бенджамина Франклина» с исправлениями перевода автором статьи «Гипноз Вебера» [Капелюшников 2018b: 36]. — *Примеч. ред.*

ний безостановочно накапливать капитал. Но особенно примечателен последний, 13-й, пункт из франклиновского списка, касающийся такой добродетели, как скромность: можно ли вообразить, чтобы веберовский аскето-протестантский капиталист, одержимый погоней за прибылью, когда-нибудь по примеру Франклина сказал себе: “Подражай Сократу”?» [Капелюшников 2018b: 23]

Казалось бы, здесь всё ясно: профессор Капелюшников окончательно разобрался с ещё одним элементом веберовского тезиса. Однако не стоит торопиться. Я не буду останавливаться подробно на каждой строчке абзаца, остановлюсь на том, что профессор Капелюшников считает «самым примечательным», — на месте скромности в этом списке добродетелей. Нужно понять, что помещение скромности в этот список под номером 13 льёт воду на мельницу веберовского аргумента, а не наоборот.

Во-первых, зафиксируем, что, по мнению профессора Капелюшникова, помещение скромности в этот список под номером 13 означает признание её высокого места в рейтинге личных ценностей Франклина. На самом деле 13-е место этой добродетели в списке — не высокое, скорее, место.

Во-вторых, то, что профессор Капелюшников читает как «скромность», на самом деле не скромность. В исходном тексте Франклина это *humility* — смирение (замечу, что у Франклина: «Подражай Иисусу и Сократу»). Не будет преувеличением сказать, что смирение — это основная добродетель всего христианства до Реформации (см. подробнее, например: [Dihle 1957: 735–778; Adnès 1969: 1136–1187]). А значит, христианину нужно иметь очень серьёзные основания для того, чтобы поставить её не на первое, а на 13-е место в списке добродетелей, которые он собрался в себе культивировать (напомним: в «Автобиографии» Франклин говорит, что вообще не собирался её включать, но потом передумал).

В-третьих, Вебер, анализируя перипетии реформатской этики, говорит о смирении, противопоставляя лютеран реформатам. Например: «На смену смиренным грешникам, которым Лютер сулил Божью милость, если они, преисполненные веры и раскаяния, вверят себя Богу, теперь в лице непреклонных купцов героической эпохи капитализма приходят выпестованные пуританизмом “святые”; отдельные представители их сохранились вплоть до наших дней» [Вебер 1990b: 149]. Уже в «Протестантской этике» Вебер вводит противопоставление «мистицизм — аскетизм»: «Специфическая реформатская религиозность с самого начала отвергала как квиетизм Паскаля с его бегством от мира, так и лютеранскую религиозность с её чисто духовной настроенностью. Реальное проникновение Бога в человеческую душу полностью исключалось его абсолютной трансцендентностью по отношению ко всему товарному: *finitum non est capax infiniti*. Общение Бога с его избранниками может осуществляться и осознаваться лишь посредством того, что Бог действует в них (*operatur*), что они это осознают и что их деятельность проистекает тем самым из веры, данной им милостью Божьей, а эта вера, в свою очередь, свидетельствует о своём божественном происхождении посредством той деятельности, в которой она находит своё выражение. В этом обнаруживаются столь глубокие различия в ощущении своей избранности, что они вообще могут лечь в основу классификации практической религиозности как таковой: виртуоз религиозной веры может удостоверить в своём избранничестве, ощущая себя либо сосудом божественной власти, либо её орудием. В первом случае его религиозная жизнь тяготеет к мистическо-эмоциональной культуре, во втором — к аскетической деятельности. Первому типу близок Лютер, ко второму принадлежит кальвинизм» [Вебер 1990b: 150].

В явном виде эта дихотомия будет представлена в «Социологии религии» и «Хозяйственной этике мировых религий». Фактически эта дихотомия есть то же самое, что и дихотомия «смирение — призвание». Мистицизм часто описывается Вебером с использованием категории смирения. По-видимому, переход от «смирения» к «призванию» в христианской этике стал очень важным событием в истории современного мира и, вероятно, мог вызвать изменения в способах действия христиан в мире. Можно предположить, что в веберовской концепции сам этот переход имел не меньшее значение, чем акцентирование немецким учёным решения проблемы неопределённости уже в рамках дискурса призвания.

Иными словами, в дихотомии «призвание — смирение» человек, поместивший добродетель смирения в список добродетелей из 13 пунктов под номером 13, всё-таки должен быть отнесён ближе к полюсу призвания.

В-четвёртых, если рассмотреть весь список Франклина, то ближе к первым местам окажутся добродетели, гораздо более близкие призванию. Например: «3. *Порядок*. Держать все свои вещи на их местах; для каждого занятия иметь своё время. 4. *Решительность*. Решаться выполнять то, что должно сделать¹⁹; неукоснительно выполнять то, что решено. 5. *Бережливость*. Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать. 6. *Трудолюбие*. Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным; отказываться от всех ненужных действий» [Франклин 2017а: 126].

В-пятых, не менее важна сама методичность франклиновского действия. Франклин не просто составил себе список добродетелей, которые он собирается осваивать. Прежде всего, он разработал метод (как он будет их осваивать). Кроме того, составил колоритную таблицу, в которой отмечал по дням недели, где он совершил что-то отклоняющееся по каждой из добродетелей. Наконец, он сделал это по большому счету один (без духовника, без кого-то из старейшин). В некоторых христианских конфессиях (например, в русском православии, для которого смирение является центральной добродетелью) подобное поведение с очень большой вероятностью сочли бы предосудительным.

Такой способ поведения — это именно то, что Вебер описывал как *Lebensführung* — дословно «ведение жизни», но по смыслу ближе значение «организация жизни», «управление жизнью», «направление жизни туда, куда тебе нужно». Русское «ведение жизни» имеет пассивные коннотации: «он вёл такую-то жизнь» обозначает что-то вроде «его жизненный стиль (или образ жизни) был таким-то». Активность передаётся жизненному стилю, а не человеку. У Вебера акцент здесь именно на том, что человек направляет свою жизнь. Так вот, сама идея *Lebensführung* — это в большой степени идея реформатского богословия²⁰.

Иными словами, мне кажется, что то, как Франклин вписал смирение в свой список, скорее, свидетельствует о том, что, с одной стороны, у него можно найти очень важные элементы «нового» христианства, а с другой — он и в этой части повторяет важные элементы того, что мы видели в цитированном Вебером в начале «Протестантской этики» отрывке.

Капитализм и экономический рост

Говоря о «духе капитализма», нельзя не отметить ещё одно неявное смещение, которое делает автор «Гипноза...». Речь идёт о различии между капитализмом и экономическим ростом. Профессор Капелюшников легко переходит от первого ко второму, но мне кажется, что между ними не стоит ставить знак равенства (и Вебер этого не делал). Соответственно весь пласт критики, многократно тестирующий связь между показателями религиозности (например, посещаемость церквей) и экономического роста (например, ВВП стран), оказывается не вполне относящимся к так называемому веберовскому тезису.

¹⁹ Человек смирения — это не человек решительности, но человек, который готов рассмотреть разные альтернативы. Из современных контекстов в связи с экономикой см.: [Collins 2001].

²⁰ *Lebensführung* как понятие веберовской социологии имеет свои корни в протестантском богословии (см. подробнее: [Ghosh 2014: 134–135]). Можно было бы сказать, что Вебер разработал понятийный ряд для анализа различных религий, но если, например, мы начнём смотреть на русское православие через призму *Lebensführung*, получим массу «сложностей».

Профессор Капелюшников пишет: «В заключение обратимся к более содержательному вопросу: насколько Вебер был прав в своей трактовке “сущности” современного капитализма? <...> В том, что “мотором” современного капитализма является накопление капитала, Вебер был солидарен с Зомбартом [Зомбарт 1904]. В свою очередь, Зомбарт, скорее всего, воспринял это представление от К. Маркса <...> Однако современная экономическая теория смотрит на это иначе [Барро, Сала-и-Мартин 2010]. Экономический рост, базирующийся только на накоплении капитала, способен длиться лишь ограниченный промежуток времени: рано или поздно он исчерпывается и рост уровня душевых доходов останавливается. (Это понимали уже экономисты-классики, использовавшие для описания подобной ситуации понятие “стационарного состояния”.) Иными словами, само по себе накопление капитала не может обеспечить устойчивый, долгосрочный, “вековой” экономический рост. Источником такого роста может быть только технологический прогресс в форме непрерывного потока технологических, институциональных, организационных и управленческих инноваций. Поэтому, по справедливому замечанию Макклоски, уникальную экономическую систему, возникшую на рубеже XVIII–XIX веков, было бы правильнее называть не капитализмом, а инновационизмом [McCloskey 2017]» [Капелюшников 2018b: 25–26].

Всё как будто бы правильно, но ни Маркс, ни Зомбарт, ни Вебер не ставили знака равенства между капитализмом и экономическим ростом или инновациями²¹. Более того, сам по себе экономический рост им не был важен. Если обратиться к «Современному капитализму» Зомбарта²², то стоит отметить, что он начинается с упоминания одного из отцов рабочего движения — Ф. Лассалья [Зомбарт 1904: 1], а о своей задаче Зомбарт пишет: «В хозяйственной жизни европейских народов, после того как погибла античная культура, следовали друг за другом три великие эпохи <...> Далее следует та эпоха, в которой и мы ещё живём в настоящее время: её внутреннее существо характеризуется преобладанием купеческих принципов, то есть организующей деятельности, основанной на спекулятивных расчётах; её руководящая мысль состоит в том, что цель хозяйства есть денежная выгода. Это стремление создало организацию, которую мы лучше всего охарактеризуем, назвав её капиталистической. За капиталистической эпохой следует, как можно уже теперь заключить по некоторым успевшим обнаружиться признакам, четвёртая, социалистически-товарищеская эпоха» [Зомбарт 1904: 19].

Иными словами, Зомбарту важно раскрыть суть («внутреннее существо») эпохи (системы, культуры), а вовсе не понять, что приводит народы к богатству или экономическому развитию. Капиталистическая эпоха определяется им в первую очередь не через богатство, а через специфику организации предприятия в эту эпоху. Более того, он не относится к этой эпохе сколько-нибудь позитивно (что не так у цитированной Капелюшниковым Макклоски). См. рассуждения Зомбарта в «Современном капитализме» о духе капитализма. Ещё более ясно это выражается в работе Зомбарта «Торгаши и герои», написанной во время Первой мировой войны: «И Мировая война 1914 года получает своё более глубокое всемирно-историческое значение только как англо-германская война. При этом главный вопрос чело-

²¹ Марксу рост сам по себе не был важен, ему было важно показать, как в ходе своего развития, в силу работы своих внутренних механизмов, капиталистический способ производства придёт к преодолению себя. А Вебер отчасти наследовал Марксу и Зомбарту, хотя и спорил с ними, отчасти же находился под влиянием маржиналистской революции; см. в связи с этим: «С победой маржиналистской революции в экономической теории возобладал статический равновесный подход, и интерес к проблемам роста снизился. Предметом господствующего направления в экономической теории стало распределение уже созданных редких ресурсов между областями их применения. Кроме того, в период с 1871 по 1914 г. экономический рост был для теоретиков, скорее, презумпцией, чем проблемой. На первый план и в теоретических дискуссиях, и в политических спорах в это время также выходит проблема не роста, а распределения» [Автономов, Ананьин, Макашева 2002: 335].

²² Капитализм не является нейтральным понятием экономической теории. Шмоллер, отсылаясь на «Современный капитализм» Зомбарта, писал, что то, что Зомбарт называет капитализмом, он назвал бы «современными денежно-хозяйственными формами производства, развившимися при либеральной системе свободы промышленности, свободной конкуренции и неограниченном стремлении к приобретению» (цит. по: [Степанов 1904: XX]).

веческой истории, требующий своего разрешения, состоит не в том, кто будет господствовать сегодня над морем; много важнее вопрос, заключающий в себе всю дальнейшую судьбу человечества, вопрос в том, какой дух окажется сильнее: торгашеский или героический» [Зомбарт 2005: 10]. В этом тексте ненависть к одной из самых экономически развитых стран тогдашнего мира ничем не скрывается.

Аналогична в этом отношении и ситуация с К. Марксом: если его и интересует экономический рост, то тоже не в первую очередь. Его экономические штудии появились в результате попыток решения ряда юридических вопросов — о справедливости, в первую очередь о социальной справедливости. А проблема капитализма для него — это проблема не того, как увеличить ВВП вдвое, а того, как разрешить «рабочий вопрос». Линия, которая привела к «Капиталу», проходит через работу «К критике политической экономии» и восходит к «Введению к гегелевской философии права» и «Дебатам о краже леса».

Вспомним, чем заканчивается марксово «Введение к гегелевской философии права»: «В чём же, следовательно, заключается положительная возможность немецкой эмансипации? Ответ: в образовании класса, скованного радикальными цепями, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие её универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще, которая уже не может сослаться на историческое право, а только лишь на человеческое право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя вместе с этим все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой полную утрату человека и, следовательно, может возродить себя лишь путём полного возрождения человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат» [Маркс 2000: 174].

Речь идёт об освобождении человека (и достигается оно, по мнению Маркса, не через экономический рост) — человека, который в тогдашней Германии оказался в бесправном положении, без достаточных средств к существованию и т. д. В конечном счёте, социальное расслоение, несправедливость и бедственное положение рабочих есть следствие динамики производственных сил и специфики производственных отношений. Тексты Маркса исполнены надеждой на то, что ситуацию можно изменить, и эта надежда напрямую не связана с уровнем экономического развития общества, особенно выражаемого в деньгах.

Теперь вспомним, чем заканчивается «Протестантская этика»: «По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем “тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить”». Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь. По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него всё большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества» [Вебер 1990b: 206].

И там же в отношении развития, которое сегодня рядом представителей социальных дисциплин приравнивается к экономическому развитию, измеряемому посредством ВВП, сказано: «Тогда-то применительно к “последним людям” этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: “Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее недоступной ступени человеческого развития”» [Вебер 1990b: 207].

Иными словами, критикуя Вебера в отношении того, что сбережения не обеспечили высоких темпов экономического роста, мы должны отдавать себе отчёт в том, что Вебер (как и Зомбарт и как Маркс) писал не про экономический рост. Капитализм — это не то же самое, что экономический рост, это не то

же самое, что рыночная система, хотя все эти вещи играют свою роль при его анализе. Выбирая слово «капитализм» для заглавия своих статей и книг, Вебер и Зомбарт указывали на значимость таких составляющих капитализма, как социальное расслоение (классы), социальная несправедливость, эксплуатация, торгашеский или какой-то иной дух и т. д. В связи с этим статьи Вебера о протестантской этике встают в один ряд, скорее, не только, а может быть, не столько, со статьями Р. Барро и Р. МакКлири про религию и экономический рост или с книгами Д. Маклоски, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона о том, почему некоторые страны становятся богатыми, а другие нет, сколько с текстами другой традиции, посвящёнными экономике и проблеме свободы в современном обществе. Сюда относятся довольно разные работы, например — «Бегство от свободы» Э. Фромма [Фромм 2015]²³, «Vita activa...» Х. Арендт [Арендт 1994], «Моральная свобода. Поиск добродетели в мире выбора» А. Вольфе [Wolfe 2001]. Из работ экономистов можно назвать такие, как «Дорога к рабству» Ф. Хайека [Хайек 1992] или «Капитализм и свобода» М. Фридмана [Фридман 2006]. Нужно отметить, что и сегодня постоянно обсуждается вопрос о том, какая социально-экономическая система благоприятствует свободе человека в большей степени. Именно в этом состоит один из аргументов защитников теорий свободного рынка. Аргумент этот даже в самых мягких версиях, например, в версии экономической социологии П. Димаджио и У. Пауэла [Димаджио, Пауэлл 2010], предполагает, что на человека накладываются какие-то внешние ограничения — институциональные, организационные, законодательные²⁴, отменив которые можно будет обеспечить свободу и реализацию всей полноты человеческого существования.

Начиная с постановки проблемы, Вебер настаивает на том, что дело не во внешних ограничениях. В начале своего текста он специально подчёркивает: «Однако наряду с этим типом капитализма Западу *Нового времени* известен и другой, нигде более не существовавший, — рациональная капиталистическая организация *свободного* (формально) *труда*» [Вебер 1990а: 51]. В этом проблема, которую будет решать Вебер: откуда может взяться несвобода у свободных людей? Почему, разрушив стальную клетку, мы вновь окажемся несвободными? Вебер уверен, что дело не в стальной клетке. В этом смысле его постановка вопроса радикальнее, нежели у Хайека или Фридмана.

Но что мешает человеку реализовать собственную полноту? Что мешает ему быть реально свободным, будучи свободным формально? Чтобы наметить контуры ответа на этот вопрос, Вебер обращается к очень специфической линии этической теории. Перейдём к ней и мы.

Этическая часть

С духом капитализма есть некоторая ясность в «Протестантской этике и духе капитализма»: хотя бы есть название раздела в книге, который однозначно отсылает к предмету; хотя бы есть место, где автор даёт «предварительное пояснение того, что он будет понимать под духом капитализма» [Вебер 1990b: 71]. Со второй (этической) частью уравнения всё обстоит гораздо хуже. Её вообще можно не заметить (так и получается у профессора Капелюшников, и винить его тут не в чем). Несмотря на то что вторая часть «Протестантской этики» называется «Профессиональная этика аскетического протестантизма», очень легко вместо «этической» части аргумента погрузиться в «протестантскую». Однако, по-видимому, делать этого не стоит.

В чём вообще состоит важность этической перспективы? В чём разница между этикой (этосом) и правилами житейской мудрости? К чему Вебер хочет привлечь наше внимание, подчёркивая важность

²³ См. также книгу Ю. Давыдова «Бегство от свободы», в которой освещается часть этого дискурса; правда, не в связи с проблематикой экономистов типа Ф. Хайека или М. Фридмана [Давыдов 1978].

²⁴ Именно подобного рода ограничения анализирует Маркс, начиная с «Дебатов по закону о краже леса». В итоге одним из основных тезисов Маркса будет тезис об отчуждении человеком своей сущности в капиталистической системе; в товаре и товарообмене. Аргумент Вебера несколько иной.

этической перспективы? Веберу важно понять, откуда взялся новый тип мышления, то есть такой тип мышления, который всю жизнь собирает вокруг работы (дела, приобретения). Дело вовсе не только в том, что вдруг откуда-то пришла другая техника организации, ведения жизни («правила житейской мудрости»), которую потом сменит следующая. Техник ведения жизни существует и существовало довольно много. В том числе существовали техники получения богатства, и довольно давно (в этом, в частности, смысл различения экономики и хрематистики у Аристотеля в «Никомаховой этике»). Есть техники получения богатства, но человеку может быть не нужно богатство. Есть техники ведения сельского хозяйства, но человеку может быть не интересно заниматься сельским хозяйством; есть техники того, как стать красивым (красивой), но человеку это может быть не нужно. Как заниматься спортом, как воспитывать детей, как агитировать на выборах, как лечиться... Но человеку всё это может быть не нужно. Почему? Потому что это не отвечает его представлениям о правильной жизни. Но что такое правильная жизнь? В конечном счёте, это такая жизнь, которая ведёт к благу, культивирует определённый набор добродетелей — и все эти правила (императивы) добродетели отвечают на простой вопрос о том, что такое хорошо и что такое плохо, как отличить хороший поступок от плохого. Например, в христианстве таким этическим кодексом, направляющим жизнь верующего к предельному благу — к спасению, — может быть Нагорная проповедь. Характер этического учения обычно таков, что его максимы работают в совершенно разных доменах жизни (с оговорками, но всё же), — именно по этому характеру вездесущести его и можно опознать. Иначе говоря, чтобы приблизиться к спасению, ты должен вести себя честно во всех сферах — в экономике, политике, семье...

Так вот, вдруг выясняется (и об этом, в частности, первая часть «Протестантской этики»), что люди в определённый момент времени начали *во всех сферах* жизни считать, составлять баланс и работать. Чтобы осознать масштаб перемены, сопоставьте например (1) честность или добро и (2) труд (ты не должен *быть* каким-то; ты должен *что-то* делать). Произошло что-то значительное. Дело не просто в изменении какой-то технической доктрины, ведущей к успеху в определённой сфере жизни. Вся жизнь вдруг стала оцениваться через призму работы (в профессии), сведения баланса и приобретения. Это применение работы к оценке *всей* жизни указывало на то, что произошла этическая перемена. Соответственно Вебер и приходит к этике²⁵ и ищет ответ на вопрос, *что* это за этическая перемена и где она могла произойти?

Но в чём собственно состояла *этическая* перемена? (Заметим, не *протестантская* пока, хотя эти две части сильно переплетаются в «Протестантской этике».) Как Вебер смотрит на этику?

Этическая часть аргумента начинается там же, где даётся описание «духа капитализма». Они как будто слеплены: только процитировав Франклина как пример капиталистического духа, Вебер сразу же говорит: «Идеал её (Философии скупости. — *И. 3.*) — *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идёт не *только* о “практической мудрости (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в *таком* аспекте данная философия нас и интересует» [Вебер 1990b: 72–73].

А где заканчивается этическая часть аргумента? В самом конце «Протестантской этики»: «В настоящее время дух аскезы — кто знает, навсегда ли? — ушёл из этой мирской оболочки <...> И лишь представление о “профессиональном долге” бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей <...> Современный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия. В настоящее время

²⁵ Можно отметить, что этика Л.-Б. Альберти не видит мир через призму работы и приобретения. Она видит мир через призму достоинства семьи-рода, поэтому Альберти Веберу и неинтересен.

стремление к наживе, лишённое своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы <...> Не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к “последним людям” этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: “Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее недоступной ступени человеческого развития» [Вебер 1990b: 206–207].

Стремление к приобретению лишается религиозно-этического содержания, но представление о профессиональном долге бродит по миру. Результатом этой эволюции станет «последний человек» — запертый в профессии человек без души.

О чём здесь собственно идёт речь? Что это за «последние люди», взятые в кавычки? Речь в данном случае идёт не только о «последних» в смысле результата некоторого процесса. Здесь Вебер фактически говорит языком Ницше, у которого «последний человек» оказался противоположностью «сверхчеловека». Рассмотрим подробнее ницшеанские истоки мотивов, которые находим у Вебера²⁶. Вот что Ницше говорит о «последнем человеке»: «Я говорю вам: нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть ещё хаос. Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя. Смотрите! Я показываю вам последнего человека <...> “Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?” — так вопрошает последний человек и моргает. Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким <...> “Счастье найдено нами”, — говорят последние люди и моргают» [Ницше 1996с: 11].

Но за счёт чего он делает всё маленьким (или относительным, незначимым)? Здесь нужна одна оговорка. Важно иметь в виду, что «сверхчеловек» и «последние люди» (или «господа» и «рабы») — это понятия этической теории, а не обозначение социальных классов. Господа — это те, кто создают ценности; рабы — те, кто не способен сделать этого [Данто 2000: 190–192]: «Господином может оказаться любой, кто задаёт безусловные ценности. Раб же, озабоченный полезностью и последствиями, вообще не имеет абсолютных ценностей» [Данто 2000: 194]. Речь идёт, говоря кантовским языком, о различии между категорическим и гипотетическими императивами²⁷ (см.: [Schluchter 1988: 200–218; Данто 2000: 193].

То, что начинается как описание последних людей в «Заратустре», уточняется в «К генеалогии морали» как ресентимент. Исследователи творчества Ницше склонны признать, что психологические и этические механизмы, описываемые Ницше в работах «К генеалогии морали» и «Так говорил Заратустра», идентичны (см., например: [Bittner 1994: 127–128]). Вот как Ницше описывает ресентимент: «Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые не способны к действительной реакции, к реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстостью. В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит НЕТ “внешнему”, “иному”, “несобственному”: это НЕТ и оказывается её творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда — это необходимое обращение вовне вместо

²⁶ Подробнее рассмотрение «Протестантской этики» в связи с идеями Ф. Ницше в: [Kent 1983; Hennis 1998; Staath 1992; Turner 2011; Tyrell 2014].

²⁷ «Если оставить в стороне детали изложения Ницше, то две морали сведутся к весьма простой, а после Канта к весьма обычной дистинкции между абсолютной и безусловной ценностью, с одной стороны, и гипотетической или случайной ценностью, с другой» [Данто 2000: 193].

обращения к самому себе — как раз и принадлежит к *ressentiment*: мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — её акция в корне является реакцией» [Ницше 1996с: 424–425].

Ресентимент — это затаённая обида, желание отомстить при невозможности это сделать. Ресентимент — это этика слабых, боящихся жизни людей, этика людей, не способных навязывать свою игру, тех, кто не имеет возможности ответить ударом на удар. Это этика маленького человека, скрытого действия. Не слышится ли уже здесь молоток Франклина? Если каждый день потихоньку стучать своим маленьким молоточком, то однажды ты будешь стоять перед царями. Так прочитать эти тезисы можно. И именно к такому прочтению в некоторой степени близок Зомбарт и, может быть, даже цитирующий его М. Шелер. Зомбарт напрямую увязывал «дух капитализма» или «мещанский дух» с ресентиментом: «Ресентимент является отличительной особенностью семейных хроник Альберти. Ранее я уже цитировал места из них, где комичная ребяческая ненависть к “сеньорам”, к их кругу, недоступному для него, прямо-таки бросается в глаза; примеры легко умножить <...> Безмерная бранчивость, в которую Альберти впадает всякий раз, когда заходит речь о “сеньорах” <...> говорит о другом: главной движущей силой, приведшей его к благоразумному буржуазному мировоззрению, был именно ресентимент» (цит. по: [Шелер 1999: 149])²⁸.

Однако кажется, что Вебер читает их не так или не только так. Если мы вчитаемся в «Рассмотрение третье» «К генеалогии морали», называющееся «Что означают аскетические идеалы?», мы легко увидим там и веберовскую типологию «мистик–аскет», и ту проблематику, которая стоит за «последними людьми» в «Протестантской этике». После того как Ницше ввёл в первых двух рассмотрениях такие понятия, как ресентимент и нечистая совесть, он начинает говорить об аскетическом священнике. Что тот делает? Ницше говорит: «священник есть *переориентировщик ressentiment*» [Ницше 1996а: 497]. «“Я страдаю: должен же кто-нибудь быть в этом виновным” — так думает каждая хворая овца. А пастух её, аскетический священник, говорит ей: “Поистине, овца моя! Кто-то должен быть виновным в этом: но этот кто-то есть ты сама, ты сама и виновна в этом — ты сама только и виновна в себе!”... Это сказано достаточно смело, достаточно лживо: но одно по крайней мере достигнуто этим, я говорил уже, — *переориентировка ressentiment*» [Ницше 1996а: 497–498].

Зачем это нужно? «К тому, чтобы до известной степени обезвредить больных, уничтожить неисцелимых их собственными руками, строго ориентировать не столь уж безнадежных на самих себя, обратить вспять направление их *ressentiment* (“Единое на потребу”) и таким образом использовать дурные инстинкты всех страждущих в целях самодисциплинирования, самоконтролирования, самопреодоления» [Ницше 1996а: 498]. «<...> Какими стимулирующими аффектами может быть хотя бы на время осилена глубокая депрессия, свинцовая усталость, чёрная скорбь физиологически заторможенных существ. Ибо, говоря вообще: во всех великих религиях дело главным образом шло о борьбе с некоего рода усталостью и тяжестью, носившими эпидемический характер» [Ницше 1996а: 499–500].

Эти «физиологически заторможенные существа» — это практически «последние люди». Практически, но не совсем. Мы подходим к самому главному. Как боролись с этим недовольством (непосредственно связанным с ресентиментом)? «С тем доминирующим недовольством борются, *во-первых*, средствами, сокращающими до самого низкого минимума чувство жизни вообще. Никакой, насколько это возможно, воли, никаких вообще желаний; избегать всего, что приводит к аффекту, что вырабатывает “кровь” <...> Результат, выражаясь морально-психологически, — “обезличение”, “иже во святых”; выражаясь

²⁸ В любом случае ещё раз акцентируем: в разговоре о духе капитализма и у Вебера, и у Зомбарта присутствуют отсылки к Ницше — к его ресентименту и к последним людям.

физиологически: гипнотизирование — попытка сколотить для человека нечто вроде того, чем является *зимняя спячка* для некоторых животных видов и *летняя спячка* для многих тропических растений, некий минимум потребления веществ и обмена веществ, при котором жизнь едва теплится, не доходя собственно до сознания» [Ницше 1996а: 500–501].

Это описание, за исключением специфического тона, практически полностью будет повторено Вебером при описании такого религиозного типа, как «мистик»²⁹ (в «Социологии религии»), прототипом которого в «Протестантской этике» оказываются мистики вроде И. Таулера³⁰. Между тем не будем забывать, что Ницше ставит диагноз современному обществу, и Вебер, подводя итог «Протестантской этики» и фактически завершая весь текст отсылкой к образу «последних людей», до известной степени солидаризуется с диагнозом Ницше. Однако переориентация ресентимента на себя с последующим устранением всех желаний как желаний греховных — не единственное лекарство от депрессии (усталости и тяжести). Есть и второе. Вот оно: «Гораздо чаще <...> против депрессивных состояний применяется иной *training*, во всяком случае, легче дающийся: *машинальная деятельность*. Что ею в значительной степени облегчается юдоль существования, вне всякого сомнения: этот факт нынче в несколько постыдном смысле называют “благословением труда”. Облегчение состоит в том, что интерес страждущего существенно отвлекается от страдания, — что сознание непрестанно занято действиями и, следовательно, не в состоянии уделить хоть сколько-нибудь заметного места страданию: ибо она тесна, эта камера человеческого сознания! Машинальная деятельность и всё, что относится к ней, как то: абсолютная регулярность, пунктуальное автоматическое послушание, единожды и навсегда адаптированный образ жизни, заполнение времени, некоторого рода разрешение на “безличие”, на самозабвение, на “*incuria sui*” (Да здравствует смерть (*umal.*) — *И. З.*), даже культивация их — как основательно, как тонко сумел аскетический священник воспользоваться этим в борьбе с болью!» [Ницше 1996а: 503].

Мы уже видели это отчасти в описании самого Франклина, отчасти в истолковании Вебером кальвинистских догматов: машинальная деятельность, тренинг, абсолютная регулярность, единожды и навсегда адаптированный образ жизни (в немецком варианте: *das Ein-für-allemall der Lebensweise* — единожды и навсегда заданный образ жизни; потом у Вебера будет *Lebensführung*)³¹. Вспомним этот образ франклиновского молотка, который должен был звучать в пяти утра и восьми часов вечера; благословение труда, отвлечение интереса страждущего от страдания. Вспомним, что веберовское «призвание» не ведёт к спасению, оно только позволяет забыть про то, что ты проклят³². Вышеприведенный фрагмент, написанный сыном лютеранского пастора, мог быть написан и сыном кальвинистки. Разница между ним и фрагментом из Франклина — только в тональности.

²⁹ «Особая покорная “сломленность” характеризует мирскую деятельность мистика — он всё время стремится уйти (и уходит) в тишь и уединение, где ощущает свою близость Богу. Аскет (если он полностью соответствует этому типу) уверен в том, что служит орудием Бога. Поэтому подлинность “смирения”, налагаемого на него должным сознанием своей твёрдости, вызывает сомнение. Ведь успех в его деятельности — это успех Бога, Бог этому способствовал, — или уж, во всяком случае, знак божьего благословения его и его действий. Для подлинного мистика успех его мирской деятельности не может иметь значения в деле его спасения, напротив, подлинное смирение является единственной гарантией того, что его душа не придалась искушению мира. Чем больше он связан с миром, тем “более сломленным” становится его отношение к нему, в отличие от гордого сознания своей избранности к спасению, которое даёт ему внемирское созерцание. Для аскета уверенность в спасении всегда подтверждается рациональной по своему смыслу, средствам и цели деятельностью, осуществляемой в соответствии с однозначными принципами и правилами» [Вебер 1994: 207–208].

³⁰ К слову, позднее о русском православии Вебер также будет говорить как о мистицизме [Toennies et al. 1973: 140–149].

³¹ См. об этом подробнее: [Tutell 2014].

³² Мы помним, что не просто одни предызбраны к спасению, а другие прокляты и пойдут в ад; *меньшинство* предызбрано к спасению, спасутся только святые. И повлиять на свою судьбу нельзя. Но можно забыть о том, что по поводу тебя есть решение и ты, скорее всего, принадлежишь к большинству. Допустимо сказать, что призвание означает поиск призвания с целью избавиться от ощущения того, что ты проклят.

Вернёмся к тексту Вебера. Что мы можем увидеть в веберовском тексте, если использовать ницшевский текст как ключ? Ницше ставит вопрос: действительно ли благой аскетический священник творит добро? Действительно ли добро доброе? Ценны ли эти ценности?

И финал «Протестантской этики», и особенно его рассмотрение в связи с этическими построениями Ницше позволяют увидеть франклиновскую мораль в несколько ином свете. Веберовское истолкование доктрин протестантов, где цель труда — забыть о проклятии, параллельно ницшеанской идее ресентимента и неприглядной роли благословения труда. В таком контексте труд приобретает всепроникающий и, в общем, печальный характер. Роль труда и приобретения рассматривается не по отношению к экономическому росту.

Речь идёт не о только и не столько о наживе, не только и не столько о приобретательстве, не только и не столько о ВВП. Речь идёт о том, что ВВП призван измерять полноту человеческой жизни, насколько ей удастся осуществляться. К какому благу ведут те «средства», что были (не) выбраны для его достижения? Ницше говорит так: «<...> При каких условиях изобрёл человек себе эти суждения ценности — добро и зло? И какую ценность имеют сами они? Препятствовали они или содействовали до сих пор человеческому процветанию? Являются ли они признаком бедственного состояния, истощения, вырождения жизни? Или, напротив, обнаруживается ли в них полнота, сила, воля к жизни, ее смелость, уверенность, будущность?» [Ницше 1996а: 410].

В человеке есть стальной панцирь, от которого он не может освободиться, — стальной панцирь морали. Он позволяет видеть и делать только то, что разрешено, и ничего больше. Он ведёт его туда, куда хочет, куда нужно, и выбраться из него человек не может, даже провозгласив свою свободу. «*Мы, имморалисты!* — Этот мир, который близок нам, в котором нам суждено бояться и любить, этот почти невидимый, неслышимый мир утончённого повелевания, утончённого повиновения <...> Мы оплетены крепкой сетью и кожухом обязанностей и не можем выбраться оттуда — в этом именно и мы, даже мы, суть “люди долга”!» [Ницше 1996b: 347].

Этот — «овнутрённый» — стальной панцирь долга³³ не есть железная клетка³⁴ институтов и доктрин. Переложить ответственность и вину не на кого. Чтобы снять этот панцирь, надо найти, как и почему он появился. Аргумент Вебера может быть интерпретирован так: даже если понять, как устроены институты, и прочесть, о чем говорят доктрины, внутри нас будет сидеть каркас, который защищает и ограничивает движения, а если его снять, то появятся свобода и незащищённость (а то и вовсе невозможность существовать); но всё-таки это панцирь в очень специфическом смысле — это скелет (вроде

³³ Вспомним и «Рассуждение второе» в работе «К генеалогии морали», и то, как нас призывает Вебер смотреть на Франклина: он подчёркивает слово «долг» (*Pflicht*), которое пройдёт через всю «Протестантскую этику».

³⁴ В этом смысле У. Пауэлл и П. Димаджио или специально, или ненамеренно теряют пафос веберовского аргумента [Димаджио, Пауэлл 2010]. Т. Парсонс перевёл веберовский *stahlhartes Gehäuse* (стальной панцирь) как *Iron Cage* (железная клетка), затем последовали другие толкования с опорой, с одной стороны, на этические идеи Дж. Бэньяна, а с другой — на Ф. Ницше и В. Гёте; см.: [Kent 1983; Turner 1982; Baehr 2001]. Исходное употребление этой метафоры в веберовском тексте всё же имело некоторые внутренние ограничения: именно *Beruf* создавал «стальной панцирь», и этому этосу человек «добровольно» следовал. В парсоновской же традиции акцент сместился на некоторые внешние структуры — бюрократию, организации, весь космос капитализма или общества модерна в целом и т. д. В получившей признание работе У. Пауэлла и П. Димаджио «Новый взгляд на “железную клетку”», интерпретируя Вебера, авторы, в частности, пишут: «В условиях капитализма рационалистический порядок превратился в “железную клетку” <...> как организационное проявление рационального духа бюрократия представляет собой столь эффективное и сильное средство контроля над людьми, что, единожды восторжествовав, бюрократизация становится необратимой» [Димаджио, Пауэлл 2010: 35]. Это достойная исследовательская традиция, но мы хотели бы подчеркнуть, что исходный веберовский текст акцентировал иной смысл. В силу того что Вебер активно пользовался идеей «избирательного сродства» между духом и формой капитализма, удержать эти различия становится довольно сложно.

экзоскелета насекомых), часть тела, его так просто без повреждений не отодрать. И в «Протестантской этике» Вебер, следуя Ницше, ищет этот стальной панцирь человека современной ему эпохи³⁵.

Вместо заключения

Нерв работы профессора Капелюшникова (как и многих критиков «Протестантской этики») в риторическом вопросе (и ответе на него): «Нет сомнений, что этот научный миф (Имеется в виду “гипотеза Вебера о рождении “духа капитализма” из протестантской этики”. — И. З.) (увы, это не оксюморон), возрождаясь, как феникс, из пепла, никуда не исчезнет <...> Трудно не согласиться с Маккинноном, что Макс Вебер обладал сверхъестественным социологическим воображением. Силой воображения он создал “вторую” реальность, которая для огромного числа учёных полностью затмила “первую”. Фантомы “протестантской этики” и “духа капитализма” будут ещё долго тревожить сознание исследователей и разгуливать по страницам массмедиа. Но как бы ни относиться к плодам уникального социологического воображения Вебера, полезно всё же помнить, с использованием каких нетривиальных дискурсивных приёмов они были получены» [Капелюшников 2018b: 35].

Иначе говоря, Вебер с помощью «нетривиальных дискурсивных приёмов», то есть используя всякие «штуки» — от неряшливости до интерпретаторского произвола, — создал миф, не имеющий отношения к реальности. Этим мифом (или блефом?)³⁶ он всех загипнотизировал так, что сто лет никто не может из этого мифа выбраться. Такой поставленный веберовскому тексту диагноз, однако, вызывает вопрос: как же это он так сумел? Сегодня, когда рушатся или разрушены гранд-нарративы, когда уже мало кто верит в идеологии (по крайней мере, делает это не так, как сто лет назад), когда уже почти никто почти ничему не верит, почему мы верим этому веберовскому мифу? Очевидно же, что дело не в воображении, подтасовках и интерпретаторском произволе — такого добра и в науке, и не в науке — выше крыши. Почему всё-таки веберовский «гипноз» удаётся?

У меня, как и профессора Капелюшникова, нет ответа на этот вопрос, но одним простым соображением я хотел бы поделиться. Оно таково: работа Вебера не перестаёт читаться и сегодня не только и не столько потому, что её автор кого-то когда-то обманул, а масса читателей готова обманываться и дальше и не думать, сколько потому, что тот мир, вместе с которым «Протестантская этика» родилась, не умер. То, о чём написал Вебер, всё ещё с нами. И в этом велика роль Вебера.

Социология родилась вместе с обществом модерна, как попытка отразить переход к этому обществу, его сущностные черты [Филиппов 2008]. В этом мире все оказалось не тем, чем хотело казаться: экономика стала религией, религия — экономикой, школа как будто не только учит, а медицина не столько лечит. Пороки стали добродетелями, а добродетели — пороками. Дорога в рай приводит к табличке с надписью «Ад», но, если хочешь добраться до рая, идти в строго противоположную сторону бесполезно, потому что нужная дорога находится под каким-то иным углом и, вероятно, не на одной плоскости с первой, и уж точно они не составляют одну прямую.

³⁵ Здесь есть дополнительная сложность. Вебер говорит, что (1) все правила Франклина могут быть истолкованы утилитарно, но (2) правильно понимать их как долг и (3) всё это есть выражение некоего этоса. Собственно Франклина он использует как пример. Дело в том, что здесь Вебер сталкивается с проблемой: одна и та же норма может значить совершенно разное в зависимости от того, как оформлено этическое учение, содержащее эту норму. Используя современные термины, можно было бы сказать, что призвание в — кантовской — деонтологии это не то же самое, что призвание в рамках консеквенциализма, и обе эти трактовки будут, по-видимому, отличаться от призвания, связанного с определёнными практиками и олицетворяемого теми или иными героями или святыми, то есть от призвания в рамках этики добродетелей (*virtue ethics*).

³⁶ Текст «Гипноз Вебера» вполне может занять своё место в одном ряду, например, с «Блефом “Протестантской этики”» [Сомин 2006].

Социология возникла как часть этого мира, как попытка справиться с этими сложностями, она возникла как практика подозрения по отношению к этому миру — как «взгляд за фасад» (П. Бергер), как постоянный вопрос: «Что кроется за тем, что происходит?» (Н. Луман). Насколько она была успешна в этом своём качестве — отдельный вопрос, но в любом случае веберовская «Протестантская этика» явилась одним из классических образцов этого подозрения: «А вдруг древняя религия, вместо того чтобы сдохнуть, вызвала к жизни новую экономику?»; «А вдруг призвание — это проклятие?»; «А вдруг, ища свободы, человек теряет свободу?». Это веберовские гипотезы из «Протестантской этики». Там они сконденсированы в потенциальной привязке к эмпирическому материалу, к описанию того, что происходило с конкретными людьми. От поэзии Ницше отвергаться в некотором смысле проще: про кого пишет этот больной человек, никогда точно не понятно. Но не совсем так с Вебером. И уж ещё хуже, например, с Х. Арендт. Если от Ницше отмахнуться фактами легко, от Вебера ещё возможно, то «Банальность зла» (в чём-то являющаяся развитием логики «Протестантской этики») привязана и к месту, и ко времени, и к персоне (несмотря на всю историческую критику, которая адресовалась Арендт). Диагноз Арендт, как и диагноз Вебера, ужасен: та глупость (связанная с неспособностью критически отнестись к приказам и инструкциям), которую Арендт вменяет А. Эйхману, может быть вменена подавляющему большинству людей в современном мире. Причём эта глупость есть добродетель этого мира; без неё он рухнул бы.

Нужно совсем немного сдвинуть взгляд, чтобы от веберовского отчаяния прийти к другому совершенно неприятному утверждению: «в этом мире пороки становятся добродетелями». Речь не о доблестном признании того, что умирает что-то великое, опошляется, нивелируется. Речь о другом: сегодня очевидно, что трусость, иждивенчество и т. д. — это плохо. И одновременно есть подозрение, почти утверждение (спокойное и почти фактофиксирующее), что сегодня такие вещи, как подчинение, иждивенчество, отсутствие достоинства, трусость, — это хорошо. И уж точно без этого крайне сложно жить. Если все начнут отстаивать своё достоинство — наступит коллапс; если все перестанут подчиняться и начнут критически относиться к инструкциям — всё встанет; если человек будет добросовестно трудиться — он потеряет свою свободу. И т. д. Как с этим быть?

Мне кажется, многие из нас были бы рады, если бы с помощью проверки статистических гипотез удалось избавиться от «Протестантской этики», но, видимо, она не «вскрывается» такими техниками. Она ужасно раздражает. После её написания было много споров. Кому был присущ этот внутримирской аскетизм призвания? Протестантам? Католикам? Кому-то ещё? Известно ли это слово с античных времён или всё-таки оно результат лютеровского перевода Библии? Кто только не ругал веберовско-протестантское призвание! Всё-таки это как будто часть секуляризации, обмирщения христианства. И вот все точки над *i* поставлены, Вебер раскритикован и высмеян. Жизнь продолжается... Проходит немного времени. Что делают католики XX века?³⁷ Они говорят об апостольстве мирян и о том, что у них есть призвание, это призвание можно и нужно искать и находить (см. апостольское обращение «Christifideles Laici» («Верные во Христе миряне») папы Иоанна Павла II). Что Бога можно найти в своей обычной жизни, в том числе в работе. И делают это не только отдельные философы и богословы (вроде Х. У. фон Бальтазара), не только те или иные ордена и прелатуры (вроде *Opus Dei*), это делает папа (а если папа издаёт апостольское послание, это с некоторой вероятностью означает, что больше миллиарда человек его услышат, хотя бы что-то из него...). Причём это делает не какой-нибудь папа, а именно тот, кого канонизировали чуть ли не сразу после смерти. Да, он делает это не на основе книги Иисуса сына Сирахова; да, он делает это на основе толкования притчи о виноградарях. Но он делает это! И круг снова замыкается. Мы снова вынуждены возвращаться к Веберу и пытаться понять, что же он там такого понял (или придумал?), и куда это нас ведёт? Ведь все же уже опровергли тысячу раз...

³⁷ О рассмотрении современной католической дискуссии о призвании в связи с веберовской «Протестантской этикой» см., например: [Hahnenberg 2010].

Р. С. Зачем всё это?

Православная этика в современной России

Как бы мы ни относились к тому, что описывается в «Протестантской этике», какое отношение все эти религиозно-этические пертурбации Европы и Америки XVI — начала XX веков и, возможно, связанные с ними изменения в стиле мышления и управления действием имеют к нам — живущим в России в начале XXI века? В общем-то это основной вопрос к профессору Капелюшникову: зачем человек, не занимавшийся — насколько можно судить по его публикациям — специально этической теорией и вебероведением, стал делать обзор по фальсификации того, что иногда называют веберовским тезисом? В тексте «Гипноза...» ответ на этот вопрос не даётся.

Мне кажется, к веберовской «Протестантской этике» стоит относиться по большому счёту как к инструменту собственного действия, средству для решения своих вопросов. И в известном смысле «Протестантская этика», конечно, говорит о том, какие вопросы могут быть поставлены (именно в этом смысл выражения «идеальный тип служит средством для образования гипотез»). Да, Веберу, немцу конца XIX — начала XX века, было важно, как немецкий (или швейцарский, или американский) протестантизм может повлиять на происходящее в Европе и Америке в то время («западный человек, дитя европейской культуры...», «самый могучий фактор современной жизни»). Но, вероятно, всё поменялось? В любом случае, в России XXI века может оказаться важным что-то иное. Если использовать веберовскую постановку вопроса (именно в «Протестантской этике», а не, например, в «Протестантских сектах») в части религии и её влияния на происходящее в мире, то какие вопросы возникают?

Говоря о проблемах современной ему социологии религии, П. Бурдьё утверждает: «Наибольшая заслуга Макса Вебера заключалась в том, что он показал, что урбанизация (и сопутствующие ей преобразования) способствует “рационализации” и “морализации” религии лишь постольку, поскольку она благоприятствует развитию корпуса специалистов, распоряжающихся ценностями спасения» [Бурдьё 2005: 15]³⁸. Там же он говорил, что между социальными (то есть властными) и ментальными структурами «существует соответствие, которое устанавливается посредством структуры символических систем — языка, религии, искусства и т. д. <...> Религия способствует (скрытому) утверждению тех или иных принципов структурирования восприятия и понимания мира» [Бурдьё 2005: 13].

Ясно, что доминирующей конфессией в сегодняшней России является русское православие и более конкретно — Русская православная церковь (РПЦ). Именно её специалисты распоряжаются ценностями спасения в современной России. Какое структурирование восприятия и понимания мира создаёт сегодняшняя работа православных религиозных виртуозов? Какие следствия это имеет или может иметь в части хозяйственной или какой-то иной жизни? Всё ли там очевидно, легко и безобидно? Ясно, что РПЦ имеет влияние, и это влияние усиливается. Причём речь идёт не только и не столько о связях высших уровней патриархии с высшими уровнями государственной вертикали. Если верить Веберу и «Протестантской этике», гораздо важнее тот православный этос, который структурирует повседневную жизнь россиян, а их немало: около 80% считают себя православными, порядка 50% имеют знакомых, посещающих храмы РПЦ, примерно 20% сами время от времени ходят в храмы, 10% россиян периодически общаются со священником, и 5–10% причащаются с разной частотой (то есть проходят подготовку к исповеди, саму исповедь, вычитывание правил и канонов, рекомендованных для подготовки к крещению). Наконец, почти все крестят своих детей. Имеет ли это какое-то влияние на жизнь россиян? Если да, то какое? В каком направлении искать следы этого влияния? Чем тут поможет веберовский подход из «Протестантской этики»? Мы помним главную этическую часть «Протестантской этики»:

³⁸ При ссылке на источник сохраняется написание издателя. — *Примеч. ред.*

этика, говорящая об идеалах, о святости, может приводить к очень сложным последствиям. Также мы помним базовую типологию «аскетизм — мистицизм» с её категориями «призвание — смирение». И мы помним, что основной «теневогой» категорией смирения являлся ресентимент. А ещё мы помним, что ницшеанская дихотомия работы с ресентиментом оказывалась (возможно; требуется дополнительное уточнение) коррелятивна дихотомии успокоения (затухания) жизни и благословению труда. Первое в большей степени может быть связано с мистицизмом и смирением, второе — с аскетизмом и призванием. Наконец, в другом месте у Вебера мы можем прочесть, что он относился к русскому православию как к мистицизму [Тоенниес et al. 1973]. Если это так, то можно предположить, что стоит искать следы проповеди смирения в сегодняшней жизни православных (то есть, возможно, чуть ли не среди 80% россиян). Каковы эти следы? Единообразны ли они? Всегда ли они хороши? Могут ли они вести к столь важному для экономистов экономическому росту? Выполнять какие-то иные позитивные экономические функции? Всё это требует значительной работы. Чтобы сделать проблему чуть более конкретной, можно предложить читателю два совершенно различных представления о смирении, взятых из интервью с современными православными священниками.

Толкование 1

Интервьюер. *Что для Вас смирение?*

Респондент. *На сегодняшний день это то препятствие, которое я ещё не могу преодолеть. Хотя мне уже столько лет. У двери всегда находится коврик, о который вытирают ноги, и он никогда ... ничего не говорит никому. И каждый проходящий по этому коврику вытирает ноги. И он никому ничего не скажет. Вот как в этом мире стать ковриком? Поэтому я очень хорошо этот момент чувствую и понимаю. Для меня ещё эта задача, которую я решил. Надеюсь... С Божьей помощью.*

<...> *Для меня честь — мои дети, которые выбирают путь, и они тоже понимают, что это нелёгкий путь. Я сам прошёл... прохожу такие испытания... Очень трудно, как мы говорим с Вами, быть смиренным, потому что это высота. Потому что благодать Бог даёт, только когда ты — и в том случае — станешь этим ковриком. А пока ты не коврик, надо еще работать и работать (Из интервью. Исследование «Священник к Церкви и обществу: анализ бюджетов времени» (ПСТГУ). Протоиерей, 51 год, Ярославль).*

Толкование 2

Александр Невский — не смиренный, и даже Александр Васильевич Суворов — не смиренный?! Человек, который идёт отдавать свою жизнь, понимая, что есть нечто высшее, даже по сравнению с его жизнью, — это не смирение? Смирению можно дать такое определение, что это мир с Богом всегда, даже в самых крайних ситуациях: когда тебя бьют или когда ты бьёшь, нужно быть смиренным, не теряя мир с Богом, творить волю Божью. Если ты с оружием в руках действительно защищаешь, если ты не позволяешь насильнику, негодяю, убийце творить своё преступное дело, то ты можешь быть смиренным человеком <...> Смирение... Господь смиренен... Это что, а когда он изгонял торгующих из храма, он не был смиренным? У нас смирение трактуется как некое безволие и такое пассивное подчинение внешним обстоятельствам. Меня обижают, а я терплю. С какой стати? Не надо терпеть того, чего терпеть не надо, но только со смирением. С любовью — пожалуйста. Это очень трудно, но мы отступаем перед трудностями, забывая, что Христос — победитель. Мы отступаем перед трудностями, делая вид, что мы псевдосмиранны, молчим, внутри всё кипит... Как раз нет мира ни с Богом, ни с окружающим,

ни с собой <...> А это не смирение, это искажение христианской церковной жизни, полное искажение (Из интервью. Исследование «Хозяйственная этика православных мирян в современной России» (ПСТГУ). Протоиерей, 65 лет, Москва).

Можно согласиться, что приведённые фрагменты интервью — это два очень разных понимания того, как человек должен выстраивать свою жизнь. Важно то, что оба они проповедуются сегодня нам, россиянам начала XXI века. И, если верить Веберу, хотим мы того или нет, мы какое-то из них (или какое-то третье) начнём воспроизводить в своей жизни, и свою жизнь организуем в соответствии с этим идеалом. Какой идеал мы выберем? Ясно, что возможности нашего сознательного выбора здесь сильно ограничены, ибо никто не будет выкладывать весь идеал со всеми последствиями сразу (в том числе и потому, что эти последствия ещё нужно отразить). Мы действительно хотим признать Вебера то ли гипнотизёром, то ли шарлатаном, посмеяться над ним и сказать, что всё это бред, что с нами так точно не произойдёт? Мы уверены, что мы хотим быть ковриком³⁹, что мы не станем им? Вспомним, что говорит «шарлатан» Вебер: Вы будете откликаться на зов Божий (призвание), Вы будете искать спасения, полноты жизни, и именно этот поиск сделает вас «приобретателями» (*Erwerbsmaschine*) и людьми, не способными видеть ничего за рамками своих профессий (*Berufsmensch*), вы потеряете и полноту жизни и свободу. Мы уверены, что предостережение Вебера — просто гипноз?

Этос, характер и их эффекты

Возможны, однако, и иные постановки вопроса, ведь, строго говоря, тезис Вебера не только о связи религии и экономики. Вебер побуждает нас проверять гипотезы о на первый взгляд неочевидных связях между разными сферами жизни; о том, как *ответы на предельно важные для человека вопросы формируют характер человека и этот характер позволяет совершать строго определённого типа действия в тех или иных (во всех?) сферах жизни*. Вопрос в том, кто сегодня монополизировал право отвечать на подобные вопросы (или между кем и кем по этому поводу ведётся борьба). Вебер пишет: «Современный человек, дитя европейской культуры, неизбежно и с полным основанием рассматривает универсально-исторические проблемы с вполне определённой точки зрения. Его интересует прежде всего следующий вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались — по крайней мере как мы склонны предполагать — в направлении, получившем *универсальное значение*» [Вебер 1990b: 44]. «Так же обстоит дело с самым могучим фактором нашей современной жизни — с *капитализмом*» [Вебер 1990b: 47]. Речь, в принципе, идёт о том, чтобы выделить некоторую доминанту сегодняшней жизни, имеющую предельно важное значение. Это и будет зависимой переменной в уравнении. Сегодня это может быть вовсе не капитализм. Но что?

³⁹ Кому кажется, что это измышления странных маргиналов и есть некая однозначно доминирующая традиция православия, которая точно иная, тот может обратиться к современным учебникам — например, к тексту прот. В. Свешникова «Этика»: «Смиранный человек знает, что любая человеческая правда, будучи автономной, не согласна с правдой Божией. Это знание почти теоретически и в не вполне выявленном виде предлагается человеку, едва только вступающему на пути жизни, соответствующие христианской нравственности, когда ему предлагается: “Покайся!”. Даже если этот человек всего 7–8 лет от роду. “Покайся!” — то есть признай себя виноватым. Виноватым — то есть неправым. И так, исподволь, полусознательно, начинающему идти путями правой жизни открывается переживание собственной неправости» [Свешников]. А вот из наследия св. отцов, текст св. Иоанна Лествичника: «Каков был, помощью Божию, тот пастырь словесных овец, такого и эконома послал ему в обитель праведный Господь, ибо он был целомудр, как никто другой, и кроток, как весьма немногие. Однажды великий старец, для пользы прочих, притворно на него разгневался и приказал выслать его из церкви раньше времени. Зная, что он невинен в том, в чём пастырь обличал его, я, будучи наедине с сим великим, оправдывал перед ним эконома. Но премудрый муж отвечал мне: «И я знаю, отче, что он не виноват; но как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе и подвижнику, если не подаёт ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, унижений и поруганий» [Лествичник 2007: 66–68]. О возможном влиянии православия на общественную жизнь см.: [Хархордин 2002].

Точно также и с независимой переменной. Это тоже может быть не религия. Пытаясь понять, что могло привести к каким-то масштабным переменам в жизни людей Нового времени, Вебер писал: «Верой, во имя которой в XVI и XVII веках. в наиболее развитых капиталистических странах — в Нидерландах, Англии, Франции — велась ожесточённая политическая и идеологическая борьба и которой мы именно поэтому в первую очередь уделяем наше внимание, был *кальвинизм*» [Вебер 1990b: 139]

Нам нужно искать мировоззрение и связанные с ним практики, по поводу которых ведётся или велась в недавнем прошлом «ожесточённая политическая и идеологическая борьба». Именно это определит выбор потенциальной независимой переменной. Очень вероятно, что в прошедшей форсированную секуляризацию России (да и в прошедших «обычную» секуляризацию Европе и Америке) роль религии выполняет что-то иное. Что? Экономика? Её религиозные функции обсуждаются довольно давно (см., например, «Капитализм как религия» В. Беньямина [Беньямин 2012]). Точно так же дело обстоит и с тем, чтобы видеть экономическую науку как теологию определённого сорта [Nelson 2014]. Не забывают и о богословии Адама Смита, говоря как о его богословских предпосылках (например, о том, откуда и почему взялся образ «невидимой руки» и что он означал для А. Смита), так и просто категоризируя его как теолога [Olsington 2011].

Но это может быть и не экономика. Например, школа — институт, удерживающий в повиновении значительную часть населения страны на протяжении 11 лет, или, если считать вместе с дошкольным и послешкольным образованием, порядка 20–25 лет. В каком направлении её этос (а не (только) практики и институты) формирует характер современного человека? Её скрытое влияние анализируется также довольно давно (см. в связи с этим: [Иллич 2006; Сидоркин 2014]). Отчасти эти исследования были инспирированы именно веберовской постановкой вопроса (см., например: [Бурдьё, Пассрон 2007]). Или медицина. Возможно, именно она — основная религия современного мира. Параллелей много и здесь. Раньше человека в этом мире встречал и провожал священник, сегодня это делает врач — он принимает роды и фиксирует смерть. Структура расположения поликлиник напоминает структуру расположения приходов, а рассуждения о микробах местами — трактаты св. отцов о бесах [Забавин 2011].

Однако всё это просто параллелизмы. Чтобы говорить о возможном причиняющем эффекте этих структур по отношению к какому-то самому важному фактору сегодняшней жизни, требуется работа, аналогичная проделанной Вебером в «Протестантской этике», то есть работа по прописыванию возможного направления связи между на первый взгляд очень далёкими друг от друга доменами жизни⁴⁰.

Приложение

Примечание 1: к разделу «Вебер-экзегет»

Основу этого раздела текста профессора Капелюшников составляет разбор полемики Р. Маккиннона и Д. Зарета по поводу одного сюжета, связанного с доктриной предопределения в кальвинизме [Капелюшников 2018a: 35–44]. Маккиннон критиковал Вебера, Зарет критиковал Маккиннона. Профессор Капелюшников так фиксирует итог этого противостояния: «Хотя неспециалист (не теолог?) не может быть арбитром в этом споре, всё же с позиции здравого смысла подход Маккиннона выглядит более предпочтительно» [Капелюшников 2018a: 44]. Даже с чисто формальной точки зрения, вполне возможно утверждение: «А мне с позиции здравого смысла ближе позиция Зарета». К сожалению или к

⁴⁰ Вышесказанное, однако, является возможным способом освоения веберовского наследия, с которым мы сталкиваемся в «Протестантской этике». Не стоит забывать, что были и совершенно иные способы этого освоения; если говорить о «крупных» фигурах, см., например: [Müller-Armack 1945; Eisenstadt 2000; Campbell 1987; Nelson 1969; Agamben 2011; Habermas 1983; 1992; Арендт 1994; Шмитт 2000; Münch 2001; Булгаков 2008; Хиршман 2012].

счастью, неспециалист ничего не может сказать против такой позиции в диспуте двух специалистов по проблемам церковной истории определённой страны определённого периода.

Возвращаясь к задаче и способу движения Вебера, мне кажется важным отметить, во-первых, что он пытался показать, каким могло бы быть направление образования гипотез. Его задачей было показать, как и где, несмотря на официальные запреты доктрин, в этике или пасторской практике прибыли стали опознаваться как возможный признак избранности. Он собственно и пишет: «И ещё одно, и это самое важное: полезность профессии и, следовательно, её угодность Богу в первую очередь определяются с нравственной точки зрения, затем степенью важности, которую производимые в её рамках блага имеют для “всего общества”; однако в качестве третьего и практически безусловно наиболее важного критерия выступает её “доходность”» [Вебер 1990b: 190]. Мне кажется, по большому счету, рассуждения Маккиннона укладываются в первые два подпункта.

Во-вторых, стоит отметить, что в своих более поздних публикациях Маккиннон не настаивал на полном дезавуировании тезиса Вебера. Нужно отдавать себе отчёт в том, что Маккиннон, даже критикуя веберовскую интерпретацию, скорее, поддерживал его тезис о вкладе протестантизма в формирование современного капитализма (см., например, окончание его обзора по веберовскому тезису: [MacKinnon 1993; 242]). А свою более позднюю статью «Веберовское расколдовывание. Наследие Канта и Чаннинга» (2001) он и вовсе заканчивает как будто в полном согласии с веберовским тезисом: «*Hiatus irrationalis* между субъектом Вебера и социальной структурой заключается в том, что мы “свободно” создаём только для того, чтобы плоды нашей свободы “доминировали” над нами. Судьба дала “идеальные” указания историческому стрелочнику, который непреднамеренно направил разум на запасной путь, управляемый экономическими интересами и инструментальной рациональностью. И когда он бросил переключатель, разум передал те качества, которые до сих пор были зарезервированы для нравственности, в зарабатывание денег. Создан новый режим приобретения (приобретательства). Этот режим не является ни *auri sacra fames*, ни “неконтролируемым импульсом”, ни “политическим капитализмом”, ни “грабительским капитализмом” (*booty capitalism*) Кортеса и Писарро. Напротив, накопление было преобразовано разумом в “самоцель”, в “этику”, чьи правила, когда они нарушаются, представляют собой пренебрежение долгом» [MacKinnon 2001: 344].

В-третьих, нужно отметить, что полемика Маккиннона — Зарета не затрагивает основного тезиса (или одного из основных) богословской части, важной для аргумента о возникновении духа капитализма — распространённости (и распространении) идеи *Beruf* в протестантизме и её связи именно с деятельностью в миру. Протестантский богослов и историк церкви К. Холль в начале XX века в статье «История слова *Beruf*» писал об этом так: «Таким образом, история слова показывает полный переворот его значения. Сначала говорилось: только у монашества есть призвание и (или) профессия; Лютер, напротив, считает: как раз у монашества и нет призвания и (или) профессии; истинное призвание Божье реализуется в мире и в мирской работе» [Holl 1965: 219].

В-четвёртых, не нужно также забывать о том, что Вебер как экономист (или юрист, или социолог) был зависим от того богословского знания, которое было доступно ему в Германии в его время. Он не мог проводить отдельных самостоятельных богословских исследований, но, как показывают современные теологи (см.: [Graf 1993]), он был в курсе проблематики богословия своего времени и, возможно, больше, чем кто бы то ни было из представителей социальных наук того времени.

В-пятых, не стоит забывать и о том, что рецепция веберовского тезиса теологами вовсе не была однозначно отрицательной (иногда даже наоборот). В первую очередь, конечно, стоит здесь упомянуть позицию Э. Трельча, выраженную им как в специальном тексте о полемике о веберовских статьях [Troeltsch 1978], так и в своих более масштабных сочинениях — «Значение протестантизма для совре-

менного мира» и «Социальные учения церквей» [Troeltsch 1912; 1992]. Подробнее о рецепции веберовского тезиса теологами см., например: [Ghosh 2008], отдельно стоит упомянуть сборник под редакцией швейцарских богословов Г. Пфляйдера и А. Хайта «Экономика и ценностная культура(-ы): к актуальности веберовской «Протестантской этики»» [Pfleiderer, Heit 2008].

Примечание 2: к разделу «Сказ о 109%»

Объектом анализа профессора Капелюшников в разделе «Сказ о 109%» «Гипноза...» стала единственная в «Протестантской этике» таблица [Капелюшников 2018b: 13–18]. Несмотря на то, что комментарии к ней П. Самуэльсона [Samuelson 1961] и особенно Дж. Беккера [Becker 1997, 2000] кажутся очень убедительными и, как может показаться, вбивают последний и решительный гвоздь в крышку гроба веберовского тезиса, на самом деле ситуация не настолько очевидная. Упомянем обстоятельства, которые не стоит забывать при рассмотрении этого вопроса.

Во-первых, профессор Капелюшников приводит аргументы Самуэльсона, но не приводит контраргументы, содержащиеся в рецензиях на эту работу, в частности — в отзывах Т. Парсонса, Б. Нельсона, Р. Бендикса и др. [Bendix 1962; Nelson 1962; Parsons 1962; Yinger 1963]. Во-вторых, профессор Капелюшников пишет, что данная таблица является единственным эмпирическим основанием работы Вебера. Это не так. Например, ещё одним источником эмпирической информации «о трудовых качествах пиегистских рабочих» Веберу служили вторичные данные из его же работы «К психофизике промышленной работы» (см.: [Вебер 1990b: 112; Weber 1988]). В-третьих, не отрицая значения работ Беккера, все же напомним, что, цитируя М. Оффенбахера, Вебер говорит не только о Бадене (Дж. Беккер пересчитал статистику по Бадену); он говорит: «Те же явления наблюдаются в Пруссии, Баварии, Вюртемберге, Рейнских землях, Венгрии» [Вебер 1990b: 109]. Соответственно, желательно эти данные тоже проверить. Кроме того, цитируя Оффенбахера, Вебер ссылается и на другие данные: «Так, например, в Бадене в 1895 г. на тысячу евангелистов приходилось 954 060 марок капитала, подлежащего обложению, на тысячу католиков — 589 тыс. марок. Евреи (на тысячу человек — свыше 4 млн марок), правда, значительно опередили тех и других (цифровые данные взяты у Оффенбахера)» [Вебер 1990b: 108]. Учитывая, что Веберу были важны различия, с одной стороны, между торговым капитализмом и промышленным (именно первый тип мог быть примером для зомбартовского тезиса о еврействе), а с другой стороны, различия между (в особенности) католиками и протестантами, эти данные при желании можно толковать и в пользу веберовского тезиса.

В-четвёртых, стоит заметить, что критики Вебера критикуют (явно или неявно) и друг друга. Так, Дж. Беккер показал, что различия между католиками и протестантами в образовательных траекториях не так велики, как думал Вебер, то есть что на самом деле не удаётся зафиксировать различия между «капиталистичностью» протестантов и католиков. А С. Беккер и Л. Воссман [Becker, Woessmann 2009] (подобный же аргумент см.: [Коротаев et al. 2007: 95–100]) показали, что Вебер был неправ в том, **что определило** различия в этой «капиталистичности». Иначе говоря, Вебер был неправ и там и там, но заметим, С. Беккер и Л. Воссман, а также А. Коротаев и его коллеги признают, что различия между протестантами и католиками были. И, соответственно, явно или неявно задают вопросы Дж. Беккеру.

Однако всё это имеет второстепенное значение в силу следующего соображения: если не считать раздела о восстановлении логики «Протестантской этики», раздел о данной табличке занимает практически четверть текста профессора Капелюшников. Если взглянуть на место указанной таблички у Вебера, то окажется, что она находится в одной из почти 400 *сносок-примечаний*, сделанных Вебером к «Протестантской этике». Это говорит о том, что Вебер явно придавал ей совершенно не то значение, которое придаёт профессор Капелюшников. Возможно, метод веберовской работы не был методом проверки статистических гипотез. Возможно, он вообще не проверял гипотезу. Подобное положение

этой таблицы может объясняться не только жанром «Протестантской этики» и не только тем, что Вебер не проверял в ней гипотезу (хотя в «Протестантской этике», безусловно, есть часть, где Вебер отвергает иные гипотезы). Это положение может объясняться именно логикой веберовского аргумента. Если говорить языком проверки гипотез, то ключевая веберовская независимая переменная, как и зависимая переменная, была устроена гораздо более специфично, нежели та статистика, которой Вебер, в принципе, мог бы воспользоваться, чтобы проверить свой тезис. Вебер пытается показать, как протестантская этика типа кальвинистского и посткальвинистского призвания (а не экклезиология или другие разделы церковной доктрины разных конфессий; и не лютеранская этика (!) тоже призвания) могла повлиять на формирование одного из компонентов духа современного промышленного капитализма. Именно промышленного, а, например, не торгового; ведь были ещё и другие типы капитализма [Kaelber 2005] и, вообще, другие хозяйственные уклады, которые также существовали на территориях современного Веберу Запада в то же самое время, что и современный западный рациональный промышленный капитализм. И при этом значение зависимой переменной должно было отражать и чисто экономические составляющие (например, то или иное количество денег), и различия в способе мышления (например, тот или иной тип образования), и, вероятно, какие-то различия в отношении власти, свободы и (или) господства (вспомним стальной панцирь, *Berufsmensch* и *Erwerbsmaschine*). Подобное регрессионное уравнение довольно сложно построить даже сейчас (и собрать под него данные). В этом смысле (и это касается большей части работ, приводимых профессором Капелюшниковым в разделе «Современные эмпирические исследования» [Капелюшников 2018b: 27–35]) все имеющиеся современные исследования, пытающиеся дезавуировать веберовский тезис через простую проверку гипотезы о связи кальвинизма и финансовых показателей, не охватывают всю специфичность требуемых Вебером переменных.

Более того, в современных исследованиях, анализирующих протестантскую этику «призвания» по стандартам современной количественной психологии, на построение этой переменной требуется довольно большая анкета [Merrens, Garrett 1975; Miller, Woehr, Hudspeth 2002]. Как правило, в таких исследованиях не принимается во внимание даже самое простое веберовское противопоставление «призвание кальвинистов — призвание лютеран», тем более не берётся дихотомия «аскетизм — мистицизм» (или \approx «призвание — смирение»). Этика смирения анализируется другими авторами отдельно, с использованием такого же, как и в случае призвания, большого количества вопросов. Кроме того, в отличие от призвания, с ней есть ещё более фундаментальная проблема: смиренный человек не может назвать себя смиренным. Как следствие, сбор данных по этой переменной сейчас очень проблематичен. В эмпирических психологических исследованиях смирения эта проблема сегодня не решена (см.: [Landrum 2011; Kruse, Chancellor, Lyubomirsky 2017; Забаев 2018a]). Даже если попробовать как-то решить эту проблему, анкета для сбора данных, необходимых по веберовскому тезису, становится гигантской, что немедленно сказывается на увеличении сложностей проведения подобного исследования.

Литература

- Автономов В., Ананьин О., Макашева Н. (отв. ред.). 2002. *История экономических учений. Учебное пособие*. М.: ИНФРА-М.
- Арендт Х. 1994. *Vita activa, или О деятельной жизни*. М: Ад Маргинем.
- Барро Р. Дж., Сала-и-Мартин Х. 2014. *Экономический рост*. М.: Бином; Лаборатория знаний.
- Беньямин В. 2012. Капитализм как религия. В кн.: Беньямин В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. Сб. статей. М.: РГГУ; 100–108.

- Булгаков С. Н. 2008. *Философия хозяйства*. М.: Терра.
- Бурдые П. 2005. Генезис и структура поля религии. В сб.: Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя; 7–74.
- Бурдые П., Пассрон Ж.-К. 2007. *Воспроизводство: элементы теории системы высшего образования*. М.: Просвещение.
- Вебер М. 1897. Биржа и её значение. СПб.: И. Юровский.
- Вебер М. 1990а. Объективность” социально-научного и социально-политического познания. В сб.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 345–415.
- Вебер М. 1990b. Протестантская этика и дух капитализма. В сб.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 61–272.
- Вебер М. 1990с. Протестантские секты и дух капитализма. В сб.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 273–306.
- Вебер М. 1994. Социология религии (типы религиозных сообществ). В сб.: Вебер М. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист; 78–308.
- Вебер М. 2001. *История хозяйства: Город*. М: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Гайденок П. П. 1990. Социология Макса Вебера. В сб.: Вебер М. *Избранные произведения* М.: Прогресс; 5–43.
- Гофман А. Б. 2008. Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве М. Вебера. *Социологические исследования*. 4: 120–128.
- Давыдов Ю. Н. 1978. *Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард*. М.: Художественная литература.
- Давыдов Ю. Н. 1979. Макс Вебер: западноевропейский гуманизм и либерализм перед лицом распада царства истины, добра и красоты. В сб.: Гальцева Р. А. (отв. ред.) *Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в. Сборник переводов*. М.: ИНИОН; 218–236.
- Давыдов Ю. Н. 1990. «Картины мира» и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера). В сб.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 736–770.
- Давыдов Ю. Н. 1994. Веберовская социология капитализма. *Социологические исследования*. 10: 165–175.
- Давыдов Ю. Н. 1996. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности. *Вопросы социологии*. 6: 71–77.
- Давыдов Ю. Н. 1998а. Веберовская теория капитализма — ключ к универсальной исторической социологии. В сб.: *История теоретической социологии*. Т. 2. М.: Канон; 376–408.

- Давыдов Ю. Н. 1998b. Вернер Зомбарт и его понятие «буржуа». В сб.: *История теоретической социологии*. Т. 2. М.: Канон; 318–343.
- Давыдов Ю. Н. 1998с. *Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения*. М.: Мартис.
- Давыдов Ю. Н., Гайденок П. П. 1991. *История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс*. М.: Политиздат.
- Данто А. 2000. *Ницше как философ*. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги.
- Дефо Д. 1974. *Робинзон Крузо. История полковника Джека*. М.: Художественная литература.
- Димаджо П., Пауэлл У. 2010. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. *Экономическая социология*. 11 (1): 35–56. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2010-11-1.html>
- Забаев И. В. 2011. Рациональность, ответственность, медицина: проблема мотивации деторождения в России в начале XXI века. *Экономическая социология*. 12 (2): 21–48. URL: <https://jsps.hse.ru/index.php/ecsoc/article/view/2133>
- Забаев И. В. 2018а. Операционализация «смирения» в психологии. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. 76: 107–129.
- Забаев И. В. 2018b. Религия и экономика: можем ли мы всё ещё опираться на Макса Вебера? *Социологическое обозрение*. 17 (3): 107–148. URL: <https://sociologica.hse.ru/2018-17-3/224866835.html>
- Зарубина Н. Н. 1998. *Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации*. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института.
- Зомбарт В. 1904. *Современный капитализм*. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°.
- Зомбарт В. 2005. Торгаши и герои: раздумья патриота. Евреи и экономика. В изд.: Зомбарт В. *Собрание сочинений: В 3 т.* Т. 2. СПб.: Владимир Даль (серия «Civitas Terrena»).
- Иллич И. 2006. *Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир*. М.: Просвещение.
- Ионин Л. 2000. *Социология культуры. Путь в новое тысячелетие*. М.: Логос.
- Капелюшников Р. И. 2018а. Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I. *Экономическая социология*. 19 (3): 25–49. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-3.html>
- Капелюшников Р. И. 2018b. Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть II. *Экономическая социология*. 19 (4): 12–42. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-4.html>
- Коваленко И. Н., Коваленко Н. П. 2016. О некоторых противоречиях в понимании базовых терминов в переводах работы М. Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Економіка і менеджмент*. 17: 4–7.

- Кови С. 2018. *7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности*. М.: Альпина Паблишер.
- Кодзима С. 2009. Восприятие работ М. Вебера в России начала XX века и «веберовский ренессанс» конца XX века. *Социологические исследования*. 6: 121–131.
- Коротаев А. В. et al. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.: УРСС.
- Ларкина Т., Юдин Г. 2015. Теория дарообмена и формирование сообществ. *Материалы семинара «Социология религии»*. Серия: *Теория дарообмена*, 2015-15, М.: ПСТГУ. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/publications?tag=workshop>
- Лествичник Преп. Иоанн. 2007. *Лествица, возводящая на небо*. М.: Изд-во Сретенского монастыря.
- Макинтайр А. 2000. *После добродетели*. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Маркс К. 1959. К критике политической экономии. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы; 1–167.
- Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. 2000. К критике гегелевской философии права. В сб.: Маркс К. *Социология*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле: 157–176.
- Ницше Ф. 1996а. К генеалогии морали. В изд.: Ницше Ф. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. М.: Мысль; 407–524.
- Ницше Ф. 1996б. По ту сторону добра и зла. В изд.: Ницше Ф. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. М.: Мысль; 238–406.
- Ницше Ф. 1996с. Так говорил Заратустра. Книга для всех и никого. В изд.: Ницше Ф. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. М.: Мысль; 6–237.
- Свешников Владислав, прот. *Очерки христианской этики*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-etiki/4_2
- Сидоркин А. М. 2014. Новое рабство или класс-куколка. В сб.: Ромм Т. (отв. ред.) *Педагогика и психология: диалог о воспитании*. Новосибирск: НГПУ; 25–36.
- Сомин Н. 2006. Блеф «Протестантской этики». URL: http://chri-soc.narod.ru/blef_protestantskoi_etiki.htm
- Степанов И. 1904. Предисловие к русскому изданию «Современного капитализма» В. Зомбарта. В кн.: Зомбарт В. *Современный капитализм*. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о; I–XL.
- Троицкий К. Е. 2014. Категорический императив в мысли Макса Вебера. *Дискурсы этики*. 3: 51–68.
- Федотова В. Г. 2013. *«Хорошее общество»: социальное конструирование приемлемого для жизни общества*. М.: DirectMEDIA.

- Филиппов А. 1990. Комментарии к «М. Вебер. Избранные произведения». В сб.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 773–796.
- Филиппов А. 2008. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности. *Социологическое обозрение*. 7 (1): 96–116.
- Франклин Б. 2017а. Автобиография Бенджамина Франклина. В сб.: Франклин Б. *Путь к богатству. Автобиография*. М.: Изд-во «Э»; 35–234.
- Франклин Б. 2017б. Диалог между Франклином и Подагрой. В сб.: Франклин Б. *Путь к богатству. Автобиография*. М.: Изд-во «Э»; 314–319.
- Франклин Б. 2017с. Этика шахмат. В сб.: Франклин Б. *Путь к богатству. Автобиография*. М.: Изд-во «Э»; 320–323.
- Франклин Б. 2017d. Эфемера: Эмблема человеческой жизни. В сб.: Франклин Б. *Путь к богатству. Автобиография*. М.: Изд-во «Э»; 301–303.
- Фридман М. 2006. *Капитализм и свобода*. М.: Новое издательство.
- Фромм Э. 2015. *Бегство от свободы*. М.: АСТ.
- Хайек Ф. А. 1992. *Дорога к рабству*. М.: Экономика.
- Хархордин О. 2002. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Изд-во ЕУСПб; Летний сад.
- Хиршман А. 2012. *Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма и его триумфа*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Шелер М. 1999. *Ресентимент в структуре моралей*. М.: Наука.
- Шмитт К. 2000. *Политическая теология*. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Adnès P. 1969. Humilité. In: Viller M., Cavallera F., Guibert J. de (eds) *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique*. Vol. 7. Paris: Beauchesne; 1136–1187.
- Agamben G. 2011. *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Anker R. 1999. *Self-Help and Popular Religion in Early American Culture. An Interpretive Guide*. Santa Barbara, CA: Greenwood Press.
- Baehr P. 2001. The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel”: Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse Metaphor in the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. *History and Theory*. 40 (2): 153–169.
- Baida P. 1990. *Poor Richard's Legacy: American Business Values from Benjamin Franklin to Donald Trump*. New York: William Morrow.

- Baker P. L. 1997. Review of Religion and Economic Action: The Protestant Ethic, the Rise of Capitalism and the Abuses of Scholarship by Kurt Samuelsson and E. Geoffrey French; The Spirit of Capitalism and the Protestant Ethic: An Enquiry into the Weber Thesis by Michael H. Lessnoff. *The Canadian Journal of Sociology = Cahiers canadiens de sociologie*. 22 (1): 144–147
- Bairati P. 1979. *Benjamin Franklin e il dio operaio*. Milan: F. Angeli.
- Bastian P. 2005. Review: ‘Let’s Do Lunch’: Benjamin Franklin and the American Character. *Australasian Journal of American Studies*. 24 (1): 83–89.
- Becker G. 1997. Replication and Reanalysis of Offenbacher’s School Enrollment Study: Implications for the Weber and Merton Theses. *Journal of the Scientific Study of Religion*. 36 (4): 483–495.
- Becker G. 2000. Educational “Preference” of German Protestants and Catholics: The Politics behind Educational Specialization. *Review of Religious Research*. 41 (3): 311–327.
- Becker S., Woessmann L. 2009. Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History. *Quarterly Journal of Economics*. 124 (2): 531–596.
- Bendix R. 1962. Review on Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 342 (1). July: 193–194.
- Bittner R. 1994. Ressentiment. In: Schacht R. (ed.) *Nietzsche, Genealogy, Morality: Essays on Nietzsche’s On the Genealogy of Morals*. Berkeley: University of California Press; 127–138.
- Brentano L. 1916. *Die Anfänge des modernen Kapitalismus*. München: Verlag der K. B. Akademie der Wissenschaften
- Campbell C. 1987. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*. Oxford, UK : B. Blackwell.
- Chandler A. D., Tedlow R. S. 1985. *The Coming of Managerial Capitalism: A Casebook on the History of American Economic Institutions*. Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc.
- Collins J. 2001. *Good to Great: Why Some Companies Make the Leap and Others Don’t*. New York: Random House.
- Cullen J. 2004. *The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped a Nation*. New York: Oxford University Press.
- Dihle A. 1957. Demut. In: Dölger F. J. et al. (eds) *Reallexikon für Antike und Christentum. Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*. Band. III. Stuttgart: Hiersemann; 735–778.
- Eisenstadt S. N. 2000. Multiple Modernities. *Daedalus*. 129 (1): 1–29.
- Ghosh P. 2008. *A Historian Reads Max Weber: Essays on the Protestant Ethic* (Vol. 1). Leipzig: Otto Harrassowitz Verlag.
- Ghosh P. 2014. *Max Weber and the Protestant Ethic: Twin Histories*. New York: Oxford University Press.

- Graf F. W. 1993. The German Theological Sources and Protestant Church Politics In: Lehmann H., Roth G. (eds). *Weber's "Protestant Ethic": Origins, Evidence, Contexts*. Publications of the German Historical Institute. Revised Edition. New York: Cambridge University Press; 27–50.
- Habermas J. 1983. *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*. Vol. 1. Boston: Beacon Press.
- Habermas J. 1992. *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and System. A Critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. Boston: Beacon Press.
- Hahnenberg E. 2010. *Awakening Vocation: A Theology of Christian Call*. Collegeville, MN: Liturgical Press
- Hennis W. 1998. *Max Weber: Essays in Reconstruction*. Transl. K. Tribe. London: Allen & Unwin.
- Holl K. 1965. *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte*. Band. 3 (Der Westen). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Kaelber L. 2005. Rational Capitalism, Traditionalism, and Adventure Capitalism: New Research on the Weber Thesis. In: Swatos W. H., Kaelber L. (eds). *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis*. London: Taylor and Francis; 139–164.
- Kennedy A. 2016. *Benjamin Franklin: The American Dream (The True Story of Benjamin Franklin)*. Albany, NY: Fritzen Publishing LLC.
- Kent S. A. 1983. Weber, Goethe, and the Nietzschean Allusion: Capturing the Source of the “Iron Cage” Metaphor. *Sociological Analysis*. 44 (4): 297–319.
- Kruse E., Chancellor J., Lyubomirsky S. 2017. State Humility: Measurement, Conceptual Validation, and Intrapersonal Processes. *Self and Identity*. 16 (4): 399–438.
- Landrum R. E. 2011. Measuring Dispositional Humility: A First Approximation. *Psychological Reports*. 108 (1): 217–228.
- Lemay J. A. L. 1986. Franklin's Autobiography and the American Dream. In: Lemay Z. *Benjamin Franklin's Autobiography. An Authoritative Text*. New York: W. W. Norton & Company, Inc.; 349–360.
- Lemay J. A. L., Zall P. M. 1986. *Benjamin Franklin's Autobiography. An Authoritative Text*. New York: W. W. Norton & Company, Inc.
- Lynch J. 2010. *Critical Insights: Benjamin Franklin*. Pasadena, CA: Salem Press.
- MacKinnon M. H. 1993. The Longevity of the Thesis: A Critique of the Critics. In: Lehmann H., Roth G. (eds). *Weber's "Protestant Ethic": Origins, Evidence, Contexts. Publications of the German Historical Institute. Revised Edition*. New York.: Cambridge University Press; 211–244.
- MacKinnon M. H. 2001. Max Weber's Disenchantment. Lineages of Kant and Channing. *Journal of Classical Sociology*. 1 (3): 329–351.
- McCloskey D. 2017. *The Great Enrichment Was Built on Ideas, Not Capital*. URL: <https://fee.org/articles/the-great-enrichment-was-built-on-ideas-not-capital/>

- McCormick B. 1999. *Ben Franklin's 12 Rules of Management*. Irvine, CA: Entrepreneur Press.
- McCormick B. 2001. Benjamin Franklin: Founding Father of American Management. *Business Horizons*. 44 (1): 2–10.
- Merrens M. R., Garrett J. B. 1975. The Protestant Ethic Scale as a Predictor of Repetitive Work Performance. *Journal of Applied Psychology*. 60 (1): 125–127.
- Miller M. J., Woehr D. J., Hudspeth N. 2002. The Meaning and Measurement of Work Ethic: Construction and Initial Validation of a Multidimensional Inventory. *Journal of Vocational Behavior*. 60 (3): 451–489.
- Mulford K. 2008. *The Cambridge Companion to Benjamin Franklin*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Müller-Armack A. 1945. Zur Religionssoziologie des europäischen Ostens. *Weltwirtschaftliches Arch.* 61 (H. 2): 163–192.
- Münch R. 2001. *The Ethics of Modernity: Formation and Transformation in Britain, France, Germany, and the United States*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Mutch A. 2009. Weber and Church Governance: Religious Practice and Economic Activity. *The Sociological Review*. 57 (4): 586–607.
- Mutch A. 2012. Theology, Accountability and Management: Exploring the Contributions of Scottish Presbyterianism. *Organization*. 19 (3): 363–379.
- Nau H. H. 1997. *Eine, wissenschaft vom menschen: Max Weber und die begründung der sozialökonomik in der deutschsprachigen ökonomie 1871 bis 1974*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Nelson B. 1962. Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *American Sociological Review*. 27 (6): 856.
- Nelson B. 1969. *The Idea of Usury. From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Nelson R. H. 2014. *Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park, PA: Penn State Press.
- Norkus Z. 2001. *Max Weber and Rational Choice*. Marburg: Metropolis.
- Olsington P. 2011. *Adam Smith as Theologian*. London: Routledge.
- Parsons T. 1962. Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson and E. Geoffrey French. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1 (2): 226–227.
- Pfleiderer G., Heit A. (Hrsg.). 2008. *Wirtschaft und Wertekultur(en). Zur Aktualität Max Webers "Protestantischer Ethik"*. Zürich: Theologischer Verlag Zürich AG.
- Reinert S. A. 2015. The Way to Wealth around the World: Benjamin Franklin and the Globalization of American Capitalism. *The American Historical Review*. 120 (1): 61–97.

- Samuelsson K. 1961. *Religion and Economic Action: The Protestant Ethic, the Rise of Capitalism, and the Abuse of Scholarship*. New York: Harper & Row.
- Schluchter W. 1988. *Religion und Lebensführung*. 2 Bde. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Stauth G. 1992. Nietzsche, Weber, and the Affirmative Sociology of Culture. *European Journal of Sociology*. 33 (2): 219–247.
- Takebayashi S. 2003. *Die Entstehung der Kapitalismustheorie in der Gründungsphase der deutschen Soziologie: von der historischen Nationalökonomie zur historischen Soziologie Werner Sombarts und Max Webers*. Berlin: Duncker & Humblot GmbH.
- Toennies F. et al. 1973. Max Weber on Church, Sect, and Mysticism. *Sociological Analysis*. 34 (2): 140–149.
- Troeltsch E. 1912. *Protestantism and Progress. A Historical Study of the Relation of Protestantism to the Modern World*. New York: G. P. Putnam's Sons.
- Troeltsch E. 1978. Die Kulturbedeutung des Calvinismus. In: Winkelmann J. vob (Hrsg.) *Max Weber [Sammlung] Die Protestantische Ethik*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn. Band II; 188–216.
- Troeltsch 1992. *The Social Teaching of the Christian Churches*. Louisville; London: Westminster John Knox Press.
- Turner B. S. 2011. Max Weber and the Spirit of Resentment: The Nietzsche Legacy. *Journal of Classical Sociology*. 11 (1): 75–92.
- Turner S. P. 1982. Bunyan's Cage and Weber's Casing. *Sociological Inquiry*. 52 (1): 84–87.
- Tyrell H. 2014. *"Religion" in der Soziologie Max Webers*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Weber M. 1988. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit. *Schriften zur Soziologie und Sozialpolitik*. URL: <http://www.zeno.org/Soziologie/M/Weber,+Max/Schriften+zur+Soziologie+und+Sozialpolitik/Zur+Psychophysik+der+industriellen+Arbeit>
- Weber M. 1975. Marginal Utility Theory and "The Fundamental Law of Psychophysics" (translated by L. Schneider). *Social Science Quarterly*. 56 (1): 21–36.
- Weber M. 2003. *The History of Commercial Partnerships in the Middle Ages*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Weber M. 2013. *Economy and Society*. 2 vols. (eds. G. Roth, C. Wittich). Berkeley, CA: University of California Press.
- Wolfe A. 2001. *Moral Freedom. The Search for Virtue in a World of Choice*. New York: W. W. Norton & Company.
- Yinger M. 1963. Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *Review of Religious Research*. 4 (2): 116–118.

NEW TEXTS

Ivan Zabaev

A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments

ZABAEV, Ivan — PhD in Sociology, Associate Professor, Theology Faculty; Scientific Advisor, "Sociology of Religion" Laboratory at St. Tikhon's Orthodox University. Address: 23 B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: zabaev-iv@yandex.ru

Abstract

'Weber's Hypnosis' by HSE Professor Rostislav Kapeliushnikov [Kapeliushnikov 2018a: 25–49; Kapeliushnikov 2018b: 12–42] was a point of departure for writing this article. Answering to the examination of Weber's text by a contemporary economist, the author finds it necessary to discuss the ethical component of "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism" in detail. The article draws special attention to the use of the ethical variable there as well as its values: *the calling* and *the humility* (also, *the ressentiment*). The author says that for Weber, it is important to understand where the new type of thinking comes from, the one that concentrates the entirety of life around work (e.g., business, acquisition).

The pursuit of acquisition loses the religious and ethical content, but the concept of professional duty remains. According to Weber, this evolution will result in the appearance of the last man—a soulless person locked inside his profession. The author shows that Weber's interpretation of the Protestant doctrines, where the aim of work is to "*get rid of the fear of damnation*", is parallel to the Nietzschean idea of the unpleasant role of "*the blessings of work*".

In order to answer the critics' questions, the author discusses the problems of *the spirit of capitalism*, as it is described in the "Protestant Ethic". Some of the components of this spirit are described, such as *the calling* (Beruf), *acquisition* (Erwerb), and *duty* (Pflicht). The *spirit of capitalism* is differentiated from gain, and the connection between the notion of capitalism and that of economic growth is examined; fragments of texts by B. Franklin and D. Defoe, which served as a prototype for Weber for the *spirit of capitalism*, are analyzed. In the end, the author shares thoughts on how Weber's logic can be applied to analyzing contemporary reality, what questions it lets one raise, and why the text that, according to Professor R. Kapeliushnikov, is a myth that has no connection to reality, is still read today.

Keywords: "Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism"; ethos; calling; humility; ressentiment; F. Nietzsche.

Acknowledgements

The article was made in the frame of the research project "Religion and patterns of social and economic organization. Elective affinity between religion and economy in Christian denominations in Switzerland and Russia" is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 16-23-41006.

The author thanks to E. Kostrova, E. Pavlutkina and anonymous reviewers of the Journal of Economic Sociology for comments to previous versions of the text.

References

- Adnès P. (1969) Humilité. *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique* (eds. M. Viller, F. Cavallera, J. de Guibert), vol. 7, Paris: Beauchesne; pp. 1136–1187 (in French).
- Agamben G. (2011) *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*, Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Anker R. (1999) *Self-Help and Popular Religion in Early American Culture. An Interpretive Guide*, Santa Barbara, CA: Greenwood Press.
- Arendt H. (1994) *Vita activa, ili O deyatelnoy zhizni* [Vita Activa or About Active Life], Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Avtonomov V., Ananin O., Makasheva N. (ed.). (2002) *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy. Uchebnoe posobie* [The History of Economic Thought. Tutorial], Moscow: INFRA-M (in Russian).
- Baehr P. (2001) The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel”: Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse Metaphor in the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. *History and Theory*, vol. 40, no 2, pp. 153–169.
- Baida P. (1990) *Poor Richard’s Legacy: American Business Values from Benjamin Franklin to Donald Trump*, New York: William Morrow.
- Bairati P. (1979) *Benjamin Franklin e il dio operaio*, Milan: F. Angeli (in Italian).
- Baker P. L. (1997) Review of Religion and Economic Action: The Protestant Ethic, the Rise of Capitalism and the Abuses of Scholarship by Kurt Samuelsson and E. Geoffrey French; The Spirit of Capitalism and the Protestant Ethic: An Enquiry into the Weber Thesis by Michael H. Lessnoff. *The Canadian Journal of Sociology = Cahiers canadiens de sociologie*, vol. 22, no 1, pp. 144–147.
- Barro R. J., Sala-i-Martin X. (2014) *Ekonomicheskiy rost* [Economic Growth], Moscow: Binom; Laboratoriya Znaniy (in Russian).
- Bastian P. (2005) Review: ‘Let’s Do Lunch’: Benjamin Franklin and the American Character. *Australasian Journal of American Studies*, vol. 24, no 1, pp. 83–89.
- Becker G. (1997) Replication and Reanalysis of Offenbacher’s School Enrollment Study: Implications for the Weber and Merton Theses. *Journal of the Scientific Study of Religion*, vol. 36, no 4, pp. 483–495.
- Becker G. (2000) Educational “Preference” of German Protestants and Catholics: The Politics behind Educational Specialization. *Review of Religious Research*, vol. 41, no 3, pp. 311–327.
- Becker S., Woessmann L. (2009) Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 124, no 2, pp. 531–596.
- Bendix R. (1962) Review on Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 342, iss. 1, July, pp. 193–194.

- Benjamin W. (2012) Kapitalizm kak religiya [Capitalism as Religion]. *Uchenie o podobii. Media estetieskie proizvedeniya. Sb. Statey* [The Doctrine of Similarity. Media Aesthetics Works. Digest of Articles], Moscow: RGGU, pp. 100–108 (in Russian).
- Bittner R. (1994) Ressentiment. *Nietzsche, Genealogy, Morality: Essays on Nietzsche's On the Genealogy of Morals* (ed. R. Schacht), Berkeley: University of California Press, pp. 127–138.
- Bourdieu P. (2005) Genezis i struktura polya religii [Genezis and the Structure of Religion Field]. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices], Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya, pp. 7–74 (in Russian).
- Bourdieu P., Passron Zh.-K. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy vysshego obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the Theory of Higher Education], Moscow: Prosveshchenie (in Russian).
- Brentano L. (1916) *Die Anfänge des modernen Kapitalismus*, München: Verlag der K. B. Akademie der Wissenschaften (in German).
- Bulgakov S. N. (2008) *Philosophiya khozyaystva* [Philosophy of Economics], Moscow: Terra (in Russian).
- Campbell C. (1987) *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Oxford, UK: B. Blackwell.
- Chandler A. D., Tedlow R. S. (1985) *The Coming of Managerial Capitalism: A Casebook on the History of American Economic Institutions*, Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc.
- Collins J. (2001) *Good to Great: Why Some Companies Make the Leap and Others Don't*, New York: Random House.
- Cullen J. (2004) *The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped a Nation*, New York: Oxford University Press.
- Danto A. (2000) *Niczsche kak filosof* [Nietzsche as a Philosopher], Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noj knigi (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1978) *Begstvo ot svobody. Filosofskoe mifotvorchestvo i literaturnyy avangard* [Escape from Freedom: Philosophical Myth-Making and Literary Avant-Garde], Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1979) Maks Veber: zapadnoevropeyskiy gumanizm i liberalizm pered litsom raspada tsarstva istiny, dobra i krasoty [Western European Humanism and Liberalism in the Face of the Collapse of the Kingdom of Truth, Goodness and Beauty] *Sud'ba iskusstva i kul'tury v zapadnoevropeyskoy my'sli XX veka. Sbornik perevodov* [the Fate of art and Culture in Western Thought of the XX Century] (ed. R. A. Gal'tseva), Moscow: INION, pp. 218–236 (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1990) Kartiny mira i tipy ratsionalnosti (Novye podkhody k izucheniyu sotsiologicheskogo naslediya Maksa Vebera) ["Pictures of the World" and Types of Rationality (New Approaches to the Study of the Sociological Heritage of Max Weber)]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Max Weber's Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 736–770 (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1994) Veberovskaya sotsiologiya kapitalizma [Weber's Sociology of Capitalism]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 10, pp. 165–175 (in Russian).

- Davydov Yu. N. (1996) M. Veber i problema interpretatsii ratsionalnosti [Max Weber and Problem of the Interpretation of Rationality]. *Voprosy sotsiologii*, iss. 6, pp. 71–77 (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1998a) *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya. Aktualnye problemy veberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and Modern Theoretical Sociology: Actual Problems of Weber's Sociological Doctrine], Moscow: Martis (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1998b) Verner Zombart i ego ponyatie burzhua [Werner Zombart and His Notion of Bourgeois]. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. T. 2.* [The History of Theoretical Sociology. Vol. 2], Moscow: Kanon, pp. 318–343 (in Russian).
- Davydov Yu. N. (1998c) Veberovskaya teoriya kapitalizma — klyuch k universalnoy istoricheskoy sotsiologii [Weber's Theory of Capitalism — The Key to Universal Historical Sociology]. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. T. 2.* [The History of Theoretical Sociology. Vol. 2], Moscow: Kanon, pp. 376–408 (in Russian).
- Davydov Yu. N., Gajdenko P. P. (1991) *Istoriya i ratsionalnost. Sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskiy renessans* [History and Rationality. The Max Weber Sociology and the Weberian Renaissance], Moscow: Politizdat (in Russian).
- Defo D. (1974) *Robinzon Kruzo. Istoriya polkovnika Dzheka* [Robinson Crusoe. The History of Colonel Jack], Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Dihle A. (1957) Demut. *Reallexikon für Antike und Christentum. Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt* (eds. F. J. Dölger, Th. Klauser, H. Kruse, H. Lietzmann, J. H. Wasznik, Hgg. Von Th. Klauser). Band. III, Stuttgart: Hiersemann, pp. 735–778 (in German).
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (2010) Novyy vzglyad na “zheleznuyu kletku”: institutsional'nyy izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' v organizatsionnykh polyakh [The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 1, pp. 34–56. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2010-11-1.html> (accessed 22 November 2015) (in Russian).
- Eisenstadt S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Fedotova V. G. (2013) Khoroshee obshchestvo: sotsialnoe konstruirovaniye priemlemogo dlya zhizni obshchestva [Good Society: Social Construction of a Society Acceptable for Life], Moscow: DirectMEDIA (in Russian).
- Filippov A. (1990) Kommentarii k “M. Veber Izbrannye proizvedeniya” [Comments on “Max Weber. Selected Papers”]. *Veber M. Izbrannye proizvedeniya* [Max Weber. Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 773–796 (in Russian).
- Filippov A. (2008) Yasnost', bespokoystvo i refleksiya: k sotsiologicheskoy kharakteristike sovremennosti [Clarity, Anxiety and Reflection: to the Sociological Characteristics of Modernity]. *Russian Sociological Review*, vol. 7, no 1, pp. 96–116 (in Russian).
- Franklin B. 2017a. Avtobiografiya Bendzhamina Franklina [Benjamin Franklin's Autobiography]. Franklin B. *Put' k bogatstvu. Avtobiografiya* [The Way to Wealth. Autobiography], Moscow: Izd-vo “E”, pp. 35–234 (in Russian).

- Franklin B. 2017b. Dialog mezhdru Franklinom i Podagroy [Dialogue between Franklin and the Gout] Franklin B. *Put`k bogatstvu. Avtobiografiya* [The Way to Wealth. Autobiography], Moscow: Izd-vo "E", pp. 314–319 (in Russian).
- Franklin B. (2017c) Efemera: Emblema chelovecheskoy zhizni [Ephemera: The Emblem of Human Life]. *Put`k bogatstvu. Avtobiografiya* [The Path to Wealth. Autobiography], Moscow: Izd-vo "E", pp. 301–303 (in Russian).
- Franklin B. (2017d) Etika shakhmat [Ethics of Chess]. *Put`k bogatstvu. Avtobiografiya* [The Path to Wealth. Autobiography], Moscow: Izd-vo "E", pp. 320–323 (in Russian).
- Fridman M. (2006) *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).
- Fromm E. (2015) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom], Moscow: AST (in Russian).
- Gaydenko P. P. (1990) Sotsiologiya Maksa Vebera [The Sociology of Max Weber]. *Maks Veber. Izbrannyye proizvedeniya* [Max Weber. Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 5–43 (in Russian).
- Ghosh P. (2008) *A Historian Reads Max Weber: Essays on the Protestant Ethic*, vol. 1, Leipzig: Otto Harrassowitz Verlag.
- Ghosh P. (2014) *Max Weber and the Protestant Ethic: Twin Histories*, New York: Oxford University Press.
- Gofman A. B. (2008) Traditsionnoe ili ratsionalnoe? Interpretatsiya traditsii v tvorchestve M. Vebera [Traditional or Rational? The Interpretation of Tradition in Works of Max Weber], *Sotsiologicheskie Issledovaniia* = Sociological Studies, no 4, pp. 120–128 (in Russian).
- Graf F. W. (1993) The German Theological Sources and Protestant Church Politics. *Weber's "Protestant Ethic": Origins, Evidence, Contexts* (eds. H. Lehmann, G. Roth) Publications of the German Historical Institute. Revised Edition, New York: Cambridge University Press, pp. 27–50.
- Habermas J. (1983) *The Theory of Communicative Action: Reason and the Rationalization of Society*, vol. 1, Boston: Beacon Press.
- Habermas J. (1992) *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and System. A Critique of Functionalist Reason*, vol. 2, Boston: Beacon Press.
- Hahnenberg E. (2010) *Awakening Vocation: A Theology of Christian Call*, Collegeville, MN: Liturgical Press.
- Harhordin O. (2002) *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Expose and Hypocrite: Genealogy of the Russian Personality], St. Petersburg; Moscow: Izdatelstvo EUSPb; Letniy sad (in Russian).
- Hayek F. A. (1992) *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom], Moscow: Ekonomika (in Russian).
- Hennis W. (1998) *Max Weber: Essays in Reconstruction*, London: Allen & Unwin.

- Hirschman A. (2012) *Strasti i interesy. Politicheskie argumenty v polzu kapitalizma i ego triumfa* [The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before its Triumph], Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).
- Holl K. (1965) *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. Band. 3 (Der Westen)*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (in German).
- Illich I. (2006) *Osvobozhdenie ot shkol. Proportsionalnost i sovremennyy mir* [Exemption from Schools. Proportionality and the Modern World], Moscow: Prosveshchenie (in Russian).
- Ionin L. (2000) *Sotsiologiya kultury. Put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture. Way to the New Millennium], Moscow: Logos (in Russian).
- Kaelber L. (2005) Rational Capitalism, Traditionalism, and Adventure Capitalism: New Research on the Weber Thesis. *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis* (eds. W. H. Swatos, L. Kaelber), Lobdon: Taylor and Francis, pp. 139–164.
- Kapelyushnikov R. I. (2018a) Gipnoz Vebera. Zametki o Protestantskoy etike i dukhe kapitalizma. Chast' I [Weber's Hypnosis. Notes on "The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism". Part I]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 3, pp. 25–49. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-3.html> (accessed 25 January 2019) (in Russian).
- Kapelyushnikov R. I. (2018b) Gipnoz Vebera. Zametki o Protestantskoy etike i dukhe kapitalizma. Chast' II [Weber's Hypnosis. Notes on "The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism". Part II]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 4, pp. 12–42. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-4.html> (accessed 25 January 2019) (in Russian).
- Kennedy A. (2016) *Benjamin Franklin: The American Dream (The True Story of Benjamin Franklin)*, Albany, NY: Fritzen Publishing LLC.
- Kent S. A. (1983) Weber, Goethe, and the Nietzschean Allusion: Capturing the Source of the "Iron Cage" Metaphor. *Sociological Analysis*, vol. 44, no 4, pp. 297–319.
- Kodzima S. (2009) Vospriyatie rabot M. Vebera v Rossii nachala XX veka i veberovskiy renessans kontsa XX veka [The Perception of the Works of M. Weber in Russia at the Beginning of the 20th Century. and the Weberian Renaissance of the End of the 20th century]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 6, pp. 121–131 (in Russian).
- Korotaev A. V., Xalturina D. A., Malkov A. S., Bozhevov`nov Yu. V., Kobzeva S. V., Zin`kina Yu. V. (2007) *Zakony` istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional`nogo razvitiya* [Laws of History: Mathematical Modeling and Forecasting of World and Regional Development], Moscow: URSS (in Russian).
- Kovalenko I. N., Kovalenko N. P. (2016) O nekotorykh protivorechiyakh v ponimanii bazovykh terminov v perevodakh raboty M. Vebera "Protestantskaya ehtika i dukh kapitalizma" [On some Contradictions in the Understanding of Basic Terms in the Translations of M. Weber's Work "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism"]. *Naukoviy visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Scientific Bulletin of the International Humanitarian University. Economics and Management Series], vol. 17, pp. 4–7 (in Russian).

- Kovi S. (2018) *7 navykov vysokoefektivnykh lyudey. Moshchnye instrumenty razvitiya lichnosti* [The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic], Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Kruse E., Chancellor J., Lyubomirsky S. (2017) State Humility: Measurement, Conceptual Validation, and Intrapersonal Processes. *Self and Identity*, vol. 4, no 16, pp. 399–438.
- Landrum R. E. (2011) Measuring Dispositional Humility: A First Approximation. *Psychological Reports*, vol. 108, no 1, pp. 217–228.
- Larkina T., Yudin G. (2015) Teoriya daroobmena i formirovanie soobshchestv [Gift Exchange Theory and Community Building]. *Materialy seminara Sociologiya religii. Seriya: Teoriya daroobmena* [Working Papers: “Sociology of Religion” Seminar, Series: Gift Exchange Theory], 2015-15, Moscow: PSTGU. Available at: <http://socrel.pstgu.ru/RU/publications?tag=workshop> (accessed 6 October 2018) (in Russian).
- Lemay J. A. L. (1986). Franklin’s Autobiography and the American Dream. *Benjamin Franklin’s Autobiography. An Authoritative Text*, New York: W. W. Norton & Company, Inc., pp. 349–360.
- Lemay Z., Zall P. M. (1986) *Benjamin Franklin’s Autobiography. An Authoritative Text*. New York: W. W. Norton & Company, Inc.
- Lestvichnik Prep. Ioann. (2007) *Lestvicza, vozvodyashhaya na nebo* [The Ladder of Divine Ascent], Moscow: Izd-vo Sretenskogo Monasty`rya (in Russian).
- Lynch J. (2010) *Critical Insights: Benjamin Franklin*, Pasadena, CA: Salem Press.
- MacIntyre A. (2000) *Posle dobrodeteli* [After Virtue], Moscow: Akademicheskiiy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga (in Russian).
- MacKinnon M. H. (1993) The Longevity of the Thesis: A Critique of the Critics. *Weber’s “Protestant Ethic”: Origins, Evidence, Contexts. Publications of the German Historical Institute. Revised Edition* (eds. H. Lehmann, G. Roth), New York: Cambridge University Press, pp. 211–244.
- MacKinnon M. H. (2001) Max Weber’s Disenchantment. Lineages of Kant and Channing. *Journal of Classical Sociology*, vol. 1, no 3, pp. 329–351.
- Marxs K. (1959) K kritike politicheskoy ehkonomii [To Criticism of Political Economy]. *Karl Marx, Friedrich Engels. Sochineniya. Izd 2-e T. 13* [Karl Marx, Friedrich Engels. Writings. 2nd ed., vol. 13], Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Politicheskoy literatury, pp. 1–167 (in Russian).
- Marxs K. (1960) Kapital. T. 1 [Capital, vol. 1]. *Karl Marx, Friedrich Engels. Sochineniya. Izd 2-e. T. 23* [Karl Marx, Friedrich Engels. Writings. 2nd ed., vol. 23], Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Politicheskoy literatury (in Russian).
- Marxs K. (2000) K kritike gegelevskoy filosofii prava [To Criticism of Hegel’s Philosophy of Law]. *Karl Marx. Sociologiya* [Karl Marx. Sociology], Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole, pp. 157–176 (in Russian).
- McCloskey D. (2017) *The Great Enrichment Was Built on Ideas, Not Capital*. Available at: <https://fee.org/articles/the-great-enrichment-was-built-on-ideas-not-capital/> (accessed 15 January 2018).

- McCormick B. (1999) *Ben Franklin's 12 Rules of Management*, Irvine, CA: Entrepreneur Press.
- McCormick B. (2001) Benjamin Franklin: Founding Father of American Management. *Business Horizons*, vol. 44, no 1, pp. 2–10.
- Merrens M. R., Garrett J. B. (1975) The Protestant Ethic Scale as a Predictor of Repetitive Work Performance. *Journal of Applied Psychology*, vol. 60, no 1, pp. 125–127.
- Miller M. J., Woehr D. J., Hudspeth N. (2002) The Meaning and Measurement of Work Ethic: Construction and Initial Validation of a Multidimensional Inventory. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 60, no 3, pp. 451–489.
- Mulford K. (2008) *The Cambridge Companion to Benjamin Franklin*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Müller-Armack A. (1945) Zur Religionssoziologie des europäischen Ostens. *Weltwirtschaftliches Arch*, vol. 61 (H. 2), pp. 163–192 (in German).
- Münch R. (2001) *The Ethics of Modernity: Formation and Transformation in Britain, France, Germany, and the United States*. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Mutch A. (2009) Weber and Church Governance: Religious Practice and Economic Activity. *The Sociological Review*, vol. 57, no 4, pp. 586–607.
- Mutch A. (2012) Theology, Accountability and Management: Exploring the Contributions of Scottish Presbyterianism. *Organization*, vol. 19, no 3, pp. 363–379.
- Nau H. H. (1997) *Eine Wissenschaft vom Menschen: Max Weber und die Begründung der Sozialökonomik in der deutschsprachigen Ökonomie 1871 bis 1974*, Berlin: Duncker & Humblot (in German).
- Nelson B. (1962) Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *American Sociological Review*, vol. 27, no 6, p. 856.
- Nelson B. (1969) *The Idea of Usury. From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood*, Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Nelson R. H. (2014) *Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond*, University Park, PA: Penn State Press.
- Nietzsche F. (1996a) K genealogii morali [On the Genealogy of Morality]. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Writings, 2 Vols, vol. 2], Moscow: Mysl', pp. 407–524 (in Russian).
- Nietzsche F. (1996b) Po tu storonu dobra i zla [On the Other Side of Good and Evil]. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Writings, 2 Vols, vol. 2], Moscow: Mysl', pp. 238–406 (in Russian).
- Nietzsche F. (1996c) Tak govoril Zaratustra Kniga dlya vsekh i nikogo [Thus Spoke Zarathustra]. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Writings, 2 Vols, vol. 2], Moscow: Mysl', pp. 6–237 (in Russian).
- Norkus Z. (2001) *Max Weber and Rational Choice*. Marburg: Metropolis.

- Olsington P. (2011) *Adam Smith as Theologian*, London: Routledge.
- Parsons T. (1962) Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson and E. Geoffrey French. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 1, no 2, pp. 226–227.
- Pfleiderer G., Heit A. (eds.). (2008) *Wirtschaft und Wertekultur(en). Zur Aktualität Max Webers "Protestantischer Ethik"*. Zürich: Theologischer Verlag Zürich AG.
- Sveshnikov Vladislav, Prot. (2018) *Ocherki khristianskoy etiki* [Essays on Christian Ethics]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-etiki/4_2 (accessed on 18 July 2018) (in Russian).
- Reinert S. A. (2015) The Way to Wealth around the World: Benjamin Franklin and the Globalization of American Capitalism. *The American Historical Review*, vol. 120, no 1, pp. 61–97.
- Samuelson K. (1961) *Religion and Economic Action: The Protestant Ethic, the Rise of Capitalism, and the Abuse of Scholarship*, New York: Harper & Row.
- Schluchter W. (1988) *Religion und Lebensführung*, 2 Bde. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).
- Schmitt K. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology], Moscow: Kanon-Press-C (in Russian).
- Sheler M. (1999) *Resentimet v strukture moraley* [Resentiment in the Structure of Morality], Moscow: Nauka (in Russian).
- Sidorkin A. M. (2014) Novoe rabstvo ili klass-kukolka [New Slavery or Pupa Class]. *Pedagogika i psikhologiya: dialog o vospitanii* [Pedagogy and Psychology: A Dialogue about Education] (ed. T. Romm), Novosibirsk: NGPU, pp. 25–36 (in Russian).
- Sombart W. (1904) *Sovremennyy kapitalizm* [Modern Capitalism], Moscow: Tipolitografiya T-va I. N. Kushnerev i K° (in Russian).
- Sombart W. (2005) *Sobranie sochineniy: v 3 t. T. 2: Torgashi i geroi razdumya patriota. Evrei i ekonomika* [Collected Works, 3 Vols. Vol. 2: Traders and Heroes: Thoughts of a Patriot. Jews and the Economy], St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Somin N. (2006) Blef «Protestantskoy etiki» [Bluff of Protestant Ethics]. Available at: http://chri-soc.narod.ru/blef_protestantskoi_etiki.htm (accessed 10 January 2018) (in Russian).
- Stauth G. (1992) Nietzsche, Weber, and the Affirmative Sociology of Culture. *European Journal of Sociology*, vol. 33, no 2, pp. 219–247.
- Stepanov I. (1904) Predislovie k russkomu izdaniyu Sovremennogo kapitalizma [Preface to the Russian edition of "Modern Capitalism" by V. Zombart]. *Sovremennyy kapitalizm* [Modern Capitalism], Moscow: Tipolitografiya T-va I. N. Kushnerev i K°, pp. I–XL (in Russian).
- Takebayashi S. (2003) *Die Entstehung der Kapitalismustheorie in der Gründungsphase der deutschen Soziologie: von der historischen Nationalökonomie zur historischen Soziologie Werner Sombarts und Max Webers*, Berlin: Duncker & Humblot GmbH.

- Toennies F., Simmel G., Troeltsch E., Weber M. (1973) Max Weber on Church, Sect, and Mysticism. *Sociological Analysis*, vol. 34, no 2, pp. 140–149.
- Troeltsch E. (1912) *Protestantism and Progress; A historical Study of the Relation of Protestantism to the Modern World*, New York: G. P. Putnam's Sons.
- Troeltsch E. (1978) Die Kulturbedeutung des Calvinismus. *Max Weber [Sammlung] Die Protestantische Ethik* (ed. J. von Winkelmann), Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn. Band II, pp. 188–216 (in German).
- Troeltsch (1992) *The Social Teaching of the Christian Churches*, Louisville; London: Westminster John Knox Press.
- Troickij K. E. (2014b) Kategoricheskij imperativ v mysli Maksa Vebera [The Categorical Imperative in the Thought of Max Weber]. *Diskursy etiki*, vol. 3, pp. 51–68 (in Russian).
- Turner B. S. (2011) Max Weber and the Spirit of Resentment: The Nietzsche Legacy. *Journal of Classical Sociology*, vol. 11, no 1, pp. 75–92.
- Turner S. P. (1982) Bunyan's Cage and Weber's Casing. *Sociological Inquiry*, vol. 52, no 1, pp. 84–87.
- Tyrell H. (2014) *“Religion” in der Soziologie Max Webers*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (in German).
- Weber M. (1897) *Birzha i ee znachenie* [The Stock Exchange and Its Meaning], St. Petersburg: I. Yurovskiy (in Russian).
- Weber M. (1975) Marginal Utility Theory and “The Fundamental Law of Psychophysics” (transl. L. Schneider). *Social Science Quarterly*, vol. 56, no 1, pp. 21–36.
- Weber M. (1988) Zur Psychophysik der industriellen Arbeit. *Schriften zur Soziologie und Sozialpolitik*. Available at: <http://www.zeno.org/Soziologie/M/Weber,+Max/Schriften+zur+Soziologie+und+Sozialpolitik/Zur+Psychophysik+der+industriellen+Arbeit> (accessed 10 January 2018).
- Weber M. (1990a) “Obektivnost” sotsialno-nauchnogo i sotsialno-politicheskogo poznaniya [“Objectivity” of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 345–415 (in Russian).
- Weber M. (1990b) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 61–272 (in Russian).
- Weber M. (1990c) Protestantskie sekty i dukh kapitalizma [The Protestant Sects and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 273–306 (in Russian).
- Weber M. (1994) Sotsiologiya religii (tipy religioznykh soobshchestv) [Sociology of Religion (Types of Religious Communities)]. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected Works. The Image of Society], Moscow: Yurist, pp. 78–308 (in Russian).
- Weber M. (2001) *Istoriya khozyaystva: Gorod* [The History of Economy], Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole (in Russian).

- Weber M. (2003) *The History of Commercial Partnerships in the Middle Ages*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Weber M. (2013) *Economy and Society*. 2 vols. (eds. G. Roth, C. Wittich), Berkeley, CA: University of California Press.
- Wolfe A. (2001) *Moral Freedom. The Search for virtue in a World of Choice*, New York: W. W. Norton & Company, Inc.
- Yinger M. (1963) Review of Religion and Economic Action by Kurt Samuelsson, E. Geoffrey French and D. C. Coleman. *Review of Religious Research*, vol. 4, no 2, pp. 116–118.
- Zabaev I. V. (2011) Ratsional'nost', otvetstvennost', meditsina: problema motivatsii detorozhdeniya v Rossii v nachale XXI v. [Rationality, Responsibility, Health Care: Motivation for Childbearing at the Edge of the 21st Century in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 2, pp. 21–48. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-2.html> (accessed 25 January 2019) (in Russian).
- Zabaev I. V. (2018a) Operatsionalizatsiya smireniya v psikhologii [Operationalization of the Concept of Humility in Psychology]. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, vol. 76, pp. 107–129 (in Russian).
- Zabaev I. V. (2018b) Religiya i ekonomika: mozhem li my vse eshche opiratsya na Maksa Vebera? [Religion and Economics: Can We Still Rely on Max Weber?]. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 3, pp. 107–148. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2018-17-3/224866835.html> (accessed 25 January 2019) (in Russian).
- Zarubina N. N. (1998) *Sotsiokulturnye faktory khozyaystvennogo razvitiya: M. Veber i sovremennye teorii modernizatsii* [Socio-Cultural Factors of Economic Development: M. Weber and Modern Theories of Modernization], St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta (in Russian).

Received: September 14, 2018

Citation: Zabaev I. (2019) Nitssheanskiy vzglyad na stodollarovuyu kupyuru: chtenie veberovskoy "Protestantskoy etiki" v svyazi s zamechaniyami sovremennogo ekonomista [A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 20–71. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-20-71 (in Russian)

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ник Срничек

Капитализм платформ

СРНИЧЕК Ник — преподаватель в области цифровой экономики факультета искусств и гуманитарных наук Королевского колледжа в Лондоне. Адрес: Великобритания, Англия, WC2R2LC, г. Лондон, ул. Стрэнд, здание Королевского колледжа.

Email: nick.srnicek@kcl.ac.uk

*Перевод с английского
Марии Добряковой*

*Научный редактор
перевода Мария Добрякова*

Публикуется с разрешения
Издательского дома
ВШЭ

В книге обсуждается произошедшая во многих секторах экономики трансформация фирм в платформы — компании, предоставляющие оборудование и программное обеспечение другим для работы. Эта трансформация оказалась возможной благодаря тому, что на текущем этапе развития капитализма данные, под которыми понимается информация о том, что произошло, превратились в источник экономического роста и жизнестойкости. Изменения в цифровых технологиях привели к тому, что данные стали играть ключевую роль в компаниях и их отношениях с работниками, клиентами и другими капиталистами. Ник Срничек критически рассматривает «капитализм платформ», помещая новые формы бизнеса в контекст более общей экономической истории, рассматривая их через призму долгого спада 1970-х гг., бума 1990-х и последствий кризиса 2008 г. Он показывает, как экономика была поделена между небольшим числом монополистических платформ и как платформы создают новые тенденции внутри капитализма.

Журнал «Экономическая социология» публикует вводную часть и заключение из второй главы, название которой совпадает с названием книги — «Капитализм платформ». В этой главе автор пытается внести ясность в разворачивающиеся сегодня дискуссии о новом мире, предлагая типологию платформ (рекламные, облачные, промышленные, продуктовые и бережливые) и описывая их генезис.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые технологии; разнообразие капитализма; платформа; большие данные; экономическая история.

Глава 2. Капитализм платформ

Сталкиваясь с кризисом, капитализм начинает тяготеть к реструктуризации. Появляются новые технологии, новые организационные формы, новые модели эксплуатации, новые типы рабочих мест, новые рынки — и всё это для того, чтобы выстроить новый способ накопления капитала. Как мы видели на примере кризиса перепроизводства 1970-х гг., промышленность пыталась восстановиться за счёт рабочей силы, вводя всё более бережливые бизнес-модели. В начале спада 1990-х гг. компании, связанные с интернет-сферой, перешли на бизнес-модели, позволяющие монетизировать доступные им свободные ресурсы. Пузырь «доткомов» лопнул, а с ним улетучился и энтузиазм инвесторов по поводу интернет-компаний, однако в последующее десятилетие технологические фирмы стремительно росли с точки зрения принадлежащего им объёма власти и капитала. Произошла

¹ Источник: Срничек Н. 2019. *Капитализм платформ*. М.: Изд. дом ВШЭ; перев. с англ.: Srnicek N. 2016. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity.

ли подобная смена курса после кризиса 2008 г.? Доминирующий нарратив в развитых капиталистических странах действительно связан с темой изменений. В частности, вновь возник интерес к технологиям: автоматизация, экономика совместного потребления (*sharing economy*), бесчисленные истории «уберизации очередного X», а начиная где-то с 2010 г. — ещё и возвешение о пришествии «интернета вещей». Компания McKinsey объявила все эти новшества сменой парадигмы [Löffler, Tschiesner 2013], лидер Всемирного экономического форума назвал четвёртой промышленной революцией; звучали и более нелепые формулировки, возводившие значение новых технологий до перемен масштаба эпохи Просвещения и Возрождения [Kaminska 2016a]. На наших глазах термины стремительно множились: гигномика, шеринговая экономика, экономика по требованию (*the on-demand economy*), новая промышленная революция, экономика тотального надзора (*the surveillance economy*), экономика мобильных приложений (*the app economy*), экономика впечатлений и внимания (*the attention economy*) и т. д. Задача данной главы — разобраться в этих изменениях.

По мнению целого ряда теоретиков, подобные изменения означают, что мы живём в экономике знаний — её называют также когнитивной, информационной, нематериальной. Но что это значит на самом деле? Тут мы обнаруживаем несколько взаимосвязанных, но отчётливо различающихся суждений. В итальянском «автономизме»² будет говориться о «всеобщем интеллекте» (*general intellect*), при котором *коллективное сотрудничество и знания становятся источником создания стоимости* [Vercellone 2007]. Из такой посылки вытекает, что *труд становится всё более нематериальным*, ориентированным на манипуляции с символами и ощущениями. Соответственно традиционный промышленный рабочий класс всё более вытесняется *специалистами в сфере знаний*, или «когнитариатом». Одновременно общая деиндустриализация стран с высоким уровнем дохода означает, что *продукт труда становится нематериальным*: это контент в области культуры, знания, впечатления и услуги. Сюда входит медийный контент (такой, как материалы YouTube, блоги), а также более масштабные продукты — создание вебсайтов, участие в онлайн-форумах и разработка программного обеспечения [Terranova 2000]. Родственное утверждение: *доля знания в материальных товарах возрастает* и становится их неотъемлемой частью. Например, производство даже самой простой сельскохозяйственной продукции основывается на широчайшем спектре научно-технических знаний. Если же смотреть с другой стороны классовых отношений, то, заявляют эксперты, в экономике сегодня господствует новый класс, который *владеет* не средствами производства, а *информацией* [Wark 2004]. Тут есть определённая доля истины, однако аргументация рассыпается, если этот класс выносится за рамки капитализма. Поскольку императивы капитализма действуют для этих компаний в той же степени, что и для всех прочих, эти компании остаются капиталистическими. И всё же что-то новое в них есть, и стоит попробовать разобраться, а что же это такое.

Ключевую идею данной главы я сформулировал бы так: развитый капитализм XXI столетия постепенно выстроился вокруг задачи извлечения и использования особого типа сырья — данных. Но тут важно прояснить: а что такое данные? Прежде всего следует различать *данные* (информация о том, что нечто произошло) и *знание* (информация о том, почему что-то произошло). Данные могут включать знания, но необязательно. Данные также предполагают запись, регистрацию и, значит, некоторый материальный носитель. Будучи сущностью зарегистрированной, любая единица данных нуждается в датчике (сенсоре), который сможет её распознать, прочесть, а также в серьёзных системах хранения для их поддержания. Как легко убедиться, данные ни в коем случае не лишены материальной сущности — стоит взглянуть на объёмы потребления энергии дата-центрами (а на долю Интернета в целом приходится 9,2% потребления всего электричества в мире)³. Не стоит обольщаться и мыслями о том, что

² См. о нём, например, работы Б. Ю. Кагарлицкого о марксизме в эпоху постглобализации. — *Примеч. перев.*

³ Расчёты автора на основе следующих источников: [Andrae, Corcoran 2013]; [US Energy Information Administration, n.d.]. См. подробнее: [Maxwell, Miller 2012].

сбор и анализ данных — процесс сугубо гладкий и полностью автоматизированный. Обычно данные требуется чистить, упорядочивать в стандартизованные форматы — и только тогда ими можно будет пользоваться. Аналогично для запуска подходящих алгоритмов может потребоваться ручной ввод обучающих наборов в систему. Словом, всё это означает, что сбор данных сегодня зависит от мощнейшей инфраструктуры, позволяющей считывать, регистрировать и анализировать данные⁴. А что мы регистрируем и записываем? Если на пальцах, то речь идёт о *данных* как о сырье, подлежащем извлечению, и о *действиях* пользователей, которые являются естественным источником данного сырья⁵. Подобно нефти, данные есть сырьё, которое извлекают, очищают и используют самым различным образом. Чем больше у кого-то данных, тем больше различных возможностей их использования.

Данные были ресурсом, задействованным уже какое-то время, хотя и в меньших масштабах, в прежних бизнес-моделях (особенно при координации глобальных логистических процессов бережливого производства). Однако в XXI столетии технологии, необходимые для превращения простых действий в регистрируемые данные, стремительно дешевели; переход к цифровой коммуникации сделал такую регистрацию чрезвычайно простой. Открылись огромные новые массивы потенциальных данных, и выросли новые отрасли, занятые их извлечением и использованием для оптимизации производственных процессов, детальнейшего анализа потребительских предпочтений, контролирования работников, понимания востребованных характеристик для разработки новых продуктов и услуг (таких, как GoogleMaps, беспилотные автомобили, Siri) и рекламных продаж. Схожие прецеденты случались при капитализме и ранее, принципиально же новым оказался сам тот объём данных, который стало возможным использовать. Данные как ресурс всё более перемещались с периферии в самую сердцевину бизнеса. В начале 2000-х гг., впрочем, едва ли можно было предугадать, что данные станут тем сырьём, которое запустит фундаментальные перемены в капитализме⁶. Компания Google попросту первой приложила усилия к тому, чтобы при помощи доступных ей данных направить рекламные доходы в другое русло, прочь от таких традиционных медиа, как газеты и телевидение. Google оказала ценную услугу, организовав Интернет, однако на уровне экономики само по себе это вряд ли можно считать революционным изменением. По мере распространения Интернета и проникновения его повсюду фирмы начали зависеть от цифровых коммуникаций во всех аспектах своего бизнеса, а данные — приобретать всё большее значение. Как я постараюсь показать в этой главе, данные стали выполнять целый ряд ключевых капиталистических функций: они «учат» алгоритмы правильной работе и обеспечивают их конкурентное преимущество; они позволяют координировать труд работников и нанимать внешних подрядчиков в режиме аутсорсинга; они помогают оптимизировать производственные процессы и делать их более гибкими; с их помощью можно превращать продукты с невысокой торговой наценкой в услуги с высокой наценкой; наконец, сам по себе анализ данных порождает новые данные, и этот в хорошем смысле заколдованный круг повторяется бесконечно. Наверное, это было неизбежно — учитывая серьёзные преимущества, которые открываются при регистрации и использовании данных, а также конкурентное давление капитализма, — что такой тип сырья превратится в новый огромный источник добычи полезных ресурсов.

⁴ Особенно яркий пример — использование данных при изучении климата; см. [Edwards 2010].

⁵ Я опираюсь здесь на Марксово определение сырья: «Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально обеспечивающая человека пищей, готовыми жизненными средствами, существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий продукт человеческого труда. Все предметы, которые труду остаётся лишь вырвать из их непосредственной связи с землёй, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от её жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли. *Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом*, например, уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки» [Marx 1990: 284–285] (Курсив автора книги. — *Ред.*) (Рус. перев. см.: Маркс К. 1960. Капитал. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы; 189–190. — *Примеч. ред.*)

⁶ Здесь, видимо, уместно провести аналогию с понятием «дешёвые вложения» (*cheap inputs*), предложенную Дж. Муром, но это выходит за рамки настоящей работы; см. гл. 2 в кн.: [Moore 2015].

Проблема, которую капиталистические фирмы не решили и по сей день, заключается в том, что старые бизнес-модели не особенно ловко настроены на задачу извлечения и использования данных. Их метод работы, скорее, был ориентирован на фабричное производство: выпускается некий товар, большая часть информации о нём и о процессе при этом утрачивается; затем товар продаётся — и производитель ничего не узнает ни о покупателе, ни о том, каким образом товар использовался. Хотя глобальная логистическая сеть бережливого производства в этом отношении сделала шаг вперёд, во многом — если не считать штучных исключений на отдельных направлениях — она осталась моделью «потерь», допускающей изрядные утечки в песок (*alossy model*). Стало ясно, что, если фирмы хотят в полной мере извлечь выгоду из сокращения затрат, связанных с регистрацией данных, необходима другая бизнес-модель. И в этой главе я покажу, что новая бизнес-модель в конце концов появилась. Это мощный новый тип фирмы — платформа (*the platform*)⁷. Вырастая зачастую из внутренних задач по управлению данными, платформы стали эффективным способом монополизировать, извлекать, анализировать и использовать растущие объёмы регистрируемых данных. Эта модель распространилась по всей экономике, множество компаний инкорпорируют платформы: мощные технологические компании (Google, Facebook, Amazon), динамичные стартапы (Uber, Airbnb), промышленные лидеры (GE, Siemens), ведущие игроки в сельском хозяйстве (John Deere, Monsanto) и многие другие.

Что такое платформы?⁸ На самом общем уровне платформы — это цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать⁹, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей — покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты¹⁰. Довольно часто эти платформы предлагают также некий набор инструментов, которые позволяют пользователям конструировать собственные продукты, услуги или рынки [Gawer 2009: 54]. Например, операционная система Windows компании Microsoft позволяет разработчикам программного обеспечения создавать приложения для неё и продавать их потребителям; платформа AppStore компании Apple и связанная с ней экосистема (XCode и iOS SDK) позволяют разработчикам создавать новые приложения и продавать их пользователям; поисковая система Google предоставляет площадку (платформу) рекламодателям и поставщикам контента, выводя их на целевую аудиторию, ищущую определённую информацию; приложение для заказа такси Uber даёт возможность водителям и пассажирам обменивать поездки на деньги. Платформа — это не столько новая рыночная площадь, сколько базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между разными группами. И в этом ключ к пониманию её преимуществ по сравнению с традиционными бизнес-моделями, когда мы говорим об использовании такого сырья, как данные: платформа (1) находится между пользователями и (2) выступает в качестве площадки, на которой они взаимодействуют, что позволяет держателю платформы получать привилегированный доступ к регистрации этого взаимодействия. Google, поисковик, извлекает массу полезного из анализа поисковой активности (ибо последняя отражает флуктуации желаний индивидов). Uber, платформенное решение для такси, получает данные о загруженности дорог и о действиях водителей и пассажиров. Facebook,

⁷ Компания Apple — знаковый пример лидера, который при таком наведении фокуса оказывается за рамками нашего анализа: прежде всего, это вполне традиционный производитель бытовой электроники, использующий при организации производства ныне стандартные практики аутсорсинга. В его бизнесе действительно есть некоторые элементы платформенных решений (iTunes, AppStore), но на их долю приходится всего лишь 8% прибыли компании. Львиная же доля прибыли (68%) поступает от продаж айфонов. Так что бизнес-модель компании Apple ближе к бизнес-модели компании Nike образца 1990-х гг., чем к бизнес-модели компании Google образца 2010-х гг.

⁸ Полезные комментарии о платформах см.: [Rochet, Tirole 2006; Bratton 2015, ch. 9].

⁹ Хотя технически платформы и могут существовать в нецифровых форматах (скажем, в виде торгового центра), лёгкость регистрации действий в онлайн-режиме делает цифровые платформы идеальной моделью для извлечения данных в условиях современной экономики.

¹⁰ В категорию «пользователи» мы включаем также и машины; это важное дополнение, если мы говорим об Интернете вещей; см.: [Bratton 2015: 251–289].

платформенное решение для социальных сетей, приносит целый спектр случаев частного взаимодействия, которые можно фиксировать и анализировать. И по мере того как всё больше отраслей переводят свои коммуникации в онлайн-формат (например, Uber подталкивает всю индустрию такси к цифровой форме), все больше компаний будут тяготеть к разработке платформенных решений. Таким образом, платформа есть нечто гораздо большее, нежели интернет или технологические компании, поскольку они могут функционировать в любой точке, где возможно цифровое взаимодействие.

Их вторая характерная черта заключается в том, что цифровые платформы порождают «сетевые эффекты» и опираются на них: чем больше пользователей у платформы, тем более ценной она становится для всех остальных. Например, Facebook превратился в главную социальную сеть (подразумеваемую по умолчанию платформу, когда мы говорим о социальных сетях), просто благодаря огромному числу людей, которое он охватывает. Если мы хотим присоединиться к какой-либо платформе для сетевого взаимодействия, мы выбираем платформу, на которой у нас уже больше всего друзей и родных. Аналогично, чем больше людей выбирает Google для поиска чего-либо, тем лучше срабатывают поисковые алгоритмы и тем более полезным Google становится для пользователей. Но тут возникает определённый цикл: множество пользователей притягивает новых пользователей, ещё и ещё, и в результате платформа естественным образом движется к модели монополии. Это подталкивает платформы к динамике развития, заставляющей предлагать доступ ко всё более широкому спектру видов деятельности, а следовательно, и накапливать новые данные. Более того, возможность быстро масштабировать множество платформенных решений на основе существовавшей ранее инфраструктуры, сохраняя низкую себестоимость, означает, что такой рост при естественном развитии мало чем сдерживается. К примеру, одна из причин впечатляюще быстрого роста Uber связана с тем, что ему не надо строить никаких новых фабрик, — достаточно арендовать больше серверов. В сочетании с сетевыми эффектами это означает, что платформы могут вырастать до огромных размеров очень быстро.

Важность сетевых эффектов означает, что платформы должны прибегать к целому ряду разнообразных тактик, чтобы завлечь и удержать растущее число пользователей. Например — и это третья их базовая характеристика — платформы часто используют «перекрёстное субсидирование» (*cross-subsidiation*): одно подразделение компании ищет способы снизить стоимость услуги или товара (даже если они бесплатны), а другое поднимает цены, чтобы компенсировать возникающие потери. В ценовой структуре платформы большую роль играет то, как много пользователей оказываются вовлечены и как часто они используют платформу [Rochet, Tirole 2006]. Google, к примеру, предлагает услуги вроде бесплатной почты, чтобы привлечь побольше пользователей, но поднимает цены через свои рекламные подразделения. Поскольку платформы должны так или иначе завлечь в свои сети определённое количество представителей разных групп, одним из направлений их деятельности оказывается тонкая настройка баланса: за что брать плату, а что раздавать бесплатно, что субсидировать, а что — нет. Это отзвук, хоть и очень отдалённый, модели бережливости: компания старалась ужаться до своих базовых компетенций («ядра») и распродать все неприбыльные направления [Kaminska 2016b].

Наконец, платформы проектируются так, чтобы привлекать различных пользователей. Несмотря на то что они предлагают вроде бы свободное, пустое пространство для взаимодействия других людей, на самом деле платформы продвигают определённую политику. Правила разработки продукта или услуги, правила взаимодействия на данной площадке — всё это устанавливается собственником платформы. Uber, хоть и подаёт себя как всего лишь сосуд, наполняемый рыночными силами, вылепляет образ нового рынка. Он предсказывает, где возникнет спрос на водителей, и поднимает цены ещё до того, как появился фактический спрос, одновременно запуская в приложение фантомные автомобили и тем самым создавая иллюзию большего предложения [Hwang, Elish 2015]. Занимая позицию посредников, платформы не только получают доступ к большому количеству данных, но и задают правила игры, контролируют их и управляют ими. Базовая архитектура заданных правил, в свою очередь, тоже про-

дуктивна, поскольку открывает пользователям возможности конструировать на её основе что-то новое самым неожиданным образом. Например, базовая архитектура Facebook позволила разработчикам создавать различные приложения, компаниям — вести свои паблики, а обычным пользователям — делиться своей информацией так, что её видят ещё больше пользователей. То же можно сказать и об AppStore компании Apple, который открыл возможности создавать множество полезных приложений и соединил пользователей и разработчиков программного обеспечения, сформировав вокруг себя целую экосистему. Главная сложность с поддержанием платформ отчасти связана с необходимостью пересматривать каналы перекрёстного субсидирования и правила работы с платформой, чтобы пользователи сохраняли к ней активный интерес. Хотя сетевые эффекты поддерживают, и очень сильно, нынешних лидеров платформ, их позиции не лишены определённой уязвимости. Словом, платформы — это новый тип фирмы; их особенность в том, что они обеспечивают инфраструктуру, выступающую посредником между различными группами пользователей, тяготеют к монопольным форматам за счёт сетевых эффектов, используют перекрёстное субсидирование ради вовлечения различных групп пользователей и опираются на некоторую базовую архитектуру, определяющую возможности взаимодействия. Право собственности на платформу, в свою очередь, в сущности является правом собственности на программное обеспечение (2 млрд строк программного кода в случае Google или 20 млрд строк кода в случае Facebook) [Metz 2012] и оборудование (сервера, дата-центры, смартфоны и т. д.), построенные на предыдущих разработках с открытым кодом (например, Facebook использует систему управления данными Hadoop)¹¹. Все перечисленные характеристики превращают платформы в главные бизнес-модели для извлечения и контролирования данных. Предоставляя людям цифровое пространство для взаимодействия, платформы оказываются в положении, позволяющем им извлекать данные из анализа природных процессов (погодные условия, урожайные циклы и проч.), производственных процессов (линии сборки, непрерывное потоковое производство и проч.), а также наблюдения за действиями других компаний и пользователей (переходы по разделам сайтов, пользовательские данные и пр.). В отношении данных это инструмент добычи.

Оставшаяся часть главы будет посвящена описанию формирующегося платформенного ландшафта, и, в частности, будут представлены пять различных типов платформ. Применительно к каждой из описываемых схем важно подчеркнуть, что платформой владеет класс капиталистов, пусть даже и не производя при этом какого-либо физического продукта. Первый тип — *рекламные платформы* (advertising platforms), например Google, Facebook: они извлекают информацию о пользователях, выполняют хитроумные задачи по её анализу и по результатам продают рекламное пространство. Второй тип — *облачные платформы* (cloud platforms), например AWS, Salesforce: они владеют оборудованием и программным обеспечением для компаний, чья деятельность связана с цифровой сферой, и предлагают их в аренду. Третий тип — *промышленные платформы* (industrial platforms), например GE, Siemens: они создают оборудование и программное обеспечение, необходимое для перевода традиционного производства на интернет-рельсы, что позволит снизить производственные издержки и превратить товары в услуги. Четвёртый тип — *продуктовые платформы* (product platforms), такие как Rolls Royce, Spotify: они генерируют доходы, используя другие платформы и с их помощью трансформируя традиционный товар в услугу и собирая ренту или абонентскую плату. Наконец, пятый тип — это *бережливые платформы* (lean platforms), такие как Uber, Airbnb: они стараются минимизировать объём активов, находящихся у них в собственности, и выигрывать за счёт максимального сокращения издержек. Перечисленные типы, выделенные аналитически, могут переплетаться, и часто так оно и происходит, в

¹¹ Легко представить себе такой сценарий: фирма владеет программным кодом, на котором написана платформа, и при этом при помощи облачных технологий сдаёт в аренду возможности для выполнения вычислительных задач. Так что для владения платформой необязательно нужны аппаратные средства. Однако под давлением конкуренции (мы вернёмся к этому вопросу ниже) все крупнейшие платформы перешли к режиму, когда они сами являются непосредственными собственниками аппаратных средств. Иными словами, собственность на основные фонды для этих фирм по-прежнему важна и даже, возможно, необходима.

одной компании. Скажем, Amazon воспринимают как компанию, занятую электронной торговлей, однако очень быстро она обрела контуры и логистической компании, а сегодня выходит на рынок услуг «по требованию» (*on-demand market*), предлагая спектр работ по дому в партнёрстве с платформой Task Rabbit. А печально известная онлайн-платформа Amazon Mechanical Turk (АМТ) во многих отношениях была пионером гиганомии и, что, пожалуй, важнее всего, является разработчиком веб-услуг компании Amazon на основе облачных технологий. Получается, Amazon охватывает почти все названные типы.

<...>

Заключение

Мы начали данную главу с утверждения, что капитализм XXI столетия обнаружил залежи нового вида сырья, которое можно присваивать, — данные. За несколько эволюционных ходов «платформа» становилась всё более влиятельной формой организации бизнеса, заточенной на то, чтобы монополизировать данные, затем извлекать их, анализировать, использовать и, наконец, продавать. Прежние бизнес-модели фордистской эпохи обладали лишь рудиментарными способностями извлечения данных о процессе производства или потребительских практиках. Эпоха бережливого производства отчасти изменила положение дел, когда глобальные сети поставок «точно в срок» стали требовать данных о статусе товарных запасов и их местоположении. Но получить данные, внешние по отношению к фирме, по-прежнему было практически невозможно; и даже внутри фирмы большая часть видов деятельности никак не регистрировалась. Платформа же, со своей стороны, устроена так, что извлечение данных — задача, встроенная в её ДНК. Это модель, которая позволяет другим услугам, товарам и технологиям опираться на неё и которая требует привлечения всё новых и новых клиентов для запуска сетевых эффектов. Это цифровой посредник, упрощающий задачу регистрации и хранения данных. Все перечисленные характеристики позволяют платформе доминировать в качестве модели для извлечения данных как сырья, которое можно использовать самыми разными способами. Как мы показали в нашем кратком обзоре нескольких видов платформ, данные можно использовать по-разному, чтобы заставить их приносить прибыль. Для корпораций Google и Facebook данные — это прежде всего ресурс, который можно использовать как наживку для привлечения рекламодателей и всех прочих интересующихся. Для Rolls Royce и Uber данные — главное оружие в арсенале конкурентной борьбы: они позволяют компаниям совершенствовать свои продукты и услуги, контролировать работников, оптимизировать производственные алгоритмы и тем самым наращивать своё конкурентное преимущество. Аналогично платформы типа AWS и Predix заточены на возведение базовой инфраструктуры (и владение ею), необходимой для сбора, анализа и обработки данных, которые другие компании смогут использовать, и за использование своих услуг взимают ренту. В каждом случае ключевым элементом бизнес-модели является сбор огромных массивов данных, а платформа обеспечивает для этого идеальный экстрактивный аппарат.

В этой новой бизнес-форме сплелись воедино несколько долгосрочных трендов и краткосрочных особенностей текущего экономического цикла. Дрейф к бережливому производству и цепям поставок «точно вовремя» наблюдается с 1970-х гг., и цифровые платформы сегодня лишь продолжают его в более акцентированной вариации. То же касается и тренда привлечения внешних подрядчиков (аутсорсинга). Даже компании, для которых практики аутсорсинга совершенно нетипичны, его не избежали. Например, модерирование контента для Google и Facebook обычно выполняется на Филиппинах, где порядка 100 тыс. работников просматривают контент в социальных сетях и в облачном хранилище [Chen 2014]. А Amazon отличается рекордно низким уровнем оплаты труда для работников складов, которые опутаны немислимо тщательной системой надзора и контроля. Названные компании просто продолжают мировой тренд для выполнения работ, требующих низкой квалификации, привлекать внешних под-

рядчиков и держать внутри компании только хорошо оплачиваемое ядро высококвалифицированного персонала. В более широком смысле весь рост уровня занятости после 2008 г. в США происходил за счёт работников в нетрадиционных сегментах, таких как внешние подрядчики и рабочие в режиме «по вызову». Эта тенденция аутсорсинга и создания «бережливых» бизнес-моделей принимает крайние формы в таких случаях, как Uber, который настроен на извлечение прибыли в условиях отсутствия активов. Впрочем, как мы видели, их прибыльность в посткризисный период объясняется, скорее, сдерживанием уровня оплаты труда. Даже журнал «Economist» был вынужден признать, что если бы после 2008 г. «доля национального валового дохода, выплаченная в виде зарплаты, поднялась обратно до среднего уровня 1990-х гг., прибыльность американских компаний упала бы на одну пятую» [The Age of the Corporation 2015]. А так получается, что отчаявшееся «избыточное» население обеспечило значительный приток работников на низкооплачиваемые рабочие места, предполагающие низкую квалификацию исполнителя. Эта группа работников, которых можно эксплуатировать, пересеклась с огромными объёмами избыточного капитала, выброшенного в мир низких процентных ставок. Уклонение от налогов, высокий уровень корпоративных сбережений, стимулирующая кредитно-денежная политика — всё сошлось, и большие объёмы капитала оказались в поиске того, что принесёт прибыль. Так что неудивительно, что после 2010 г. мы наблюдаем активное финансирование технологических стартапов. «Бережливая» экономика платформ в этом контексте — в эпоху крайне низких процентных ставок и удручающих инвестиционных возможностей — оказывается, скорее, отдушиной для избыточного капитала, а не отрядом авангарда, способным оживить капитализм.

Но если «бережливые» платформы представляются нам явлением скоротечным, то другие примеры платформ, описанные в данной главе, указывают на важный сдвиг в режиме функционирования капиталистических фирм. Благодаря цифровым технологиям платформы возникают как инструмент, который ведёт за собой и контролирует отрасли. В точке кульминации они подчиняют себе производство, логистику и дизайн, поскольку образуют базовый ландшафт, в котором функционирует вся отрасль. Благодаря им в целом ряде новых отраслей произошёл сдвиг от продуктов к услугам, а кое-кто даже заявил о том, что эпоха обладания собственностью осталась в прошлом. Однако давайте выражаться точнее: в прошлое ушли не отношения собственности, а их концентрация. Благочестивые высказывания об «эпохе доступности» — не более чем пустые разговоры, напускающие туману на реальную ситуацию. Аналогично, если «бережливые» платформы ориентированы на то, чтобы фактически не владеть никакими активами, более приземлённые платформы, как раз наоборот, возводят обширную инфраструктуру, тратят изрядные суммы на покупку других компаний и инвестируют в собственные производственные мощности. Они владеют отнюдь не только информацией — они становятся владельцами инфраструктур общества. А значит, при любом анализе эффекта этих платформ на экономику следует принимать во внимание их монополистические тенденции.

Литература

- Andrae A., Corcoran P. 2013. *Emerging Trends in Electricity Consumption for Consumer ICT*. NUI Galway. URL: <https://aran.library.nuigalway.ie/handle/10379/3563>
- Bratton B. 2015. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chen A. 2014. The Laborers Who Keep Dick Pics and Beheadings Out of Your Facebook Feed. *Wired*. 23 October. URL: <http://www.wired.com/2014/10/content-moderation>
- Edwards P. 2010. *A Vast Machine: Computer Models, Climate Data, and the Politics of Global Warming*. Cambridge, MA: MIT Press.

- Gawer A. 2009. Platform Dynamics and Strategies: From Products to Services. In: Gawer A. Gawer (ed.). *Platforms, Markets and Innovation*. Cheltenham: Edward Elgar; 45–76.
- Hwang T., Elish M. C. 2015. The Mirage of the Marketplace: The Disingenuous Ways Uber Hides behind Its Algorithm. *Slate*. 17 July. URL: http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2015/07/uber_s_algorithm_and_the_mirage_of_the_marketplace.single.html#lf_comment=352895959
- Kaminska I. 2016a. Davos: Historians Dream of Fourth Industrial Revolutions. *Financial Times*. 20 January. URL: <http://ftalphaville.ft.com/2016/01/20/2150720/davos-historians-dream-of-fourth-industrial-revolutions>
- Kaminska I. 2016b. On the Hypothetical Eventuality of No More Free Internet. *FT Alphaville*. 10 February. URL: <http://ftalphaville.ft.com/2016/02/10/2152601/on-the-hypothetical-eventuality-of-no-more-free-internet>
- Löffler M., Tschiesner A. 2013. The Internet of Things and the Future of Manufacturing. *McKinsey & Company*. URL: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/the_internet_of_things_and_the_future_of_manufacturing
- Marx K. 1990. *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1. Transl. B. Fowkes. London: Penguin.
- Maxwell R., Miller T. 2012. *Greening the Media*. Oxford: Oxford University Press.
- Metz C. 2012. If Xerox PARC Invented the PC, Google Invented the Internet. *Wired*. 8 August. URL: <http://www.wired.com/2012/08/google-as-xerox-parc>
- Moore J. W. 2015. *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London: Verso.
- Rochet J.-C., Tirole J. 2006. Two-Sided Markets: A Progress Report. *The RAND Journal of Economics*. 37 (3): 645–667.
- Terranova T. 2000. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. *Social Text*. 18 (2.63): 33–58.
- The Age of the Torporation. 2015. *The Economist*. 24 October. URL: <http://www.economist.com/news/business/21676803-big-listed-firms-earnings-have-hit-wall-deflation-and-stagnation-age-torporation>
- US Energy Information Administration. n.d. International Energy Statistics: Electricity Consumption. URL: <https://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/iedindex3.cfm?tid=2&pid=2&aid=2&cid=regions&syid=2012&eyid=2012&unit=BKWH>
- Vercellone C. 2007. From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism. *Historical Materialism*. 15 (1): 13–36.
- Wark M. 2004. *A Hacker Manifesto*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

NEW TRANSLATIONS

Nick Srnicek

Platform Capitalism (excerpts)

SRNICEK, Nick — Dr.,
Lecturer in Digital Economy,
Faculty of Arts and
Humanities, King's College
London. Address: King's
College London, Strand str.,
London WC2R2LC England,
United Kingdom.

Email: nick.srnicek@kcl.ac.uk

Translated into Russian by
Maria Dobryakova

Abstract

This book discusses the transformation of firms into platforms—companies providing software and hardware products to others—that has occurred in many economic sectors. This massive transformation resulted from switching capitalism into data, considering them as a source for economic growth and resilience. Changes in digital technologies contributed much to the relationships between companies and their workers, clients, and other capitalists, who increasingly began to rely on data. Dr. Nick Srnicek critically reviews “*platform capitalism*”, putting new forms of the business model into the context of economic history, tracing their evolution from the long downturn of the 1970s to the economic boom of the 1990s and to the consequences of the 2008 financial crisis. The author demonstrates that the global economy was re-divided among a few of the monopolistic platforms and shows how these platforms set up new internal trends for the development of capitalism.

The Journal of Economic Sociology further publishes some excerpts from the second chapter, which is named “Platform Capitalism” after the title of the book. This chapter is an attempt to provide clarity to various ongoing discussions in the new world, as it lays out a typology (i.e., cloud platforms, advertising platforms, lean platforms, industrial platforms, and product platforms) and the genesis of platforms.

Keywords: digital economy; digital technologies; variety of capitalism; platform; big data; economic history.

References

- Andrae A., Corcoran P. (2013) Emerging Trends in Electricity Consumption for Consumer ICT. NUI Galway. Available at: <https://aran.library.nuigalway.ie/handle/10379/3563> (accessed 2 June 2016).
- Bratton B. (2015) *The Stack: On Software and Sovereignty*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Chen A. (2014) The Laborers Who Keep Dick Pics and Beheadings Out of Your Facebook Feed. *Wired*, 23 October. Available at: <http://www.wired.com/2014/10/content-moderation> (accessed 4 June 2016).
- Edwards P. (2010) *A Vast Machine: Computer Models, Climate Data, and the Politics of Global Warming*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Gawer A. (2009) Platform Dynamics and Strategies: From Products to Services. *Platforms, Markets and Innovation* (ed. A. Gawer), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 45–76.
- Hwang T., Elish M. C. (2015) The Mirage of the Marketplace: The Disingenuous Ways Uber Hides behind Its Algorithm. *Slate*. 17 July. Available at: http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2015/07/uber_s_algorithm_and_the_mirage_of_the_marketplace.single.html#lf_comment=352895959 (accessed 27 May 2016).

- Kaminska I. (2016a) Davos: Historians Dream of Fourth Industrial Revolutions. *Financial Times*. 20 January. Available at: <http://ftalphaville.ft.com/2016/01/20/2150720/davos-historians-dream-of-fourth-industrial-revolutions> (accessed 30 June 2016).
- Kaminska I. (2016b) On the Hypothetical Eventuality of No More Free Internet. *FT Alphaville*. 10 February. Available at: <http://ftalphaville.ft.com/2016/02/10/2152601/on-the-hypothetical-eventuality-of-no-more-free-internet> (accessed 30 June 2016).
- Löffler M., Tschiesner A. (2013) The Internet of Things and the Future of Manufacturing. McKinsey & Company. Available at: http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/the_internet_of_things_and_the_future_of_manufacturing (accessed 22 May 2016).
- Marx K. (1990) *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1 (transl. B. Fowkes), London: Penguin.
- Maxwell R., Miller T. (2012) *Greening the Media*, Oxford: Oxford University Press.
- Metz C. (2012) If Xerox PARC Invented the PC, Google Invented the Internet. *Wired*. 8 August. Available at: <http://www.wired.com/2012/08/google-as-xerox-parc> (accessed 22 May 2016).
- Moore J. W. (2015) *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*, London: Verso.
- Rochet J.-C., Tirole J. (2006) Two-Sided Markets: A Progress Report. *The RAND Journal of Economics*, vol. 37, no 3, pp. 645–667.
- Terranova T. (2000) Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. *Social Text*, vol. 18, no 2.63, pp. 33–58.
- The Age of the Torporation (2015) *The Economist*, 24 October. Available at: <http://www.economist.com/news/business/21676803-big-listed-firms-earnings-have-hit-wall-deflation-and-stagnation-age-torporation> (accessed 4 June 2015).
- US Energy Information Administration. (n.d.) International Energy Statistics: Electricity Consumption. Available at: <https://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/iedindex3.cfm?tid=2&pid=2&aid=2&cid=regions&syid=2012&eyid=2012&unit=BKWH> (accessed 12 May 2016).
- Vercellone C. (2007) From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism. *Historical Materialism*, vol. 15, no 1, pp. 13–36.
- Wark M. 2004. *A Hacker Manifesto*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Received: January 14, 2019

Citation: Srnicek N. (2019) Kapitalizm platform [Platform Capitalism (excerpts)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 72–82. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-72-82 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

И. В. Ермолин

Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход¹

ЕРМОЛИН Илья Васильевич — кандидат политических наук, приглашённый научный сотрудник, совмещённая должность: Школа изучения Земли и окружающей среды, Школа биологии, Университет Лидса, Англия (Адрес: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK), содиректор Центра исследований преступлений в сфере окружающей среды, Копенгаген, Дания (Адрес: Borups Allé 235 B, 3. tv. 2400, Copenhagen NV 2400, Denmark).

Email: ilyaer31@gmail.com

Статья посвящена анализу предумышленного прилова каспийского тюленя как экономико-социального явления нерегулируемой рыбодобывающей деятельности в Республике Дагестан, РФ. Исследование, ставшее продолжением изучения социально-экономических последствий осетрового браконьерства (2012 г.), приобрело самостоятельный характер в 2015 г. и продолжается в настоящее время. Стратегия исследования на представленном этапе включала использование антропологической и социологической методологий (интервью, фокус-группы и полевые наблюдения, отражённые в этнографическом дневнике), а также социобиографический метод и «обоснованную теорию». Автор выделил четыре звена нелегального рынка товаров из каспийского тюленя, территориально включающие прибрежные (непосредственно изъятие биоресурса как первое звено рынка и скупка туш или шкур, а также первичная обработка шкур посредниками как второе звено), предгорный и горные районы республики. Автор утверждает, что зарождение рынка в регионе тесно связано с возникновением «автономного» ресурсодобывающего сообщества как продукта развала СССР, главными социальными единицами которого являются «осетровая» бригада (первое звено) и посредники (второе звено). «Автономное» сообщество способствует восприятию нелегальности молодыми членами бригад как априорно данного феномена, порождённого долговременным отсутствием государства как регулятора социально-экономических процессов. Социальное взаимодействие среди акторов сообщества определяется реципрокными и редистрибутивными механизмами, подкрепляемыми репутацией в случае интеракции между посредниками и членами бригад, с одной стороны, и ремесленниками-«шапочниками» (четвёртое звено), с другой, а также моральным долгом в случае выполнения неформального контракта членами бригады в бригаде. Примерами для анализа явились разные ситуации долгового оборота среди акторов сообщества: включение предумышленного прилова каспийского тюленя в условия нового неформального контракта между молодыми членами бригад и владельцем, «похищение» члена бригады после ареста рыбака в Казахстане за незаконный промысел, «выкупная» операция члена бригады из тюрьмы в Казахстане («казахский плен»), скупка посредниками туш и шкур тюленя, первичная обработка и последующая перепродажа шкур ремесленникам-«шапочникам» в горные районы Дагестана.

¹ Исследование было поддержано грантом Комитета по исследованиям Национального географического общества США (US National Geographic Society, Grant no W 271-13).

Ключевые слова: нелегальный рынок биоресурсов; «автономное» сообщество; реципрокность; реди-стрибуция; Каспийское море; браконьерство.

Введение

Прилов — неумышленный вылов морских млекопитающих или определённых видов рыб [Soykan et al. 2008] — получил относительно небольшое внимание со стороны биологов и экологов [Read, Drinke, Northridge 2006; Vanhatalo et al. 2014; Johnston et al. 2015]. Однако проведённые исследования показывают, что прилов оказывает значительное влияние на локальные морские экосистемы, сокращая популяции высших хищников.

Недавно проблема прилова была определена под другим углом зрения — как предумышленный акт, порождающий дополнительный источник заработка для присваивателей [MacMillan, Han 2011] и в некоторых случаях дающий толчок для развития сложных рыночных структур как в конкретном регионе, так и за его пределами [Ermolin, Svolkinas 2018]. Естественно, что предумышленный прилов изменяет потребительскую структуру рынка, а иногда и порождает сам рынок в регионе.

В данной статье автор уделяет внимание вопросу развития такого рынка товаров из каспийского тюленя в прибрежных районах Республики Дагестан, анализируя его структуру, функционирование и различия во взаимодействии между акторами.

После сокращения уловов осетровых, с одной стороны, прилов стал менять взаимоотношения между акторами на нелегальном рынке, оказывая влияние на социальные и экономические процессы, в то же время создавая возможности для перераспределения социально обусловленных прав на ресурсы, существовавших с начала 1990-х гг. С другой стороны, прилов помогал акторам успешно противодействовать попыткам государства вернуться в русло регулирования социально-экономических процессов.

Цель данной статьи — показать, каким образом предумышленный прилов как экономико-социальное явление ведёт к изменению в отношениях между акторами локального ресурсодобывающего сообщества на побережье Каспия. Автор утверждает, что прилов каспийского тюленя, зародившись как побочный продукт осетрового рыболовства и браконьерства, постепенно породил сложные экономико-социальные явления, включающие систему многоуровневого рыночного регулирования и определённую этническую производственную специализацию. Изменения частично затронули структуру долгового оборота внутри сообщества и его внешние связи как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, структуру социальных обязательств, наконец — структуру механизмов, обеспечивающих взаимодействия в социальной среде сообщества.

В начале статьи обозначаются теоретические модели нелегального рынка биоресурсов, преобладающие в экономической социологии, и предлагается использование понятия «автономное сообщество» как концептуальной рамки для дальнейшего анализа деятельности социальных структур рынка. Затем описывается методология с дальнейшим переходом к анализу рыночной структуры в прибрежном ресурсодобывающем сообществе. В заключении делаются выводы, а также обозначаются методологические и теоретические ограничения работы.

Нелегальный рынок биоресурсов: теоретическая модель

В статье презентуется модель «автономного» сообщества как концептуальная рамка для анализа представленного материала по социальному взаимодействию. Первое, на чём следует кратко остановиться, это описание существующих исследований по теме российского нелегального рынка биоресурсов и

браконьерства; второе — на описании применения модели нелегального рынка биоресурсов, главенствующей в экономической социологии. Это делается для того, чтобы представить более или менее полную картину исследования феномена нелегального рынка биоресурсов в России и существующие теоретические орудия анализа взаимодействия на таких рынках, чтобы в дальнейшем использовании понятия «автономное сообщество» показать, какие стороны социально укоренённых практик экономической деятельности получают пристальное внимание со стороны автора данной статьи.

Говоря о нелегальном рынке биоресурсов (*illegal wildlife trade* — IWT), обычно исследователи рассматривают такой рынок как, во-первых, следствие браконьерской деятельности, во-вторых, транснациональную организованную цепь поставок и, в-третьих, коммерческое предприятие со множеством участников [Hübschle 2015]. Российский нелегальный рынок более или менее хорошо изучен в первом измерении. Браконьерство как социально-экономический и социально-культурный феномен изучалось с позиций социальной и экономической антропологии [Gerkey 2011; 2013; Davydov 2014], экологической антропологии [Ermolin, Svolkinas 2016] и неоинституциональной экономической теории [Ермолин 2015] (данная работа является единственной в российской социологической и антропологической науке). Авторы исследований рассматривают браконьерство не только как причину развития нелегального рынка биоресурсов, но и как первоначальное звено рыночной структуры в целом, отводя этой причине первостепенную роль.

Транснациональная организованная цепь поставок, осуществляемых национальной или международной ОПГ, в свою очередь, получила внимание прежде всего со стороны криминологов [Cohen 1997; Zabyelina 2014] и экспертов международных организаций, таких как TRAFFIC и Всемирный фонд охраны дикой природы (World Wildlife Fund — WWF) (см., в частности: [Vaisman, Fomenko 2006; Meibom et al. 2010]). Авторы отмечают, что транснациональный характер сетей существенно затрудняет введение адаптивного регулирования как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах рынка. Как бы то ни было, криминологические и экспертные работы по цепи поставок, по мнению автора, отличаются слабой эмпирической базой, что делает выводы упомянутых работ менее полезными для концептуальных обобщений, особенно в свете попыток экспертов WWF и TRAFFIC распространить результаты работы на другие регионы мира.

Криминологи способствовали анализу нелегального рынка биоресурсов в России и как коммерческого предприятия со множеством участников. Наиболее примечательны в этом ряду две работы Тани Вятт [Wyatt 2009; 2011]. В них описывается, каким образом индивиды, имеющие высокий социальный статус (высокопоставленные чиновники, состоятельные бизнесмены и др.), покрывали нелегальную добычу пушнины в тайге, иногда — принимая непосредственное участие в охоте, иногда — выступая посредниками между охотниками и торговцами, легализовали добытые криминальным способом товары.

Экономические социологи предложили ряд теоретических орудий для дальнейшей концептуализации нелегального рынка биоресурсов как экономико-социального феномена. Работы по структуре и механизмам функционирования неформальной экономики [Boeke 1942; Jenkins 1988; Feige 1989; Харт 1999; Schneider, Ernste 2002; Портес 2003; Сото 2008; Гирц 2009] дали толчок появлению нескольких теоретических концепций, посвящённых непосредственно структуре и регулированию нелегального рынка [Sandberg 2008; 2012; Dewey 2011; 2014; Beckert, Wehinger 2013; Sandberg, Heith 2013]. Наиболее целостные концептуальные рамки (в череде вышеобозначенных) получила концепция функционирования нелегального рынка Й. Беккерта (см.: [Beckert, Wehinger 2013]). Единственным пока практическим применением данной концепции можно считать работы А. Хюбшле, в которых автор анализирует функционирование нелегального рынка продуктов из рога носорога в Южной Африке с конечными пунктами потребления в Юго-Восточной Азии (транснациональные рынки) [Hübschle 2015; 2017a; 2017b].

В анализе нелегальных рынков Беккерт и его коллеги, используя принятый в социологии рынков взгляд на рынки как «социальные структуры» [Fligstein, Dauter 2007], исходят из концепции рынка как совокупности социально укоренённых практик, то есть социальных институтов, тесно встроенных в ткань политической, социальной и культурной окружающей среды [Beckert 2009]. Социальная укоренённость, важная черта нелегальных рыночных практик, определяет развитие сложных организационных общностей, не имеющих чётко очерченных границ — сетей, рассматриваемых экономическими социологами не только как совокупность связей между акторами [Burt 1992; Granovetter, Swedberg 2011], но и как потоки экономических транзакций между легальными и нелегальными организационными общностями (концепт «пространства потоков» (*space of flows*) М. Кастельса) [Castells 1999]. Для Хюбшле, как и для Беккерта, потоки выступают наиболее приемлемой альтернативой традиционному звеньевому подходу, подразделяющему рынок на три части — производство, снабжение, потребление. Потоки также лучше позволяют понять процесс социальной легитимации на любом звене экономического обмена и то, насколько государственное регулирование изменяет восприятие легальности или нелегальности товара, а также то, насколько само государство в лице органов, ответственных за принятие решений, легитимно в сложившихся условиях [Hübschle 2017a].

В данной статье предлагается взглянуть на рынок как на звеньевую структуру, допускающую некоторую степень «автономности» экономико-социальной активности в рамках определённого звена, в то же время порождающего широкие сети потоков экономических транзакций с другими звеньями. Сети потоков основаны как на родовом взаимодействии, так и на дружеском знакомстве. При этом под звеном подразумевается социальное пространство взаимодействия субъектов экономической деятельности, обусловленной действием социальных норм, стратегий и правил, то есть включающее любые «фактические контакты между продавцами и покупателями» [Полянью 2002: 86] (см. также: [Капелюшников 2005]), встроенные в структуру социальных отношений «автономного» сообщества.

Понятие «автономное сообщество»: механизмы взаимодействия внутри основных социальных единиц

В начале 1990-х гг., оставшись без эффективной государственной поддержки, ресурсодобывающие сообщества на всей территории России были вынуждены адаптировать свои стратегии выживания к новым условиям. Большинство создали новые или преобразовали старые социальные организации, которые выступили базисом для «автономизации» сообщества, трансформировав его структуры в закрытые образования. Таким образом, *автономные сообщества* могут быть определены как форма социальной организации индивидов, которая в результате эволюции социальной, экономической и политической систем превратилась в единицу хозяйственного самоуправления на определённой территории, полностью либо частично заменяющей государство в предоставлении социальных и экономических благ, обеспечении контроля над хозяйственной деятельностью и безопасностью своих членов. Автономные сообщества не следует воспринимать как единое целое: в пределах одного территориального образования могут располагаться несколько таких сообществ, однако связанных друг с другом сетевыми отношениями. Автономность обусловлена прежде всего отсутствием государственного регулирования экономических и социальных процессов внутри таких сообществ, а также во многих случаях наличием мотива сопротивления возможным попыткам государства применять меры сдерживающего характера по отношению к разным формам хозяйственной деятельности (см., например, о модели жёстких и мягких форм браконьерства [Ermolin, Svolkinas 2016]).

Возвращение государственного регулирования в начале 2000-х гг. выразилось в предельном ужесточении изъятия биоресурсов (механизм сдерживания) и отсутствии каких-либо программ устойчивого развития в регионе: делегирование полномочий по контролю над экономической и хозяйственной деятельностью пограничной службе РФ, дальнейший переход пограничной службы в подчинение ФСБ

РФ, полный запрет на вылов некоторых особо ценных биоресурсов, а также организация тендеров по распределению рыбопромысловых участков (РПУ) региональными органами власти и т. п. Однако введение в действие таких мер не привело к значимым результатам. Автономные сообщества к этому моменту были способны с помощью робастных социальных групп предоставлять достаточно эффективно и без поддержки государства экономические и социальные блага, в том числе рабочие места с конкурентной заработной платой.

Основной единицей автономного сообщества становится самообеспечиваемое домохозяйство, порождающее остальные социальные структуры². В исследуемом случае это бригада, специализирующаяся на нелегальном вылове осетровых (далее — «осетровая» бригада) [Ermolin, Svolkinas 2016], и посредники, то есть ремесленники, являющиеся не только «брокерами» нелегального рынка, но и теми, кто первыми обрабатывает шкуры. Взаимодействие между социальными структурами сообщества подчинено реципрокным, редистрибутивным (патрон-клиентским разной степени иерархизированности) и в некоторых случаях сетевым рыночным механизмам, проявляющимся в зависимости от конкретной социальной единицы. Несмотря на длительную историю исследования феноменов социальной укоренённости экономической деятельности антропологами и социологами [Мосс 1996; Granovetter, Swedberg 2011; Леви-Стросс 2011], выделение различных механизмов взаимодействия принадлежит К. Поланьи, предложившему определить экономическую деятельность как соответствие принципов (паттернов) поведения (реципрокность, редистрибуция, обмен и домохозяйство) «формам интеграции» [Поланьи 2002: 86]. Паттерны, в свою очередь, порождают специфические институты [Поланьи 2002]. Такая схема в контексте проблемы укоренённости легко вписывается в выделенную О. Уильямсоном дихотомию «рынок — иерархия» как крайние полюса взаимодействия (недосоциализированное или пересоциализированное) [Williamson 1975]. В рамках антропологической традиции концепт реципрокности был развит М. Салинсом [Салинс 1999]. Не получившая широкого распространения и не всегда положительно воспринимаемая в российской социально-экономической науке (см., например: [Капелюшников 2005]), концепция Салинса построена вокруг различения трёх видов реципрокности — генерализованной, сбалансированной и негативной — как основных механизмов экономического взаимодействия в архаическую эпоху. Генерализованной реципрокной связью автор концепции назвал обмен, при котором дар предоставляется без ожидания немедленного получения чего-то взамен. Естественно, что такая связь, построенная на высокой степени доверия, наиболее часто будет прослеживаться в случаях родовых отношений, как и полагает Салинс. Сбалансированная реципрокность как модель обмена предполагает кратковременную отсрочку при возвращении долга либо его немедленный возврат. Базируется этот вид реципрокности на разных системах ценностей у их носителей, что несколько подрывает взаимное доверие между индивидами, оказывая влияние на проведение сделок. Наконец, негативную реципрокность характеризует соответственно одностороннее получение каких-либо благ. Индивиды в сделке преследуют узкие утилитарные выгоды, нанося ущерб дающему и стремясь достичь максимальной выгоды за его счет [Салинс 1999: 177–179]. Это последнее обстоятельство может говорить о негативной реципрокности как наиболее приближенной к характеристикам рыночного механизма. При этом, вопреки мнению Салинса, родственные связи не служат гарантом избегания негативной реципрокности. Иерархия родственных групп и (или) подгрупп генерирует ещё больший негативный реципрокный феномен, если ресурс скуден и ограничен распределением заранее установленных прав.

² Как основной источник социального и экономического взаимодействия самообеспечиваемое домохозяйство в 1990-е гг. направляло деятельность остальных единиц по изъятию биоресурсов и делало это как в русле удовлетворения домашнего потребления мяса и икры осетровых (что вписывается в традиционную схему Поланьи), так и в меньшей степени домашнего производства копильной продукции для внешнего рынка. С середины 2000-х гг., с уменьшением уловов, рынок становится преобладающим паттерном поведения в отношении продукции из осетровых. В то время как прилов каспийского тюленя формирует гетерогенность паттернов поведения (по крайней мере, на современном этапе).

Упомянутая иерархичность как источник негативной реципрокности часто становится спусковым крючком для редистрибуции, то есть перераспределения благ в специфических социальных образованиях в процессе первоначальной хозяйственной деятельности. При этом разница между редистрибутивными и реципрокными механизмами заключается в наличии определённого центра принятия решений и концентрации (как материальной — ресурсной, — так и функциональной) в этом центре, порождающем в результате патрон-клиентские отношения между индивидами. Для редистрибуции характерны и чётко структурированные процедуры соблюдения неформальных контрактов, однако подкрепляемые во многих случаях сложившейся репутацией индивида: «Был ли у участников транзакции или их знакомых удовлетворительный прошлый опыт сделок с этим индивидом» [Грановеттер 2002: 53].

Как реципрокные, редистрибутивные, так и традиционные рыночные операции подразумевают наличие множественности форм денег (или социальных денег) [Зелизер 2002], когда деньги превращаются в «социально укоренённые долговые отношения» [Ingham 1996] (см. также: [Аникаева 2008]) с многоцелевым назначением. Долговой оборот предполагал в случае данного исследования и отсрочки платежа долга из-за соблюдения должником других социальных материальных обязательств, и наличие социального вспомоществования малоимущим членам сообщества.

Разветвлённое социальное саморегулирование в автономном сообществе побережья способствовало появлению на свет четырёх звеньев нелегального рынка в предгорной и горной областях Дагестана и в меньшей степени в Казахстане начиная с 1990-х гг. Постепенно укреплявшиеся сетевые связи определили специфику специализации на каждом звене рынка шкур (и в гораздо меньшей степени — жира) каспийского тюленя, став одним из важных источников развития автономного сообщества в горных районах республики, существующим в данный момент параллельно с прибрежным.

Прилов каспийского тюленя и структура нелегального рынка товаров из тюленя в Дагестане

Предумышленный прилов каспийского тюленя можно считать продуктом длительного существования легального и нелегального рынков осетровых в регионах Каспия, включая три прибрежных российских региона, Азербайджан, прибрежные регионы Казахстана и в меньшей степени Туркменистан и север Ирана, где благодаря глубоким водам не было нерестовых площадей [Ruban, Khodorevskaya 2011], а также отсутствовали возможности использования кустарных технологий. Значительное сокращение с начала 2000-х гг. запасов осетровых на Каспии, ударившее по масштабам рынка, привело к тому, что рыбаки из нелегальных бригад, специализировавшиеся на вылове исключительно осетровых, всё чаще стали доставлять на берег мёртвые туши тюленей [Ermolin, Svolkinas 2016]. Тюлень как объект промысла для местных рыбаков впервые обозначается в середине XVIII века (Северный Каспий). Однако неограниченная легальная и нелегальная (с середины 2000-х гг.) добыча привела к тому, что к концу 2000-х гг. популяция оценивалась в 104–168 тыс. особей, согласно модели возрастной популяционной структуры [Harkonen et al. 2008; Dmitrieva et al. 2015]. Несмотря на введение достаточно жёстких санкционных мер со стороны государства в рамках курса на ужесточение регулирования изъятия ценных биоресурсов, анализ количества туш тюленей, поступающих на рынки Дагестана и отчасти Казахстана, показывает постоянное увеличение доли тюленей в уловах осетровых [Dmitrieva et al. 2013; Ermolin, Svolkinas 2018].

Основными товарами, производимыми из тюленей, являются жир, шкуры и в меньшей степени желчь. Шкуры, с одной стороны, жир и желчь, с другой, реализуются через разные сегменты рынка. Если производство товаров из шкур тюленей — хорошо налаженный бизнес, то реализация жира и желчи является адресной. Жир и желчь тюленя считаются хорошим средством при лечении туберкулёза и

ревматизма, поэтому наиболее значительный спрос на эти товары существует в тюрьмах, а также среди пожилых людей. Однако жир можно найти и в свободной продаже на прилавках локальных рыбных рынков.

Особенностью нелегальных рынков биоресурсов является частое совмещение разных ролей одним и тем же актором, что в большей степени не увязывается с концепцией Беккерта и его коллег, для которых роли акторов более или менее чётко соотнесены с определёнными функциями: «Производители, потребители и посреднические регулирующие агентства, начиная с государства и заканчивая трейд-юнионами, лобби-группами и социальными движениями» [Beckert 2010: 611].

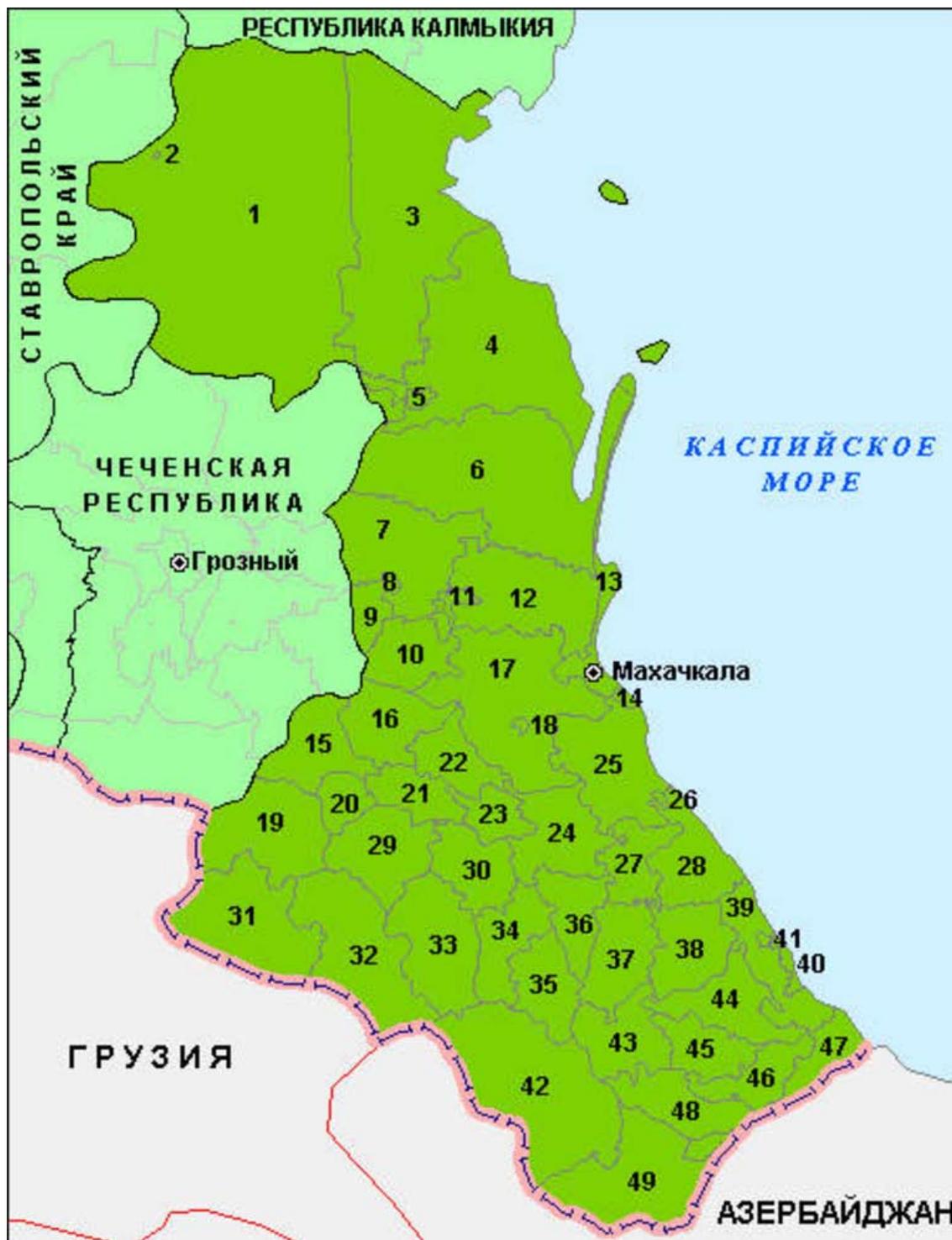
Актеры на таких рынках часто вынуждены концентрировать в своих руках потоки информации, поступающей от разных звеньев, и совмещать, например, функции организатора добычи ресурса и посредника между первичными присваивателями со стадией производства. В то же время посредник может совмещать функции непосредственного связующего звена с первичной обработкой сырья. Концентрация потоков информации означает и контроль, осуществляемый акторами, за конкуренцией на данном сегменте рынка, если не существует ограничительных факторов (родовые отношения, в том числе иерархия внутри родовых групп, влияние капиталов от миграции членов сообщества и т. д.).

Подобная ситуация во многом характерна для тех регионов, где звенья рынка расположены недалеко друг от друга (в исследуемом случае расстояние между первым и четвёртым звеньями составляет около 200 км; см. рис. 1) и (или) уровень коррумпированности местных органов исполнительной власти (ОИВ) и правоохранительных органов достаточно высокий, то есть транзакционные издержки на посредническую деятельность значительно снижены, а коррумпированность связей и концентрация потоков информации сокращают время на получение дополнительных гарантий обеспечения безопасности неформальных сделок на рынке. ОИВ и правоохранительным органам нет необходимости контролировать потоки, что достаточно сложно, если учитывать их невидимость. Эти условия создают хорошие возможности для решения обозначенных Рэйтером и позже Беккертом и его коллегами проблем координации (кооперация, ценность и конкуренция), создающих в любой ситуации неопределённость на рынке [Reuter 1985; Beckert, Wehinger 2013], однако существенно усложняют проблему несоблюдения регулятивных норм [Bunnefeld et al. 2013].

Таким образом, в структуре нелегального рынка продуктов из каспийского тюленя в Дагестане необходимо выделить четыре звена:

- непосредственно прилов тюленя или его специальный вылов. Осуществляется в поселениях северной части Дагестана неофициальными и официальными (артельными) бригадами, располагающимися на берегу Каспийского моря, а также рек. В рамках этого звена нелегальный рынок тюленя пересекается с рынком осетровых;
- скупка туш или шкур, первичная обработка шкур посредниками и извлечение жира и желчи в некоторых крупных поселениях. Осуществляется в прибрежных поселениях Каспия;
- скупка туш или шкур, первичная обработка шкур посредниками в предгорных поселениях Дагестана. Отличительной чертой данных посредников является то, что они обладают холодильными камерами для хранения большого объёма туш (до 2000 экземпляров). Холодильники предоставляют им преимущества в ценообразовании и соответственно в дальнейшей перепродаже;

— производство товаров широкого потребления из шкур тюленя: шапок, кепок, дублёнок, сапог и туфель. Осуществляется в горных районах Дагестана. Является частью традиционного ремесленного «шапочного» промысла. Товар далее поступает на рынки разных регионов России (в основном — в районы Крайнего Севера, Москву и Санкт-Петербург).

Примечание: Районы, где проводились основные полевые исследования, обозначены цифрами 12 (Кизилюртовский район), 13 (Махачкала), 6 (Бабаюртовский район), 4 (Кизлярский район), 3 (Тарумовский район). Первоначальная информация была получена в Гумбетовском (16) и Левашинском (24) районах.

Рис. 1. Карта Республики Дагестан с обозначением районов проведения исследования

Методология исследования

Поскольку исследование продолжается, в данной статье в основном затрагиваются социальные и экономические процессы, происходящие в первом и втором звеньях нелегального рынка. Исследование прилова как экономико-социального явления началось с участия автора статьи в рабочем совещании «Каспийский тюлень: современный статус, проблемы сохранения и использования», организованным Институтом проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ) РАН в марте 2015 г. и в последующей экспедиции (лето 2015 г.) в поселения прибрежного и предгорного Дагестана. Многочисленная информация по прилову поступала автору в ходе реализации проекта по исследованию социальных аспектов осетрового браконьерства (2011/2012–2016 гг.).

Таким образом, удалось аккумулировать данные по социальным и экономическим процессам в регионе начиная с первой полевой экспедиции лета 2012 г. и заканчивая последней, проведённой в марте 2017 г. Если принимать во внимание экспедиции, совершённые с 2012 г., то всего было проведено 10 полевых экспедиций протяжённостью от двух недель до трёх месяцев; из них три экспедиции были специально ориентированы на исследование проблемы прилова как социального и экономического явления; только одна экспедиция проходила в горных районах (2015 — март 2017 гг.).

Прошлые экспедиции, проводимые в рамках проекта по осетровому браконьерству, определили дальнейший выбор обоснованной теории (*grounded theory*) как основы методологии исследования [Glasser, Strauss 1967; Жеребцов 2004]. Обоснованная теория исходит из данных, полученных в ходе практики, а не предполагает получение данных на основе уже существующей теории. В начале метод строился на транскрибировании, кодировании по заявленным темам уже проведённых интервью, фокус-групп (с начала 2012 г.) и полевых наблюдений, отражённых в этнографическом дневнике (всего с 2012 г. было сделано 472 страницы записок, из которых 120 страниц — в результате трёх последних экспедиций) [Munck 2009]. В записки вносилась информация не только по результатам неформальных встреч или бесед, но и прямых наблюдений на основных площадках деятельности в сообществе [Sanjek 1990]. Затем кодированные данные были соотнесены с паттернами, появившимися в результате трёх целенаправленных экспедиций. При этом использовались процедуры для проверки валидности данных.

Всего в 2012–2017 гг. было проведено 58 полуструктурированных интервью (длительностью от 30 мин до 4 ч.) и четыре фокус-группы (по два часа в среднем) с рыбаками, членами их семей, директорами рыбодобывающих предприятий региона, с посредниками из прибрежных и предгорных районов и с ремесленниками из горных поселений. Из них 13 интервью и одна фокус-группа — за время непосредственного изучения прилова; четыре интервью — в районах Крайнего Севера России и три интервью — в Азербайджане; 34 интервью были проведены по вопросам, разработанным в рамках социобиографического подхода (*life-story approach*) [Peacock, Holland 1993; Bruner 2004; Рождественская 2012]. Использование социобиографии задумывалось как исследование «карьерного пути» рыбака³, постепенно добавившее много информации о мотивации криминальной активности до и после резкого сокращения запасов осетровых, о взглядах респондентов на политическую, экономическую и социальную системы, об отношениях в сообществе и т. д. Предварительная работа, проведённая до использования подхода, заключалась в изучении биографий членов семей поселений — площадок для исследования. Внимание было уделено публикациям в местных газетах и журналах, а также архивным материалам по истории развития рыболовецких поселений. Интервью с 26 респондентами проводились в три раунда, что позволяло усилить доверие между респондентом и исследователем [Spiro 1996] (см. подробнее приложение).

³ Рыбаков, которых обычно отождествляют с браконьерами, автор предпочитает называть рыбаками, специализирующимися на вылове осетровых, так как это лучше отражает их самоидентификацию.

Важно отметить, что изначально прилов как социальный и экономический феномен не был темой для интервью или фокус-групп (с 2012 г.). Постепенно, однако, тема оказалась даже более актуальной для местного дискурса, чем осетровые.

Поскольку вылов рыб осетровых пород, а также любой способ изъятия тюленевых (умышленная охота, предумышленный прилов и прилов как неинтенциональный акт) являются в России серьёзным уголовным преступлением, автор гарантировал анонимность всем тем, кто в той или иной форме содействовал проведению данного исследования. Были изменены имена интервьюированных, скрыты названия поселений, в которых проводилось исследование. В то же время автор не запрашивал какого-либо разрешения от комитетов по этике для проведения полевых работ в Республике Дагестан.

Результаты: социальные и экономические взаимодействия в рамках четырёх звеньев нелегального рынка

Локальные ресурсодобывающие сообщества в России получили большую степень автономности с начала 1990-х гг., когда государство было не способно имплементировать какую-либо устойчивую стратегию регулирования биоресурсов [Ермолин 2015]. Браконьерство как спонтанная индивидуальная активность в прибрежных каспийских регионах (государства бывшего СССР) зародилось в 1970-х — начале 1980-х гг.: жители прибрежных поселений, а также рынки советских республик почувствовали небольшой дефицит мяса и икры осетровых пород рыб, что и послужило толчком к активизации нелегального бизнеса. В СССР такая браконьерская активность одиночек наказывалась как уголовное преступление (до двух лет заключения). К сожалению, в данный момент невозможно исследовать зарождение автономного сообщества, а значит, становление и развитие нелегального рынка осетровых в начале последнего десятилетия XX века. Можно наблюдать только процессы сжатия или перехода социальных и экономических институтов в новое состояние. Те социальные и экономические процессы, которые характерны для зародившегося рынка тюленевых, не всегда были присущи рынку осетровых, хотя во многом и вышли из него.

Результаты исследования отражают, какие изменения в социальную и экономическую структуру первого и второго звеньев рынка привнесло сокращение осетрового и расцвет тюленевого бизнеса. В основу структуры анализа результатов автор положил рассмотрение действия механизмов редистрибуции (патрон-клиентских отношений) и трёх видов реципрокности в рамках первого и второго звеньев рынка. Действие редистрибуции (патрон-клиентских отношений) предлагается рассмотреть при анализе ситуаций взаимодействия в «осетровой» бригаде до момента наступления долговых обязательств по выкупной операции рыбака из казахской тюрьмы. В ситуациях выкупной операции и посредничества, включая социальное вспомоществование, автор предполагает, что основную роль играют три выделенных в теоретической части вида реципрокности.

«Осетровая» бригада и посредники как точки контроля «поток». **Вызов для механизма редистрибуции**

Осетровое браконьерство, носившее достаточно спонтанный и индивидуальный характер в 1970–1980-х гг., с началом распада СССР и появлением автономного сообщества получило новое направление развития — организованное с определённой чётко выстроенной структурой. «Осетровая» бригада, согласно локальной категоризации, предполагает чёткое разделение социальных ролей внутри данной социальной единицы, порождающих экономические обязательства в сообществе. Условно можно выделить два типа бригад — *родовую* («*тухумную*») и *интернациональную*⁴, состоящих из трёх–четырёх

⁴ Разделение бригад на два типа не всегда возможно, поскольку некоторые рыбаки в зависимости от территории вылова работают как в одном, так и в другом типе бригады. Всё же автор делает допущение, что этническое большинство формирует бригады в соответствии со структурой родовых отношений данного этноса, и это серьёзно влияет на объёмы уловов или прилова (см. подробнее: [Ermolin, Svolkinas 2018]).

человек, работающих на *байде* — лодке собственного производства, приспособленной к плаванию как в глубоких водах Южного Каспия так и на мелководье Северного Каспия, и оснащённой мотором 250–1000 л. с. Надо отметить, что бригада не должна отождествляться с *байдой*. Бригада может включать от одной до трёх-четырёх *байд*, находящихся во владении у одного хозяина. Рыбаки в бригаде, помимо *владельца*, который владеет моторами, сетями и другим оборудованием и чаще всего не выходит в море с другими членами бригады, делятся на *рулевого* (капитан) и двух-трёх *«абрикосов»* (рабочих на лодке), имеющих проценты от улова (рулевой — 15%; «абрикос» — 10%; в зависимости от неформального контракта и затрат на оборудование: чем больше вложился, тем больше ответственность, но и выше процент). Существует и такой тип члена бригады, как *«полтинники»*, разделяющие расходы и доходы от деятельности пополам вместе с владельцем оборудования, то есть фактически «полтинники» являются совладельцами.

Механизмы взаимодействия необходимо разделить в зависимости от типа бригады. Если в интернациональной бригаде классические механизмы рынка во многом доминировали с начала 1990-х гг., то родовая бригада, состоящая из представителей одной родовой структуры определённой этнической группы, ведёт в большинстве случаев экономическую деятельность, используя механизм редистрибуции. Обозначенные выше проценты, определяемые в соответствии с той или иной ролью рыбака в бригаде, при «осетровом буме» покрывались большими уловами (предложение мяса и икры осетровых удовлетворяло спрос). Соответственно владелец *байд* занимался сбытом мяса и икры осетровых либо посредникам в сообществе, либо внешним скупщикам после этого распределял денежные средства по заранее установленным в неформальном контракте процентам. Владелец *байд* часто не знал покупателей товара, действуя через посредника, который, имея постоянную клиентскую базу, иногда тем не менее обращался и к случайным покупателям. Такой безличный рынок в настоящее время получил ещё большее распространение, поскольку посредники в сообществе либо ушли из «бизнеса», либо в редких случаях переквалифицировались на продажу шкур тюленя. Владелец *байд* вынужден самостоятельно искать покупателей товара, а после продажи распределять деньги между членами бригады согласно неформальному контракту.

Отношения внутри «тухумной» (родовой) бригады копируют структуру взаимодействия внутри родовых групп или между гардашами⁵, часто строящиеся на основе иерархических социальных норм, несущих в себе редистрибуцию (иногда сложно отличимую от негативной реципрокности) как априорное условие для существования слабых гардашей. Развитие гардашных «тухумных» иерархических отношений в поселениях прибрежной полосы Дагестана получило наибольший толчок во времена «осетрового» бума. Эволюция феномена прилова усилила такого рода механизм. Сокращение запасов осетровых и стремление членов бригады пересмотреть неформальный контракт в связи с приловом (за исключением последствий выкупной операции, о чём см. ниже) приводят к тому, что представители сильных гардашей увеличивают давление на слабые, в том числе через вливание миграционного капитала в «рыболовство». Ротация членов интернациональной бригады делает её менее стабильной единицей сообщества, чем родовая бригада. В интернациональной бригаде позиционирование членов связано с контекстом: например, позиции азербайджанцев могут кардинально различаться в зависимости от территориального места нахождения и в то же время быть схожими в рамках интернациональной бригады. И наоборот, статус азербайджанцев в интернациональной бригаде повышается или понижается независимо от их территориальной позиции и определяется навыками и умениями, полезными для бригады, однако имеет совершенно другую окраску в территориальном образовании. В исследование вошли случаи, когда члены нескольких интернациональных бригад знали, что опытные азербайджан-

⁵ Более мелкие родовые образования обозначают термином «гардаш» или «кардаш». Такие образования являются частью больших родовых групп, так называемых тухумов. Данное различие имеет достаточно важное значение при анализе всей совокупности родовых отношений в определённой локальности.

цы, работающие в бригадах «абрикосами», рулевыми или просто координирующими действия бригад с берега, в то же время имели у себя на родине неформальные обязанности, делегированные им государством по осуществлению контроля за деятельностью браконьеров. Они либо совмещали работу на два «фронта», либо занимались ею уже после исполнения неформального контракта в Дагестане.

«Тухумная» бригада является более устойчивой, стабильной, но в то же время закрытой социальной единицей, где многие действующие в сообществе нормы трактуются по-своему. Это порождает упомянутую эксплуатацию сильными гардашами слабых, касающуюся прежде всего отношений между молодыми членами слабого гардаша и владельцами байд сильных гардашей. Один из молодых членов такой «тухумной» бригады чётко выразил тенденцию в диалоге с автором:

— *А кто входил в твою бригаду?*

— *Да нет, не бригада, а просто мужик подходил, пусть родственник в моём случае, он там работал.*

— *Он владелец байд был?*

— *Да, но он хоть и владелец, но, пускай будет даже рыбы много, давал мне две-три рыбины от силы и 500 рублей иногда за «рейс» в Казахстан, большие никак. Знаете, как: то, что я — «абрикос»⁶.*

— *Он тебе давал 10% или нет?*

— *Никогда не давал.*

— *Почему?*

— *Потому что он считал, что я — маленький, что можно мне не платить. Мне две рыбины дашь, и я буду радоваться. Я мог пойти, что-то выудить или вскопать, и то я больше мог получить: вот огород вскопаю и могу получить 3000–4000 рублей, а у него я мог не получить даже 1000 рублей. Мог также получить не за рыбу, а за то, что сети распутываю его и мусор убираю. И то я за это только получал.*

— *На земле распутывал?*

— *Да, а там в море они не платили мне за это.*

— *Это родственник?*

— *Да.*

— *Из-за родственных связей он тебе не платил?*

— *Из-за того, что я маленький. Я ему две рыбины дам, и всё. Он такой родственник: он хоть и был моим родственником, но он мою семью ненавидел. Брат моего отца (Отец умер. — И. Е.), а моего отца родственники нас ненавидят. Он, зная об этом, не давал деньги мне, которые я должен был бы получить за работу. Они себе забирали по 3000–4000 рублей каждый, а мне говорили, что мне хватит (Л., 17 лет, 2015 г.).*

Схоже описывал ситуацию и другой член «тухумной» бригады:

— *Сколько тебе лет было тогда?*

— *16 лет.*

— *У тебя есть такие же знакомые, которым так же платят?*

— *У меня таких было много. Как я им (Владельцу байд. — И. Е.) мог объяснить? Они были старше меня. Я им что-то не так сказал — они могут подойти и ударить. А из-за чего ударил? Они могут сказать, что матом ругался, а я никогда не мог доказать, что это не так. Нет, лучше, чтобы они не говорили, что я стукач, поэтому я не говорил никому.*

— *А кто тебя бил?*

⁶ «Абрикос» в отношениях между сильными и слабыми гардашами может рассматриваться как уничижительная категория (особенно в отношении молодых членов бригад). Однако, например, по отношению к опытным азербайджанцам термин «абрикос» может подчёркивать повышение в социальном статусе.

— Меня не били. Просто знаете, как: меня вот то, что я не мог сказать про то, что мне не платят, а если сказал, например, маме, что они мне так платят, то они могли меня ударить за то, что я сказал, что они мне не платят. Он считал, что он мой родственник (Двоюродный дядька. — И. Е.) и имеет право на меня руку поднимать (П., 19 лет, 2016 г.).

Ситуация редистрибуции услуг в сочетании с негативной реципрокностью проявляется не только в отношении молодых и неопытных представителей слабых гардашей. Случаи функциональной редистрибуции могут предопределять редистрибуцию услуг в родовых бригадах, когда владелец байд навязывает того или иного члена команды либо же настойчиво требует выполнения дополнительных функций от команды, таких как жертвование «абрикосом» собой ради спасения дорогого мотора от пули снайпера армии Казахстана. Такие действия редистрибуции и в меньшей степени негативной реципрокности не следует путать с приведёнными выше примерами сбалансированной реципрокности, когда не принадлежащий к родовой группе индивид пытается войти в неё, оказав услугу владельцу бригады. Один из опытных членов родовой бригады описывает паттерневую ситуацию функциональной редистрибуции, приводящей впоследствии к редистрибуции услуг и товаров, таким образом:

Я его вообще не хотел брать. Он в том году тоже со мной ходил. У него была своя двухмоторная байда, но получился долг в миллион рублей, и он встрял. Когда он начал работу, у него один мотор полетел, и ему не дали денег, чтобы он починил этот мотор. На чьей байде работал, тот решил помочь ему, и как-то что-то... друг друга знают. Он дал ему мотор, и тот хотел его починить. Хозяин байды говорит мне: «Давай он с тобой сходит, один раз сходит. Зашёл (В море. — И. Е.) он со мной один раз. Вот так близко подносит к носу (Орудия лова. — И. Е.), пока не рассмотрит, потом начинает снимать (Рыбу. — И. Е.), а за это время можно пять-шесть таких снять. Я говорю хозяину, когда приехал: «Вот помогли ему, вытащили (Из долгов. — И. Е.), он тоже заработал». «Но ему не хватает на ремонт», — отвечает мне хозяин. Я туда еду не опыты какие-то проводить. Туда едешь работать, уйти и прийти. Не нужен мне этот человек. Второй раз пошёл... Три раза он со мной сходил, и всё время он меня вымораживал, и в этом году опять он мне попадается. Другой человек был, но хозяин байды его убрал из-за того, что у них мнения не сошлись, и опять этого впихнул. Я и хозяину перед этим человеком говорю, что не может он работать, у него порох закончился, работал в своё время, а теперь не может работать. Владелец сейчас говорит: «Всё, он больше не пойдёт». Этот человек говорит: «Тут болит, там болит, руки снимок мне надо сделать...» Я этому хозяину говорю: «У меня такое ощущение, что его из дома жена выгоняет работать». Тебе 60 лет, иди давай домой, это не твоё уже всё, надо эстафету передать другому... По приезде владелец заявил, что этому старому нужно ещё рыбы дать и денег сверху. Сам продал, сам раздал, только после этого тот отчалил (Ю., 35 лет, 2014 г.).

Падение уловов, с одной стороны, привело к удорожанию мяса осетровых и особенно икры на местных (дагестанских) рынках и всероссийском рынке, с другой, существенно повысило расходы рыбаков на организацию рейсов за осетровыми, которые зачастую длятся теперь несколько недель и осуществляются в основном к берегам Казахстана (в местной категоризации — «дальняк»). Один такой рейс может обойтись организатору в почти 500 000 руб. и часто ничего не принести. По нашим данным, в 2013–2016 гг. на 35 рейсов, совершаемых на «дальняки», приходилось шесть пустых, заполнявшихся лишь тушами тюленей [Ermolin, Svolkinas 2018].

Сокращение рынка значительно повлияло на структуру взаимоотношений в бригадах и привело к тому, что категория «полтинников» не является в данный момент широко распространённой.

Проценты по неформальному контракту, которые во многих случаях в начале исследования определялись и закреплялись репутацией рыбака, постепенно дополнялись пунктом о тюлене, согласно которому молодые члены бригад получали право привозить на берег туши либо шкуры тюленей без ограничений. Этот пункт шёл вразрез с желанием многих владельцев байд оставлять прилов в море, поскольку туши создают дополнительные преференции контролирующим органам (пограничная служба ФСБ РФ и ГМИ (Государственная морская инспекция)) во время переговоров по пропуску байд на берег. Тем не менее владельцы вынуждены соглашаться, поскольку ротация рыбаков бригад (особенно интернациональных) становится всё более заметной, а состав обоих типов бригад всё более молодым.

Вместе с тем меняется и отношение к тюленю как к животному. Один из респондентов (член бригады) охарактеризовал это изменение следующим образом:

Я же не виноват, что он (Тюлень. — И. Е.) в мои сети попал. Попал и сдох. А вообще, лет пять ещё назад я если встречал живого тюленя, старался выпустить его. Сейчас же эти (Тюлени. — И. Е.) все мои сетки порвут. Сетки стоят дорого, и никто мне не возместит ущерб... (О., 33 года, 2015 г.).

Другой респондент был ещё более красноречив:

Они же нашу рыбу едят... (Н., 26 лет, 2015 г.).

Таким образом, процесс коммодификации охватывает не только осетровых, как это было в начале 1990-х гг., но и постепенно с увеличением стоимости продуктов деятельности — тюленевых.

Ещё П. Рёйтер утверждал, что конкуренция между ОПГ — это ловушка для организованной преступности, поскольку при попытке расширить долю на рынке или даже достичь монопольного положения на нём насилие неизбежно [Reuter 1985: 20–21]. В такой ситуации более опытные акторы получают большой шанс на успех. Переходом на прилов и вылов тюленя молодые бригады решают проблему соревнования с другими более опытными бригадами, а также снижают риск ненужного внимания к ним со стороны контролирующих органов, если вдруг владелец не сможет договориться с ними.

Как бы то ни было, любой неформальный контракт подразумевает наличие не только принудительных механизмов, обеспечивающих нормальное осуществление криминальной деятельности и выживание индивидов, но и механизмов, которые приносят взаимную выгоду участникам неформальной сделки. В рамках теории нелегального рынка феномену реципрокности и редистрибуции уделяли мало внимания, несмотря на достаточную изученность социальной укоренённости. Однако при исследовании социальной сущности браконьерства реципрокности посвящены труды как экономических антропологов (в рамках моральной экономики [Scott 1976] и эксплоярной экономики [Шанин 1999]), так и экономических историков [Shakesheff 2002; Osborne, Winstanley 2006], а также криминологов [Forsyth, Gramling, Wooddell 1998]. У Дж. Скотта браконьерство как латентная стратегия сопротивления государственной политике основана на отношениях реципрокности. Нечто схожее можно увидеть и в работах Х. Осборна и М. Уинстэнли, К. Шейксхефа, а также Г. Форсайта и его коллег. Но здесь браконьерская деятельность, основанная на реципрокности, предстаёт в виде более мягкого «народного преступления» (*folk crime*), в образе благородного Робина Гуда.

В исследуемом случае реципрокность и редистрибуция являются неотъемлемой чертой социальной укоренённости и основываются как на этнических родовых отношениях, так и на отношениях между односельчанами (дружба и знакомство). Как в бригаде, так и в других социальных организациях сооб-

щества, это более всего проявляется в обороте долговых обязательств. Такие обязательства в бригаде возникают как следствие неформального контракта по распределению процентов от уловов. С одной стороны, они касаются обязательств между её членами, а с другой, обязательства между рыбаками затрагивают отношения между остальными членами сообщества, где бы они ни находились. Заметное удорожание икры и мяса осетровых привело к тому, что редистрибутивные функции владельца начали оспариваться трудовыми и постоянными мигрантами, когда-то занятыми выловом осетровых, но покинувших поселения и устроившихся на официальную работу в районах Крайнего Севера. Такие мигранты с начала 2010-х гг. вкладывают деньги в поддержание осетрового «бизнеса» в прибрежных поселениях дагестанской части Каспия, вместе с этим обеспечивая новые и надёжные рынки сбыта для продукции осетровых. Они же способствуют увеличению доли прилова в расчётах между членами бригады, усматривая новые возможности в сбыте продуктов из тюленевых в регионах-реципиентах (то, что сейчас делают ремесленники из четвёртого звена рынка). В мигрантах молодые члены бригад видят людей, способных откликнуться на изменения в конъюнктуре рынков. «Полтинник» и рулевой из числа респондентов так объясняют роль мигрантов в процессе нелегального и легального рыболовства:

— Я пять лет проработал на Крайнем Севере грузчиком, потом — охранником. Сейчас вернулся и вновь занялся рыболовством. Сетки взял в долг, технику тоже в долг, всё вот так вот в долг. Даже до сих пор В-у (Ногаец, владелец одной из артелей в поселении. — И. Е.) за бензин должен.

— То есть ты недавно взял и байду, и моторы в долг?

— Да, примерно месяц — полтора назад.

— Ты говоришь, что продаёшь свою старую лодку. А как ты её купил?

— Я её тоже в долг взял, ни рубля не дал. Здесь есть один человек, он занимается сетками, мотор ему в залог оставили. Так этот мотор у него и находился. Я к нему подошёл и спросил: «Кто владеет этого мотора?» Он сказал, что залог оставили, уже три года прошло и нет хозяев. Ну, я ему и предложил дать мне мотор под выкуп. Он согласился, пошёл после этого к другому — он оказался моим дальним родственником; у него была лодка на дворе, я сказал ему: «Дай мне её тоже под выкуп». Короче, эта техника мне обошлась в районе 80 тыс. рублей. До сих пор не отдал.

— У ногайца?

— Да. Первый мотор брал у дальнего родственника, и второй мотор взял у дальнего родственника. Оба сейчас на севере работают. Им нужны деньги от рыбалки. Вот сегодня поехал, кефали наловил, завтра поехал — осётров, если повезёт, взял, но тюлень точно будет. Он (Родственник в миграции. — И. Е.) не будет говорить нам, что тюленем байду не забывай, как многие местные делают. Для него тюлень тоже доход. Он это понимает, а местные не осознают выгоды. Вдаль не смотрят (В., 25 лет, 2015 г.);

— Я работаю в двух бригадах (В разных поселениях. — И. Е.). Здесь я езжу на байде А. (Родственника по линии жены. — И. Е.) вместе с двумя «кожарами» (Азербайджанцами. — И. Е.) и Ю. (Сыном родственника жены. — И. Е.). Работаю на 15%, но привозим мало последнее время, хоть и ходим почти каждую неделю. Я говорю А.: «Давай забирать тюленей вместе с «красняком» (То есть осетровыми. — И. Е.). Там, где я хожу с этими «кожарами» в другой бригаде, мы постоянно таскаем туши (Тюленей. — И. Е.) на берег. Бывает же попадает «матка» (Самка. — И. Е.) с детёнышем. За детёныша (Белька. — И. Е.), если «аборт» «матке» сделать, много дадут (Посредники. — И. Е.)» <...> А. отвечает, что не хочет попадаться на тюлене. Не может он, что ли, договориться. Те могут, а этот нет. Меня держит только то, что он родственник моей жены и я с ним давно работаю. Через многое прошёл (Ю., 35 лет, 2016 г.).

Владельцы бригад в неформальных беседах с автором, наоборот, часто жаловались на нежелание рыбаков соблюдать «квоты» тюленей, «установленные» владельцем на требование повышения процента от вылова.

Данные диалоги могут свидетельствовать о том, что порождённый резким ростом спроса на сопутствующий осетровым товар на рынке (а где-то и как товар-заменитель) прилов способствовал снижению в бригаде роли редистрибуции экономических благ, находившихся с начала 1990-х гг. в руках владельца, и распространению действия механизма реципрокности внутри бригады, то есть децентрализации процесса принятия решений по распределению блага.

Явление преднамеренного прилова несколько изменило ситуацию доминирования родовых отношений под генерализованной реципрокной связью, когда она стала во многих случаях «сосуществовать» или подменяться сбалансированной. Наиболее отчётливо это заметно при анализе операции «выкупа» рыбака из заключения в тюрьме в Казахстане и в процессе неформальных сделок посредников с членами «осетровых» бригад, с одной стороны, и с ремесленниками-«шапочниками» из горных районов, с другой.

Генерализованная и сбалансированная реципрокность: «выкупная» операция

«Выкуп» члена бригады из «казахского плена» (задержание в казахских территориальных водах и последующее тюремное заключение) — механизм, существующий в сообществе с момента зарождения «осетрового» бизнеса в начале 1990-х гг., который до середины 2000-х гг. был распространён на всём российском побережье Каспия. Однако с окончанием периода расцвета изъятия осетровых механизм этот фактически остался только в Дагестане. Изменение условий неформального контракта не слишком повлияло на частоту убийств и задержаний рыбаков из «осетровых» бригад. За всё время исследования автору пришлось услышать про семь случаев убийства, в основном рыбаков, закрывающих своими телами моторы байд от пуль снайперов армии Казахстана, и о 15 случаях попадания членов бригад в «казахский плен» (по одной-две байды). Механизм выкупа как в родовой, так и в интернациональной бригаде, на первом этапе напрямую не связан с материальным вознаграждением, а сводится к попыткам вызволения члена бригады с помощью его похищения, что можно представить как моральный долг, определяющий отношения прежде всего между владельцем и рулевым в бригаде. Почти всегда такая реализация морального долга подразумевает адекватную компенсацию для владельца за понесённый ущерб (утрата имущества и невыполненный неформальный контракт). Кроме того, необходимо принимать во внимание и тот факт, что «выкупная» операция очень дорогостоящая, и владельцу часто легче выкрасть рыбака, чем заплатить за него. Реализация поручается владельцем членам той же бригады, но работающим на другой байде. Во многих случаях автор сталкивался с моральным долгом, связанным с возможностью для азербайджанских рыбаков стать частью конкретной родовой группы (гардаша). В таких случаях «кража» рыбака символизирует второй этап процесса социализации, когда после совместных поездок на «дальняки» и гуляния⁷ в поселениях наступает время окончательно закрепить доверие в «родовой» среде и уже после этого начинать процесс женитьбы на местной девушке (женщине) для получения в последующем преференций члена родовой группы⁸:

⁷ Гуляние — это фильтр рекрутирования в бригаду. Действует подобно более простым механизмам социального контроля внутри социальных общностей, описанных, например, Р. Брюмером [Brymer 1991].

⁸ Вопрос выбора, например, ногайской девушкой (женщиной) себе в мужа азербайджанца может иметь и другую подоплёку: во-первых, среди ногайцев массовое явление — алкоголизм, резко уменьшающий процент трудоспособных и фертильных мужчин в средних возрастах; во-вторых, с середины 1990-х заметным стал уже упоминавшийся процесс миграции в районы Крайнего Севера.

Бывало у меня всякое: тонул три раза, лёд давил байду, замерзал. Два раза застревал во льду вместе с ногайцами и как-то выбрались. Уже 10 лет как живу здесь. Считаю, местный... Раза два было такое: попадались наши ребята в Казахстане. Хозяин просил нас вытащить их. Ловили момент, когда они свободно гуляли по городу, подбирали их. За это никогда не брал денег. Понимал, что у меня есть долг за то, что я здесь, за то, что хозяин мне предоставляет жильё и технику... Вот недавно женился на местной (Тёте владельца байды. — И. Е.)... У меня есть семья в Э. (Город в Дагестане. — И. Е.), там два сына; в С. (Город в России. — И. Е.) есть дочь (Д., 30 лет, 2015 г.).

«Кража» может рассматриваться как явление сбалансированной реципрокности, если эта услуга требует немедленного возвратного разрешения на брак (то есть «входа» в родовую группу). При этом отсутствие доверия, которое подкрепляет операции в механизме генерализованной реципрокности, компенсирует наличие морального долга. «Кража» не заменяет других эталонов оценивания профессиональной пригодности азербайджанцев, может осуществляться и представителями родовой группы. Однако умения и навыки азербайджанцев (включая ретрансляцию знаний из поколения в поколение) не дают им полноценного права претендовать на «место» в родовой иерархии. В то же время «кража» не является обязательным ритуалом для такого «входа». Скорее, повышает шансы, поскольку спасает владельца от дополнительных материальных убытков, связанных постфактум с урегулированием формального судебного производства.

Если «похищение» не удалось или намерения «похищать» вообще не было, то владельцу и родственникам не остаётся ничего другого, как собирать деньги непосредственно для процедуры «выкупа». Следуя определению В. Зелизер, можно назвать их «выкупными» деньгами, хотя никто не откладывает специальные деньги на такую операцию. Наличие «выкупных» денег всегда подразумевается, при этом заранее анализируются возможные каналы сбора средств подобно тому, каким образом учитываются денежные средства, собранные на свадебной церемонии в исламской традиции. Сбор денег по родовым каналам включает несколько этапов, где реализация права на сбор зависит от репутации гардаша и его положения в иерархии тухума, к которому принадлежит рыбак. Первый этап — сбор средств в ближнем круге (среди родственников в поселении, где проживает рыбак, и тех, кто покинул «малую родину» по причине трудовой или постоянной миграции); второй — сбор средств среди представителей других гардашей. Сумма выкупа в среднем составляет 1 млн руб. за одного рыбака (то же и для рыбака из интернациональной бригады), хотя может варьироваться в зависимости от ситуации. «Выкуп» тратится как на организацию судебной защиты, так и на поддержание существования заключённого (в случае осуждения со смягчением приговора). Родственники из гардаша нанимают адвоката, который уже имел опыт участия в подобных судебных процессах, где защищал интересы членов этого гардаша. Однако несколько респондентов подчёркивали в своих интервью, что делали неудачные попытки разрешить ситуацию с помощью местных адвокатов из Казахстана до обращения к «своему» юристу:

Когда мой муж попал в «плен» там, в Казахстане, я бросилась собирать деньги для его освобождения <...> Первые 1500 дол. ушли на выплату штрафа за нарушение режима пограничной зоны (То есть границы с Казахстаном. — И. Е.). Вроде бы вопрос отпал. Но адвокат (Казахский. — И. Е.) потребовал больше денег, стал угрожать мужу «проблемами» в тюрьме. Я была вынуждена переоформить на этого адвоката машину мужа, затем уже только обратилась к родственникам (Двоюродным братьям, проживающим на Крайнем Севере. — И. Е.) за помощью. Таким образом, удалось насобирать в долг 400 тыс. руб. Осталось 150 тыс. руб. к сегодняшнему дню (Д., 32 года, 2016 г.);

У меня адвокат был русский, который уже решал подобные дела в Казахстане, решал успешно за наших рыбаков. Он мне сразу «убрал» статью за браконьерство, хотя я и признал, что

у меня в байде была одна севрюга с икрой. Три тюленя, правда, ещё было, но на них не клюнули пограницы (П., 35 лет, 2016 г.).

Таким образом, адвокат в родовой группе не имеет «должностного» оклада и не входит в близкий круг семьи (родовой группы), как это принято в классических мафиозных структурах (см., например: [Paoli 2008]). Такой адвокат — наёмный служащий, имеющий неформальный срочный договор, с очень конкурентной заработной платой и опытом работы по подобным делам. Обычно адвокат, обслуживающий интересы конкретного гардаша, уменьшает упомянутый в интервью срок с двух–трёх лет до шести месяцев колонии-поселения, а иногда приводит и к освобождению рыбака в зале суда.

Отбывший срок рыбак, возвратившись в поселение, должен отработать неформальный контракт, заключённый через выкупную операцию, перед гардашем или гардашами (в том случае, если долг по выкупу не выплачен владельцем бригады) и в любом случае — перед владельцем. Отработка долга как за «выкуп», так и за утраченное оборудование в корне меняет отношение владельца к изменению контракта, который приобретает характер генерализованной реципрокности (наличие доверия между сторонами и долгосрочная отсрочка возврата услуги). В этом случае владелец сам всегда настаивает на включении прилова тюленей в расчёт. Посредники второго звена при этом получают достаточно большую долю, так как своего выхода для сбыта и переработки шкур в окончательный продукт у владельцев нет.

Если попавшийся рыбак не имеет родовой поддержки (что обычно для члена интернациональной бригады), его родственникам очень сложно собрать необходимые средства для «выкупа», поскольку у семьи рыбака низкий социальный статус, а кредитоспособность подрывается отсутствием официальных источников заработка кого-либо из членов семьи, разрывом связей между родственниками в миграции и т. д. В такой ситуации рыбак получает высшую меру наказания, предусмотренную по статье за браконьерство, то есть два или три года тюремного заключения с правом проживания в колонии-поселении. Неформальный контракт между владельцем и рыбаком по долговым обязательствам, оставшимся после потери моторов и лодки в Казахстане, начинает действовать сразу после вынесения приговора. По контракту владелец выступает в том числе посредником при разрешении споров между членами бригады, иногда в достаточно конфликтных ситуациях:

Как И. посадили, так мне постоянно звонил отец А. (Ездил как «абрикос» на одной с И. байде, где А. был рулевым. — И. Е.) и требовал вернуть долг непонятно за что — 1500 дол. Сын (Респондента. — И. Е.) попросил связаться с В. (Владелец байды, который проживал в другом городе. — И. Е.) и поговорить о том, чтобы он позвонил В. и разрешил ситуацию. А то ведь этот А. устроился охранником в церковь, где работает моя дочь, и постоянно напоминал ей о присутствии долга. Слава богу, В. позвонил ему и, видимо, что-то жёсткое сказал... Вот уже много месяцев не звонит. Дочь и так из-за этой рыбалки сына заложила дом (Н., 50 лет, 2016 г.).

В отличие от вышеописанной ситуации с реализацией механизмов генерализованной реципрокности в системе родовых отношений, в случаях, когда на место родовых встают отношения дружбы или знакомства, механизмы реципрокности (с теми же вышеобозначенными характеристиками данного типа реципрокности, только с более длительным сроком возврата) начинают работать в режиме постфактум. За время исследования все рыбаки, не имевшие «родовой» поддержки, были осуждены на три года (максимальное наказание по статье за браконьерство) и оштрафованы на 1500 дол. за незаконное пересечение границы. В течение отбытия срока в колонии-поселении рыбаки получают натуральную поддержку от владельца (в основном товарами первой необходимости), а после отбытия наказания некоторые из них продолжают работать в бригаде этого владельца. Отработка долга здесь ничем не

отличается от случая с рыбаком из тухума. Но автору пришлось столкнуться и с другим способом сотрудничества владельца и рыбака. Анализ нескольких случаев даёт возможность прийти к заключению, что генерализованная реципрокность не только порождает существенную отсрочку с выплатой экономического долга, но и содействует переводу контрактных обязательств в легальную плоскость:

Три года отсидел в А. (Город в Казахстане. — И. Е.). Когда вышел, то стал искать другую работу. Ещё какое-то время поскитался по морю, занимался переправкой вещей на байде из Э. к нам. Потом вдруг мой одноклассник — односельчанин — предложил устроить меня на работу в один из городов Крайнего Севера. Там много наших работает. К этому времени должен был много по рыбалке, как и мой друг (Работал вместе с респондентом на одной байде. — И. Е.). Решил: а почему бы и нет... Сестра одолжила денег на переезд. Уже там связался с П. (Бывший владелец байды, на которой рыбак попал в «плен». — И. Е.). Он предложил мне в счёт долга купить ему шеститонную машину-холодильник. Я уже официально полгода проработал здесь на Севере и взял эту машину в кредит, теперь плачу по 19 тыс. руб. в месяц. П. сейчас в Москве живёт. Предложил мне совместную работу на этой машине. Думаю согласиться. Хотел долг окончательно забыть и помочь выплатить кредит за машину (Э., 28 лет, 2015 г.);

Последний год проработал в В. (Регион на Крайнем Севере России. — И. Е.), устроился там через Э. (Владелец бригады. — И. Е.) на газовое месторождение. Работа так себе, зато официально. Работал там вместе с ребятами из бригады. Мы там наладили тоже «рыбный» бизнес: ловили в местной реке сибирского осётра тем же способом, что и дома. Потом сбывали через Э. Делали настоящие банки. В итоге быстро отдал долг за Казахстан (М., 38 лет, 2015 г.).

Таким образом, реципрокные отношения, однажды возникнув между мастером и «рулевым», приносят им как экономическую, так и моральную компенсацию за провалы в рыболовстве. При этом генерализованная реципрокность служит механизмом страхования жизнедеятельности самообеспечиваемого домохозяйства, по сути, в экстремальных ситуациях, когда принуждение к немедленному исполнению долговых обязательств со стороны владельца поставило бы домохозяйство в очень трудную ситуацию [Эггертссон 2001]. Принуждение к исполнению может осуществляться разными способами — через влияние на репутацию рыбака в сообществе, особенно если он решит продолжить рыболовство, развитие отношений с ним в дальнейшем уже на базе негативной реципрокности и т. д.

Институт посредничества: множественность механизмов взаимодействия

Резкое сокращение популяции осетровых не только изменило реципрокные взаимодействия в среде бригадных образований, но и содействовало созданию новых социальных институтов, способных компенсировать изменение товарной конъюнктуры в регионе. Посредники — оптовики, специализировавшиеся на скупке мяса и икры осетровых, — либо ушли с рынка, либо резко сократили масштабы деятельности (например, передав функции «связи» с пограничной службой непосредственно владельцам бригад), либо в гораздо меньшем числе перешли на перепродажу тюленьих шкур. Если в середине 2000-х гг. рынок «тюленьих» был монополизирован, то к середине 2010-х гг. сложилась конкурентная среда, подогреваемая не только посредниками из прибрежных поселений (второе звено), но и посредниками «новой волны» из предгорных районов (третье звено):

Когда я начинал (Посредничество при перепродаже тюленьих шкур. — И. Е.), не было никого почти. Я спокойно мог подойти к любому рыбаку здесь (В поселении. — И. Е.) и спросить, хочет ли рыбак продавать тюленей. Там в море у них много и в те времена оставалось. По-

том уже появились другие скупщики, и не только у нас (В поселении. — И. Е.), но и в степи (Р., 39 лет, 2015 г.).

Скупка и первоначальная переработка шкур были инициированы представителями даргинской этнической группы, обосновавшимися в прибрежных поселениях с конца 1970-х гг. Даргинцы не теряли родственных связей со своим тухумом в горных районах Дагестана, поэтому им удалось быстро наладить контакты с ремесленниками (четвёртое звено), которые специализировались на пошиве шапок и другой одежды из шкур животных (отсюда их название — «шапочники», закрепившееся в локальной категоризации). Поскольку дворы местных посредников (в основном ногайцев, кумыков и русских) постепенно превращались в основные «площадки действий» для сделок по тюленьим шкурам [Остром 2010], не имея как социальная единица связей среди местных рыбаков «осетровых бригад», локальные даргинцы уступили право посредничества, а вместе с ним и контроль за пространственными потоками, которые стали регулироваться сетями дружбы и знакомства, основанными как на генерализованной, так и на негативной реципрокности.

Посредники создали свою систему долговых расчётов с ремесленниками. Парадокс негативной реципрокности здесь в том, что часто посредники покупают у членов «осетровых» бригад туши для первоначальной обработки. Рыбаки являются их близкими или дальними родственниками, в сделках с которыми посредники не используют родовые связи как основу для расчётов. В то же время почти во всех сделках, наблюдаемых автором на дворах посредников, шкуры продавались ремесленникам-«шапочникам» в долг.

Представленный случай негативной реципрокности показывает, что снижение объёма ценного товара прежде всего ставит вопрос о «справедливой» торговле, определяя социальную дистанцию в родовых отношениях, когда посредники думают о том, каким образом «сохранить лицо» в ситуации, где спрос со стороны ограниченного количества ремесленников должен быть удовлетворён через насыщение рынка товарами потребления. Таким образом, вопросы репутации выходят на первый план. Некоторые посредники подчёркивают, что резкое сокращение в популяции осетровых заставило их ввести в действие новую стратегию ценообразования, приняв во внимание различия в спросе и предложении, которые существовали между посредниками и рыбаками, с одной стороны, и посредниками и ремесленниками, с другой. Стратегия ценообразования основывается на ранжировании тюленей, добытых рыбаками, по возрастной структуре⁹ и связана с дальнейшей перепродажей ремесленникам в долг, что позволяет посредникам из прибрежных поселений не проиграть конкуренцию посредникам из предгорных районов (третье звено рынка), которые благодаря большим холодильникам, вмещающим до 2000 туш тюленей, сохраняющих свои товарные качества в течение двух–трёх лет, способны предложить шкуры и жир в любое время, таким образом, регулируя цены на товар в течение года. Как бы то ни было, интересными остаются вопросы о релевантности такой стратегии в постоянно изменяющихся условиях существования рынка и о влиянии структуры родовых отношений в среде кумыков, в основном населяющих предгорья, на регулирование торговых потоков в рамках третьего звена рынка. Как показало пилотное исследование, проведённое в рамках третьего звена рынка, контроль пространственных потоков здесь осуществляется даргинцами.

В контексте анализа роли посредников в автономном сообществе не следует понимать их деятельность как исключительно построенную на механизмах негативной реципрокности. Циркуляция долговых обязательств формирует здесь не только экономическую, но и моральную основу их репутации в со-

⁹ Так, например, ценовой ряд различается: стоимость шкуры «матки», то есть взрослой особи, достигает 1200 руб. за штуку, шкура «серка», то есть тюленя средней возрастной группы (чаще всего 4–5 месяцев от роду), стоит 1800–2200 руб. за штуку; за «белька», то есть новорождённого детёныша тюленя, несмотря на резкое снижение спроса на «бельковые» шкуры, до сих пор дают самую высокую цену — до 4000 руб. за штуку.

обществе. Рост значения прилова в локальной экономике породил своеобразную систему социального вспомоществования в сообществе, где посредники оказались центральными акторами регулирования помощи неимущим слоям на основе генерализованной реципрокности. «Осетровый» бизнес позволял проводить подобное распределение благ, но только на основе родовых отношений, при этом во времена бума мало дифференцируя гардаши (особенно среди ногайцев) по социальному признаку. Многие посредники дарят рыбу и тюлений жир нуждающимся или выступают гарантами обеспечения возврата денег за продукты и одежду в местных магазинах. Особенно это релевантно для женщин, оставшихся вдовами после того, как их мужья либо утонули во время «дальняков», либо были убиты в территориальных водах Казахстана. Как правило, на руках у многих таких женщин остаются несколько несовершеннолетних детей, небольшое пособие на которых (примерно 1500 руб. в месяц, что после «откатов», система которых широко распространена в Дагестане и имеет этническое происхождение, составляет 700–800 руб.) становится единственным источником существования. В отсутствие доступных кредитных организаций для местного населения и государственных программ кредитования рыбодобывающей отрасли долговые поручительства посредников оказываются единственным источником потребительских расходов малоимущих слоёв сообщества, что особенно релевантно для русского меньшинства, чьи родовые связи слабы. Подобные системы распределения социальных благ внутри определённого сообщества отмечаются и в других частях мира (см., например, анализ системы паду в некоторых штатах Индии и Шри-Ланке: [Lobe, Berkes 2004]).

Посредники подчёркивают в интервью и неформальных беседах, что предоставление подобных благ для категорий населения с низким уровнем доходов было стимулировано всё тем же кризисом осетровых, когда как представители гардашей, так и члены сообщества без родовой поддержки потеряли основной источник дохода и в то же время были не способны поставлять тюлений для местного рынка:

У меня в Л. (Поселение. — И. Е.) много дальних родственников. Некоторые из них не имеют денег даже для того, чтобы хлеб купить. Хотя дома у них, как дворцы. В своё время (Бум «осетрового» промысла. — И. Е.) настроили. Кто-то на севере, кто-то здесь остался (Р., 45 лет, 2015 г.);

Я раз в неделю приношу знакомым (Русские по национальности. — И. Е.) три или четыре сазана или кефали, иногда тюлений жир или сало там отдаю. Несколько раз под своё имя брал им продукты в магазине (Записывают в специальную долговую тетрадь. — И. Е.). У них никого не осталось, пенсии мизерные (З., 42 года, 2015 г.).

Для многих менее сильных и властных гардашей не существовало другого пути, нежели принять поддержку посредников, породившую излишнюю субординацию и взаимные долговые обязательства. Для посредников же отсутствие любого направленного на развитие системы кредитования государственного курса, который так или иначе поддерживал бы стратегии устойчивой жизнедеятельности во многих прибрежных поселениях, а также невозможность развития альтернативных стратегий жизнедеятельности привели к восприятию государства как несправедливого, где посредники содействуют сопротивлению тех, кто был особенно сильно задет новой социальной динамикой, не позволяющей им успешно адаптировать свои стратегии жизнедеятельности к новому социальному контексту.

Заключение

В статье описывается влияние предумышленного прилова каспийского тюленя на развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане. Основной предпосылкой формирования структуры такого рынка стало появление и дальнейшее развитие *автономного ресурсодобывающего сообщества*, возникшего как ответ на экзогенные шоки (развал СССР) и создавшего собственные социальные нормы взаимо-

действия, регулирующие основные процессы жизнедеятельности внутри сообщества. Почти полное исчерпание наиболее ценного биоресурса — рыб осетровых пород — и сокращение мяса и икры осетровых, служивших главными товарами для местного и регионального рынков, вынудили сообщество развивать параллельный товаропоток тюленых шкур, жира и желчи. Таким образом, прилов как *неинтенциональный акт*, когда туши тюленя, оказавшиеся в осетровых сетях, оставались в море или поставлялись на берег адресно, постепенно превратился в *предумышленное действие*.

В основу анализа экономико-социального взаимодействия в социальных институтах сообщества — «осетровой» бригаде и среди посредников-ремесленников — было положено изучение воздействия реципрокных и редистрибутивных механизмов соблюдения неформальных контрактных отношений в бригаде: между посредниками и членами бригады, между посредниками и ремесленниками из горных районов Дагестана. В то время как сторонники теории нелегального рынка делают упор на анализе координационных механизмов в рыночной среде [Beckert 2009; Beckert, Wehinger 2013; Hübschle 2017a], автору хотелось бы остановиться на проблематизации вопросов, неизбежно вытекающих из природы автономного сообщества как источника нелегального рынка, то есть (1) на дихотомии «легальность — нелегальность» в контексте разрешения ситуации неопределённости и (2) на триаде «реципрокность — репутация — институциональное доверие».

Легальность — нелегальность

Дихотомия «легальность — нелегальность» как исследовательская проблема отходит на второй план. Нелегальность для молодых членов сообщества проектируется как нечто заданное многолетней «автономностью» социальных организаций (для многих — с рождения), где техники рационализации и нейтрализации мотивов криминальной экономической деятельности [Sykes, Matza 1957] бесполезны в отличие, например, от спонтанной браконьерской деятельности [Forsyth, Marckese 1993]. Это особенно актуально для постепенной замены нелегального рыболовства на прилов. Поскольку смена поколений среди рыбаков в сообществе происходит достаточно быстро по разным причинам (смерть в открытом море, болезни, вызванные условиями работы, и т. д.), нелегальность приобретает черты социально-легитимированного феномена, даже когда альтернативные легальные источники занятости (параллельная работа в легальных рыбодобывающих артелях, осуществление товарного рыбоводства (аквакультуры) и т. п.), занимающие в какой-то момент времени определённое место в структуре экономики сообщества, порождают большие потоки нелегально реализуемых товаров («левая» сдача рыбы частиковых пород, вылов осетровых в границах РПУ, распределённых с помощью тендеров для осуществления рыболовства местным населением)¹⁰. В этих условиях попытки помешать процессам регулирования со стороны государства, которое вернулось к своим функциям в начале — середине 2000-х гг. и стремится пресечь нелегальную деятельность, привели к быстрой адаптации социальных норм, перестройке действия реципрокных механизмов, включению в свою деятельность элементов легальной рыбодобывающей деятельности, что, в конце концов, дало эффект чередования ответов государству в виде «жёсткой» и «мягкой» форм браконьерства [Ermolin, Svolkinas 2016].

Реципрокность — репутация — институциональное доверие

Как видно из проведённого анализа, реципрокные механизмы выступают основой кооперации на разных социальных уровнях взаимодействия в сообществе. В случаях экономической деятельности по-

¹⁰ Интересен анализ межпоколенческого разрыва как явления постсоветского социально-экономического развития, однако такой анализ — предмет для отдельного исследования. Тем не менее представляется важным отметить, что «автономность» складывания локальных паттернов взаимодействия может способствовать преодолению последствий анонимии, сложившейся однажды в более крупном образовании и, соответственно, межпоколенческого разрыва, в отличие, например, от ситуации консервации и последующей активации религиозных норм ислама в их радикальных формах [Стародубовская 2015; 2016].

средников в рамках второго звена нелегального рынка реципрокность опирается на репутацию посредников, которые являются центрами регулирования потоков информации. Если посредники не способны действительно контролировать потоки информации, то асимметрия её распределения обычно порождает либо неопределённость качества товара [Sandberg 2008], либо высокие транзакционные издержки по всей цепи поставок товара [Reuter, Kleiman 1986], либо неспособность развить более конкурентную среду в специфических социальных условиях нелегальности [Fass, Francis 2004; Beckert, Wehinger 2013].

Хорошая работа посредников может разрешить две первые дилеммы (неопределённость качества товара и высокие транзакционные издержки по всей цепи поставок товара), как уже было показано некоторыми авторами (см.: [Zaitch 2002; Kenney 2007]). В нашем случае репутация посредников диктовала им изменение генерализованной (родственной) реципрокности по отношению к членам бригад (иногда заменяемую на негативную) и, наоборот, сочетание генерализованной и сбалансированной при продаже шкур ремесленникам-«шапочникам». Третья дилемма (неспособность развить более конкурентную среду в специфических социальных условиях нелегальности) в среде «автономного» сообщества проявляется не так ярко. Поскольку государственное регулирование не оказывает большого влияния на механизмы социального взаимодействия в сообществе, нелегальность большинством членов бригад воспринимается как приемлемое с точки зрения легитимности явление, а этническая гетерогенность способствует преодолению монополии в нелегальном бизнесе (в отличие от легального рыболовства, где монополию этнического большинства сложно преодолеть). Как следствие, конкуренция на рынке тюленевых развивается так же динамично, как и на осетровом в начале — середине 1990-х гг. При этом связи, когда-то установленные на родовой основе в рамках генерализованной реципрокности, помогли преодолеть проблему дефицита спроса на товар в сообществе, где описанная стратегия ценообразования с середины 2000-х гг. позволила расширить круг посредников в рамках второго звена рынка, составить весомую конкуренцию посредникам в рамках третьего и насытить спрос в рамках четвёртого звена.

Структура отношений в бригаде отличается от того, что можно наблюдать в среде посредников. Владелец бригады рассматривается как центр информационных потоков внутри бригады, но репутация в его случае не играет ключевой роли. Генерализованная и сбалансированная реципрокности лежат в основе исполнения неформальных контрактов по долговым обязательствам во всех случаях взаимодействия в бригаде, кроме внутритухумных (между сильным и слабым гардашами), построенных часто на основе редистрибуции. Социализация в бригаде, как показывают описанные случаи работы азербайджанцев в родовых бригадах и обычай «кражи» рыбака из казахского «плена» членами обоих типов бригад, даёт владельцам «достоверные сигналы кредитоспособности и тем самым надёжности» [Gambetta 2009] нового члена бригады. Сама «выкупная» операция, как и весь материальный долговой оборот, строится в бригаде по принципу морального долга, который связывает обязательствами как владельца, так и других членов бригады. В сообществе в целом это проявляется в институциональном доверии, когда бригада и посредники выступают как социальные единицы, облегчающие транзакции с помощью реципрокных механизмов.

Методологические ограничения исследования

Методологические ограничения, как и оценка рисков проведения подобных исследований, требуют написания отдельной статьи. Для изучения феноменов криминальной экономики необходима тщательная заблаговременная подготовка. Выбор методов определяется проведением пилотного проекта (не менее 1 месяца) и последующей сортировкой первоначальной информации и данных. Наиболее проблемной методологической зоной стало преодоление недоверия между исследователем, с одной стороны, и респондентами (информантами), с другой. Среди антропологов принято считать, что наилучшим

методологическим орудием для частичного разрешения проблемы служит проведение включённого наблюдения (чем дольше оно длится, тем лучше) сразу после окончания периода пилотного проекта. Автору данной статьи из-за ограниченности времени и материальных ресурсов пришлось отказаться от непрерывного включённого наблюдения, что негативно повлияло на результаты. Доверие выстраивалось не только в среде непосредственных объектов изучения, но и косвенно во взаимодействии с другими акторами (прежде всего с представителями органов власти разного уровня, правоохранительных органов и других силовых структур). При этом косвенное взаимодействие с вышеупомянутыми органами государственной власти не носило тесный характер: автор старался как можно реже контактировать с ОИВ и правоохранительными структурами, иногда, однако, используя интерес силовых структур к своей персоне для того, чтобы показать респондентам отсутствие связи с ними. Тем не менее подозрения со стороны сообщества в работе автора на силовые структуры имелись и продолжались на протяжении всего исследования, что крайне отрицательно сказалось на возможностях проведения опроса домохозяйств. В данном контексте расширение методологического поля наткнулось также на постоянные провалы попыток найма полевых местных ассистентов для проведения опросов и селективности фокус-групп из поселений сообщества (из-за всё той же закрытости социальной структуры и чувствительности темы), а также на невозможность привлечения аспирантов и студентов последних курсов ведущих вузов страны (из-за криминогенности региона (чаще субъективной криминогенности) и сложности проведения исследования). Запись интервью на диктофон не всегда давалась легко именно в последних раундах (в случае проведения трёх из них), когда, как принято считать в социальной и культурной антропологии, устанавливается наиболее тесная степень доверия между исследователем и респондентом. В конце концов, в некоторых случаях автор статьи был вынужден более активно пользоваться записями неформальных бесед при анализе ситуаций.

Теоретические ограничения исследования

В статье делается первая попытка применения концепта «автономия» к анализу хорошо организованной кустарной экономики, как рассчитанной на собственное потребление, так и имеющей товарный характер, постепенно приводящей к организованному массовому сопротивлению попыткам государства отрегулировать подобные экономические процессы силовыми методами. Как бы то ни было, невозможность исторического анализа эволюции процессов социальной укоренённости экономической деятельности сообщества, что связано с неполными данными по динамике социально-экономического взаимодействия в последнее десятилетие XX века, пока не позволяет встроить концепт «автономного» сообщества в рамки более широких теоретических подходов (таких, например, как теории модернизации и концепции транзита), предлагаемых экономистами и политологами [Acemoglu, Robinson 2001; Hinnebusch 2006], или противоположной упомянутой теории антропологической и социологической концепции постсоциализма [Tulbure 2009] (традиция как более поздняя замена постсоциализма [Hann 2012]). Анализ исторической эволюционной динамики автономного сообщества мог бы показать источники радикальной трансформации социальных институтов на рубеже 1980–1990-х гг., долгосрочной устойчивости таких институтов и т. д. Использование техники социобиографических интервью представляется на сегодняшний день единственным способом решения проблемы. Вторым схожим ограничением уже в рамках теории консервации (субдисциплины экологии) можно признать невозможность на данный момент экстраполяции концептуальных рамок автономного сообщества как источника нелегального рынка биоресурсов на другие регионы мира. Экономико-социальные исследования могли бы пролить свет на формирование социальной структуры как автономных ресурсодобывающих сообществ, так и нелегальных рынков в целом. Допустимо предположить, что такой тип сообщества явился источником расцвета организованного браконьерства и остальных звеньев нелегального рынка биоресурсов во многих странах Африки, Юго-Восточной Азии и странах бывшего СССР. Этот рынок образовался как результат распада колониальной системы либо социалистического лагеря.

Представляется интересным исследование этно-национальных особенностей взаимодействия на площадках разных звеньев рынка. Появление множества нелегальных рынков биоресурсов связано с развитием хозяйственной специализации в тех или иных этнически гомогенных регионах мира. Часто звеньевой ряд рынка формируется наличием других районов этно-национальной специализации, дополняющих друг друга в той или иной степени. Особый интерес вызывают регионы мира, где такие звенья территориально расположены недалеко друг от друга.

Приложение

Стратегия полевого исследования и анализ данных

На первоначальном этапе исследования, описываемого в данной статье, информация и данные были получены автором в 17 поселениях прибрежной, предгорной и горной частей Дагестана в 2012–2017 гг. Несмотря на проведение исследования по прилову как экономико-социальному явлению в 2015–2017 гг., информация и данные по организационной структуре «осетровых» бригад и долговому обороту в прибрежных автономных сообществах накапливались с начала полевых экспедиций по осетровому браконьерству в 2012 г. Выход на первый план проблемы прилова, обозначенный в авторском анализе локального дискурса с 2015 г., но уходящий корнями в середину 2000-х гг., способствовал применению «обоснованной теории» как основного методологического орудия планирования исследования. Стратегия полевого исследования в рамках первого и второго звеньев рынка включала использование полуструктурированных интервью, фокус-групп, а также неформальные встречи или беседы и прямые наблюдения, отражённые в полевых записках. Данные методы чередовались, что позволяло, во-первых, принять во внимание новые характеристики описываемых явлений и интегрировать их в последующее исследование того же феномена, во-вторых, способствовало укреплению доверия между автором и респондентами в сообществе. Тогда как в рамках исследования первого звена рынка (непосредственное изъятие биоресурса и возможная первоначальная обработка) широко применялся метод полуструктурированного интервью, в рамках изучения процессов взаимодействия на площадках второго звена к этому методу прибегали редко и основными методами выступали прямое наблюдение и неформальная беседа. Это объяснялось тем, что на площадках второго звена автор мог в большинстве случаев наблюдать процессы торговых сделок и переговоров между вовлечёнными актёрами. Часто данный процесс протекал по сценарию включённого наблюдения [DeWalt, DeWalt 2011], когда автор был свидетелем переговоров, тянувшихся несколько дней подряд на дворах посредников прибрежных поселений. В рамках исследования первого звена прямое наблюдение по сценарию включённого осуществлялось лишь в нескольких случаях переговоров сотрудников пограничной службы РФ и членов бригад по вопросам лицензированной рыбодобывающей деятельности. Наиболее примечательными случаями прямого наблюдения и неформальной беседы автора в рамках исследования первого звена рынка являлись «гуляния» членов бригад после рейсов (особенно «дальняков»). «Гуляния» символизируют первый этап социализации новых членов бригады, на котором в ходе совместного времяпрепровождения новоиспечённый член бригады показывает, насколько ему можно доверять ту или иную информацию, выражает своё отношение к общей экономической деятельности и т. д. Анализу подобных процедур социализации и операции «кражи» рыбака из казахского «плена», как непосредственно ведущих к «входу» в родовые структуры через женитьбу на девушке (женщине) из родовой группы, следует посвятить отдельное исследование. С методологической точки зрения нужно отметить, что присутствие автора статьи на таких «гуляниях» существенно способствовало как созданию и развитию доверия в среде респондентов, так и получению важной информации и данных по разным аспектам деятельности членов бригад. С этической точки зрения присутствие исследователя на подобных площадках социализации может облегчить задачу прямого или включённого наблюдения подобных феноменов, что было бы невозможно сделать в открытом море в процессе изъятия биоресурсов членами бригады, прежде всего из-за обвинений в участии в нелегальной деятельности, неминуемо последовавших бы от членов любого университетского комитета по этике.

Особенностью проведения интервью и фокус-групп, в большей степени в рамках изучения первого звена и в меньшей — второго, является их групповой характер. Почти во всех случаях интервью, взятые у рыбаков, чередовались с интервьюированием членов их семей. При этом информация, полученная в беседе с одним членом семьи, дополняла ответы, данные другими. Большую долю семейных интервью автор провёл с семьями «абрикосов» и рулевых в возрасте 17–35 лет, тогда как лишь с двумя владельцами байд (хозяином бригад) удалось организовать индивидуальное интервью, и ни с одним из них — семейное. Вероятно, такая особенность может быть объяснена созданием и поддержанием более тесных сетей контактов и доверия с индивидами схожего с автором возраста, а также вопросами анонимности интервью, хотя автор и подчёркивал, что является независимым исследователем, не работает в интересах органов государственной власти и имеет далекоидущие исследовательские интересы в регионах Каспия.

Недоверие являлось ключевым фактором при отказе в интервью, даже в случаях, когда диктофон выключался по просьбе респондента. Как указывают некоторые исследователи, недоверие может быть основательно встроено (*embedded*) в локальную коммуникативную систему, поскольку обмен информацией рассматривается как потенциальная угроза хорошо отлаженным практикам жизнедеятельности и социальным нормам [Gavin, Anderson 2005; Nuno, St. John 2015]. Несмотря на то что русский язык для автора является родным и интервью проводились на территории информантов под их тщательным присмотром, уровень доверия, сложившегося в течение семи экспедиций по «осетровому» проекту, удалось достичь только на второй год проведения полевых исследований. Отчасти это объяснялось и разрывами в проведении полевых экспедиций, когда каждый раз приходилось преодолевать стереотипы членов сообщества, полагавших, что автор принадлежит к спецслужбам РФ (молодые члены бригад охотнее шли на контакт и после больших перерывов в полевых исследованиях).

Недоверие повлияло и на анализ полевых данных интервью. Те категории, которые первоначально использовались для кодирования предложений текстов интервью в программе MAXQDA, не приводили к логичному конечному результату, то есть не позволяли определить, к какому механизму взаимодействия приводят те или иные ситуации (реципрокные или редистрибутивные). Проблема была решена путём добавления материала неформальных бесед, отражённых в полевых записках, и создания подкатегорий в уже существующих категориях. Таким образом, удалось отразить гетерогенную картину экономико-социального взаимодействия внутри разных этнических групп прибрежных поселений. Отдельный вопрос заключался в интеграции локальных категорий (например, установление разницы между понятиями, которые характеризовали бы восприятие того или иного феномена). Сами по себе локальные обозначения, как и любой термин, обладают способностью объединять разные характеристики объектов. В случае данного исследования категоризация осложнялась этнической гетерогенностью локального социума, где в языке каждой этнической группы сообщества одинаковые социальные феномены могли отражаться по-разному, что приводило и к разному восприятию хода и результатов социального взаимодействия. По этой причине в процессе полевого исследования была предпринята попытка систематизировать локальную категоризацию путём семантического анализа языковых форм различных этнических групп. Было установлено, например, что социальные значения локальных категорий ногайского и кумыкского языков порождают в поселении схожие формы, однако отличающиеся от восприятия русским, аварским или лакским меньшинством. После проведения семантического анализа были включены новые специфически этнические категории в кодирование.

Литература

Аникаева Е. А. 2008. Основные подходы к исследованию денег в социологии. *Экономическая социология*. 9 (1): 114–124. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26591057.html>

- Гирц К. 2009. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. *Экономическая социология*. 10 (2): 54–61. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-2/26594126.html>
- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–59. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44
- Ермолин И. В. 2015. Процессы коммунального саморегулирования «неформальной» экономики (на примере прибрежного рыболовства в Сулаке, Республика Дагестан). *Экономическая политика*. 10 (1): 159–176.
- Жеребцов М. В. 2004. Метод «Grounded Theory» как метод качественного анализа данных. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 1: 89–105.
- Зелизер В. 2002. Создание множественных денег. *Экономическая социология*. 3 (4): 58–72. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4.html>
- Капелюшников Р. И. 2005. Деконструируя Поланьи: заметки на полях «великой трансформации». *Социологический журнал*. 3: 5–36.
- Леви-Стросс К. 2011. *Структурная антропология*. М.: АСТ; Астрель.
- Мосс М. 1996. *Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Изд. фирма «Восточная литература».
- Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Остром Э. 2010. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Поланьи К. 2010. *Избранные работы*. М.: Территория будущего.
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и её парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–54. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html>
- Рождественская Е. Ю. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Салинс М. 1999. *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Сото Э. де 2008. *Иной путь. Экономический ответ терроризму*. М.: Социум.
- Стародубровская И. В. 2015. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*. 10 (3): 68–88.
- Стародубровская И. В. 2016. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа). *Общественные науки и современность*. 6: 111–124.

- Харт К. 1999. Неформальные доходы и городская занятость в Гане. В сб.: Шанин Т. (отв. ред.). *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 532–537.
- Шанин Т. 1999. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика современной России. В сб.: Шанин Т. (отв. ред.). *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 11–32.
- Эггертссон Т. 2001. *Экономическое поведение и институты*. М.: Дело.
- Acemoglu D., Robinson J. 2001. A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*. 91 (4): 938–963.
- Beckert J. 2009. The Social Order of Markets. *Theory and Society*. 38 (3): 245–269.
- Beckert J. 2010. How do Fields Change? The Interrelations of Institutions, Networks, and Cognition in the Dynamics of Markets. *Organization Studies*. 31 (5): 605–627.
- Beckert J., Wehinger F. 2013. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*. 11 (1): 5–30.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. 2007. The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*. 16 (2): 399–418.
- Boeke J. H. 1942. *Economies and Economic Policy in Dual Societies*. Haarlem: TjeenkWillnik.
- Bruner J. 2004. Life as Narrative. *Social Research*. *An International Quarterly*. 71 (3): 691–710.
- Bunnefeld N. et al. 2013. Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*. 27 (6): 1344–1354.
- Burt R. S. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brymer R. 1991. The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*. 33 (1–2): 177–194.
- Castells M. 1999. Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*. 20 (4): 294–302.
- Cohen A. 1997. Sturgeon Poaching and Black-Market Caviar: A Case Study. *Environmental Biology of Fishes*. 48 (1–4): 423–426.
- Davydov V. 2014. Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record*. 50 (255): 379–390.
- DeWalt K., DeWalt B. R. 2011. *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Dewey M. 2011. *Fragile States, Robust Structures: Illegal Police Protection in Buenos Aires*. Hamburg: German Institute of Global and Area Studies.

- Dewey M. 2014. *Crisis and the Emergence of Illicit Markets*. MPIfG Discussion Paper. Cologne: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Dmitrieva L. et al. 2013. Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*. 8 (6): 1–7.
- Dmitrieva L. et al. 2015. Inter-Year Variation in Pup Production of Caspian Seals (*Pusa Caspica*) 2005–2012 Determined from Aerial Surveys. *Endangered Species Research*. 28: 208–223.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2016. Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses Towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*. 25 (14): 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2018. Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*. 87 (January): 284–290.
- Fass S. M., Francis J. 2004. Where Have All the Hot Goods Gone? The Role of Pawnshops. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 41 (2): 156–179.
- Feige E. L. 1989. *The Underground Economies*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N., Dauter L. 2007. The Sociology of Markets. *Annual Review of Sociology*. 33: 105–128.
- Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. 1998. The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*. 11 (1): 25–38.
- Forsyth C., Marckese T. A. 1993. Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*. 14 (2): 157–172.
- Gambetta D. 2009. *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gavin M. C., Anderson G. J. 2005. Testing a Rapid Quantitative Ethnobiological Technique: First Steps Towards Developing a Critical Conservation Tool. *Economic Botany*. 59 (2): 112–121.
- Gerkey D. 2011. Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Common. *Anthropology of Work Review*. 32 (2): 77–89.
- Gerkey D. 2013. Cooperation in Context: Public Goods Games and Post-Soviet Collectives in Kamchatka, Russia. *Current Anthropology*. 54 (2): 144–176.
- Glasser B. G., Strauss A. L. 1967. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing.
- Granovetter M., Swedberg R. 2011. Introduction to the Third Edition. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds) *The Sociology of Economic Life*. Boulder, CO: Westview Press; XIII–XLI.
- Hall M. 1996. On By-Catches. *Review of Fish Biology and Fisheries*. 6 (3): 319–352.
- Hann C. 2012. Transition, Tradition, and Nostalgia; Postsocialist Transformations in a Comparative Framework. *Collegium Antropologicum*. 36 (4): 1119–1128.

- Harkonen T. et al. 2008. Pup Production and Breeding Distribution of the Caspian Seal (*Phocacaspica*) in Relation to Human Impacts. *AMBIO*. 37 (5): 356–361.
- Hinnebusch R. 2006. Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An Overview and Critique. *Democratization*. 13 (3): 373–395.
- Hübschle A. M. 2015. *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. 2017a. Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. In: Beckert J., Dewey M. (eds) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford, UK: Oxford University Press; 177–197
- Hübschle A. M. 2017b. The Social Economy of Rhino Poaching: Of Economic Freedom Fighters, Professional Hunters and Marginalized Local People. *Current Sociology*. 65 (3): 427–447.
- Ingham G. 1996. Money is a Social Relation. *Review of Social Economy*. 64 (4): 507–529.
- Jenkins J. 1988. *Beyond the Informal Sector*. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Johnston D. W. et al. 2015. Trends in Stranding and By-Catch Rates of Gray and Harbor Seals along the Northeastern Coast of the United States: Evidence of Divergence in the Abundance of Two Sympatric Phocid Species? *PLoS ONE*. 10 (7): 1–12.
- Kenney M. 2007. *From Pablo to Osama: Trafficking and Terrorist Networks, Government Bureaucracies, and Competitive Adaption*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Lobe K., Berkes F. 2004. The Padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*. 28 (3 May): 271–281.
- MacMillan D. C., Han J. 2011. Cetacean By-Catch in the Korean Peninsula—by Chance or by Design? *Human Ecology*. 39 (6): 757–768.
- Meibom S. von et al. 2010. *Saiga Antelope Trade: Global Trends with a Focus on South-East Asia*. TRAFFIC Project Report to the CITES Secretariat. TRAFFIC Europe. Cambridge, UK: TRAFFIC Europe and CITES. URL: <https://portals.iucn.org/library/node/9668>
- Munck V. de. 2009. *Research Design and Methods for Studying Cultures*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Nuno A., St. John F. A. V. 2015. How to Ask Sensitive Questions in Conservation: A Review of Specialized Questioning Techniques. *Biological Conservation*. 189 (September): 5–15.
- Osborne H., Winstanley M. 2006. Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Rural History*. 17 (2): 187–212.
- Paoli L. 2008. The Decline of the Italian Mafia, in: In: Siegel D., Nelen H (eds) *Organized Crime: Culture, Markets and Policies*. New York: Springer; 15–28.
- Peacock J. L., Holland D. C. 1993. The Narrated Self: Life Stories in Process. *Ethos*. 21 (4): 367–383.

- Read A., Drinker P., Northridge S. 2006. Bycatch of Marine Mammals in US and Global Fisheries. *Conservation Biology*. 20 (1): 163–169.
- Reuter P. 1985. *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ research report. Washington, DC: National Institute of Justice; US Department of Justice.
- Reuter P., Kleiman M. A. R. 1986. Risks and Prices: An Economic-Analysis of Drug Enforcement. *Crime and Justice: An Annual Review of Research*. 7: 289–340.
- Ruban G. I., Khodorevskaya R. P. 2011. Caspian Sea Sturgeon Fishery: A Historic Overview. *Journal of Applied Ichthyology*. 27 (2): 199–208.
- Sandberg S. 2008. Black Drug Dealers in a White Welfare State: Cannabis Dealing and Street Capital in Norway. *British Journal of Criminology*. 48 (5): 604–619.
- Sandberg S. 2012. The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets. *British Journal of Criminology*. 52 (6): 1133–1151.
- Sandberg S., Heith C. 2013. Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*. 43 (2): 176–197.
- Sanjek R. 1990. *Field Notes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press,
- Schneider F., Ernste D. 2002. *The Shadow Economy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Scott J. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Shakesheff K. 2002. Wood and Crop Theft in Rural Herefordshire, 1800–1860. *Rural History*. 13 (1): 1–17.
- Soykan C. U. et al. 2008. Why Study By-Catch? An Introduction to the Theme Section on Fisheries by-Catch. *Endangered Species Research*. 5 (2–3): 91–102.
- Spiro M. E. 1996. Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies. Society and History*. 38 (4): 759–780.
- Sykes G. M., Matza D. 1957. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *American Sociological Review*. 22 (6): 664–670.
- Tulbure N. 2009. Introduction to Special Issue: Global Socialisms and Postsocialisms. *Anthropology of East Europe Review*. 27 (2): 2–18.
- Vaisman A., Fomenko P. 2006. *Siberia's Black Gold: Harvest and Trade in Amur River Sturgeons in the Russian Federation* (Traffic Europe Report). URL: <https://www.traffic.org/site/assets/files/3326/siberias-black-gold-sturgeons.pdf>
- Vanhatalo J. et al. 2014. By-Catch of Grey Seals (*Halichoerus grypus*) in Baltic Fisheries — A Bayesian Analysis of Interview Survey. *PLoS ONE*. 9 (11): 1–16.

- Williamson O. E. 1975. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization*. New York: Free Press.
- Wyatt T. 2009. Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trades. *Global Crime*. 10 (1–2): 144–154.
- Wyatt T. 2011. The Illegal Trade of Raptors in the Russian Federation. *Contemporary Justice Review*. 14 (2): 103–123.
- Zabyelina Y. G. 2014. The “Fishy” Business: A Qualitative Analysis of the Illicit Market in Black Caviar. *Trends in Organized Crime*. 17 (3): 1–18.
- Zaitch D. 2002. *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*. The Hague: Kluwer Law International.

BEYOND BORDERS

Ilya Ermolin

Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach

ERMOLIN, Ilya — Candidate of Sciences (Political Science), Visiting Fellow, joint position in: School of Earth and Environment and School of Biology, University of Leeds, (Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK); Co-director at the Centre of Environmental Crime Studies (Address: Borups Allé 235 B, 3. tv. 2400, Copenhagen NV 2400, Denmark).

Email: ilyaer31@gmail.com

Abstract

The paper describes how the deliberate by-catch of the Caspian seals in Dagestan, Russia has given to a rise in illegal wildlife trade (IWT) in the region after the sturgeon population, as the most valuable commodity for local markets, critically declined. The data were derived from using a set of anthropological and sociological methods and approaches, including semi-structured interviews (SSIs), focus groups, direct observations reflected in field notes, the life-story approach, and “grounded theory”, based on a study of sturgeon poaching conducted by the author since 2012. Although the author subdivided the local IWT into four stages that cover the coastal, piedmont areas, and highlands of Dagestan, in this article, he deepens the readers’ knowledge of the first two stages of IWT in the coastal areas. For a better understanding of the nature of regional IWT, the notion of an autonomous community is introduced. Several examples have been chosen for description: the inclusion of seals resulting from by-catch in new informal contractual relations between young fishers and boat owners, the illegal

taking of the fishers sentenced in Kazakhstan, the ransom for the release of fishers sentenced in Kazakhstan (“Kazakh captivity”), the buying of the seals’ carcasses and skins, its initial processing, and the further resale of skins to craftsmen from the mountainous areas of Dagestan. The author argues that the birth of the IWT in the regions is closely linked to the emergence of the local autonomous resource-extracting community, following the breakup of the USSR, where the Sturgeon Fishing Brigade (SFB; the first stage of IWT) and the seals’ middlemen (the second stage of IWT) play the most important roles as social entities. Autonomous community helps the young fishers of the SFB to perceive illegality as an a priori phenomenon, which was facilitated by the long-term absence of the state as the main regulator of social and economic processes. Hence, there is no sense in considering the dichotomy of “legality-illegality” as a research problem when dealing with IWT as a by-product of the autonomous resource extracting community. Results also show that different types of reciprocity and redistribution serve as the main regulatory tools in conducting economic transactions among parties involved in the coastal and highlands IWT structures. The reciprocal ties are partly based on either reputation (in the case of the middlemen) a moral obligations (in the case of the SFB).

Keywords: autonomous community; illegal wildlife trade (IWT); by-catch; Caspian Sea; poaching; reciprocity.

Acknowledgements

This work was supported by the Committee for Exploration and Research of the US National Geographic Society (Grant no W 271-13).

Reference

- Acemoglu D., Robinson J. (2001) A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*, vol. 91, no 4, pp. 938–963.
- Anikaeva E. A. (2008) Osnovnye podkhody k issledovaniyu deneg v sotsiologii. [The Main Approaches towards the Study of Money in Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 1, pp. 114–124. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2008-9-1/26591057.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Beckert J. (2009) The Social Order of Markets. *Theory and Society*, vol. 38, no 3, pp. 245–269.
- Beckert J. (2010) How do Fields Change? The Interrelations of Institutions, Networks, and Cognition in the Dynamics of Markets. *Organization Studies*, vol. 31, no 5, pp. 605–627.
- Beckert J., Wehinger F. (2013) In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no 1, pp. 5–30.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, vol. 16, no 2, pp. 399–418.
- Boeke J. H. (1942) *Economies and Economic Policy in Dual Societies*, Haarlem: TjeenkWillnik.
- Brymer R. (1991) The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*, vol. 33, no 1–2, pp. 177–194.
- Bruner J. (2004) Life as Narrative. Social Research. *An International Quarterly*, vol. 71, no 3, pp. 691–710.
- Bunnefeld N., Edwards C. T. T., Atickem A., Hailu F., Milner-Gulland E. J. (2013) Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*, vol. 27, no 6, pp. 1344–1354.
- Burt R. S. (1992) *Structural Holes: The Social Structure of Competition*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Castells M. (1999) Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*, vol. 20, no 4, pp. 294–302.
- Cohen A. (1997) Sturgeon Poaching and Black Market Caviar: A Case Study. *Environmental Biology of Fishes*, vol. 48, iss. 1–4, pp. 423–426.
- Davydov V. (2014) Fishery in ‘Free Spaces’: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki village. *Polar Record*, vol. 50, no 255, pp. 379–390.
- De Munck V. (2009) *Research design and Methods for Studying Cultures*, Lanham, MD: AltaMira Press.
- De Soto E. (2008) *Inoy put’*. *Ekonomicheskiiy otvet terrorizmu* [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism], Moscow: Sotsium (in Russian).
- DeWalt K., DeWalt B. R. (2011) *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*, Lanham, MD: AltaMira Press.

- Dewey M. (2011) *Fragile States, Robust Structures: Illegal Police Protection in Buenos Aires*, Hamburg: German Institute of Global and Area Studies.
- Dewey M. (2014) *Crisis and the Emergence of Illicit Markets*. MPIfG Discussion Paper, Cologne: Max Planck Institute for the Study of Societies.
- Dmitrieva L., Kondakov A. A., Oleynikov E., Kydyrmanov A., Karamendin K., Kasimbekov Y., Goodman S. J. (2013) Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*, vol. 8, no 6, pp. 1–7.
- Dmitrieva L., Härkönen T., Baimukanov M., Bignert A., Jüssi I., Jüssi M., Kasimbekov Y., Verevkin M., Vysotskiy V., Wilson S., Goodman S. J. (2015) Inter-Year Variation in Pup Production of Caspian Seals (*Pusacaspica*) 2005–2012 Determined from Aerial Surveys. *Endangered Species Research*, vol. 28, pp. 208–223.
- Eggertsson T. (2001) *Ekonomicheskoe povedenie i instituty* [Economic Behavior and Institutions], Moscow: Delo (in Russian).
- Ermolin I. V. (2015) Protsessy kommunal'nogo samoregulirovaniya "neformal'noy" ekonomiki (na primere pribrezhnogo rybolovstva v Sulake, Respublika Dagestan [Communal Self-Regulation of "Informal" Economy: Evidences from Northern Dagestan in Russia]. *Ekonomicheskaja politika = Economic Policy*, vol. 10, no 1, pp. 159–176 (in Russian).
- Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*, vol. 25, no 14, pp. 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2018) Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*, vol. 87, January, pp. 284–290.
- Fass S. M., Janice F. (2004) Where Have All the Hot Goods Gone? The Role of Pawnshops. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, vol. 41, iss. 2, pp. 156–179.
- Feige E. L. (1989) *The Underground Economies*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N., Dauter L. (2007) The Sociology of Markets. *Annual Review of Sociology*, vol. 33, pp. 105–128.
- Forsyth C., Gramling R., Wooddell G. (1998) The Game of Poaching: Folk Crimes in Southwest Louisiana. *Society and Natural Resources*, vol. 11, no 1, pp. 25–38.
- Forsyth C., Marckese T. A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, vol. 14, no 2, pp. 157–172.
- Gambetta D. (2009) *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gavin M. C., Anderson G. J. (2005) Testing a Rapid Quantitative Ethnobiological Technique: First Steps Towards Developing a Critical Conservation Tool. *Economic Botany*, vol. 59, no 2, pp. 112–121.

- Geertz K. (2009) Bazarnaya ekonomika: informatsiya i poisk v krest'yanskom marketinge [The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 10, no 2, pp. 54–61. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-2/26594126.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Gerkey D. (2011) Abandoning Fish: The Vulnerability of Salmon as a Cultural Resource in a Post-Soviet Commons. *Anthropology of Work Review*, vol. 32, no 2, pp. 77–89.
- Gerkey D. (2013) Cooperation in Context: Public Goods Games and Post-Soviet Collectives in Kamchatka, Russia. *Current Anthropology*, vol. 54, no 2, pp. 144–176.
- Glasser B. G., Strauss A. L. (1967) *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, Chicago: Aldine Publishing.
- Granovetter M. (2002) Ekonomicheskoe deystvie i sotsialnaya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 3, pp. 44–59. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Granovetter M., Swedberg R. (2011) Introduction to the Third Edition. *The Sociology of Economic Life* (eds. M. Granovetter, R. Swedberg), Boulder, CO: Westview Press, pp. XIII–XLI.
- Hart K. (1999) Neformal'nye dokhody i gorodskaya zanyatost' v Gane [Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana]. *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 532–537 (in Russian).
- Hall M. (1996) On By-Catches. *Review of Fish Biology and Fisheries*, vol. 6, iss. 3, pp. 319–352.
- Hann C. (2012) Transition, Tradition, and Nostalgia; Postsocialist Transformations in a Comparative Framework. *Collegium Antropologicum*, vol. 36, no 4, pp. 1119–1128.
- Harkonen T., Jussi M., Baimukanov M., Bignert A., Dmitrieva L., Kasimbekov Y., Verevkin M., Wilson S., Goodman S. J. (2008) Pup Production and Breeding Distribution of the Caspian Seal (*Phocacaspica*) in Relation to Human Impacts. *AMBIO*, vol. 37, no 5, pp. 356–361.
- Hinnebusch R. (2006) Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An Overview and Critique. *Democratization*, vol. 13, no 3, pp. 373–395.
- Hübschle A. M. (2015) *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. (2017a) Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy* (eds. J. Beckert, M. Dewey), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 177–197
- Hübschle A. M. (2017b) The Social Economy of Rhino Poaching: Of Economic Freedom Fighters, Professional Hunters and Marginalized Local People. *Current Sociology*, vol. 65, no 3, pp. 427–447.
- Ingham G. (1996) Money is a Social Relation. *Review of Social Economy*, vol. 64, no 4, pp. 507–529.

- Jenkins J. (1988) *Beyond the Informal Sector*, San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Johnston D. W., Frungillo J., Smith A., Moore K., Sharp B., Schuh J., Read A. (2015) Trends in Stranding and By-Catch Rates of Gray and Harbor Seals along the Northeastern Coast of the United States: Evidence of Divergence in the Abundance of Two Sympatric Phocid Species? *PLoS ONE*, vol. 10, no 7, pp. 1–12.
- Kapelyushnikov R. I. (2005) Dekonstruiruya Polani: zametki na polyakh “velikoy transformatsii” [Deconstruction of Polanyi: Notes in the Margins of “Great Transformation”]. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, no 3, pp. 5–36 (in Russian).
- Kenney M. (2007) *From Pablo to Osama: Trafficking and Terrorist Networks, Government Bureaucracies, and Competitive Adaptation*, University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Levi-Stross K. (2011) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology], Moscow: AST; Astrel (in Russian).
- Lobe K., Berkes F. (2004) The padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*, vol. 28, iss. 3 (May), pp. 271–281.
- MacMillan D. C., Han J. (2011) Cetacean By-Catch in the Korean Peninsula—by Chance or by Design? *Human Ecology*, vol. 39, iss. 6, pp. 757–768.
- Moreno J. L. (2001) *Sotsiometriya. Eksperimental’nyy metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry, Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation], Moscow: Akademicheskiy proekt (in Russian).
- Moss M. (1996) *Ocherk o dare. Obshchestva. Obmen. Lichnost’: Trudy po sotsial’noy antropologii* [The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies], Moscow: Izdatel’skaya firma “Vostochnaya literatura” (in Russian).
- North D. (1997) *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow: Fond ekonomicheskikh knig “Nachala” (in Russian).
- Nuno A., St. John F. A. V. (2015) How to Ask Sensitive Questions in Conservation: A Review of Specialized Questioning Techniques. *Biological Conservation*, no 189 (September), pp. 5–15.
- Osborne H., Winstanley M. (2006) Rural and Urban Poaching in Victorian England. *Rural History*, vol. 17, no 2, pp. 187–212.
- Ostrom E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action], Moscow: IRISEN (in Russian).
- Paoli L. (2008) The Decline of the Italian Mafia. *Organized Crime: Culture, Markets and Policies* (eds. D. Siegel, H. Nelen), New York: Springer, pp. 15–28.
- Peacock J. L., Holland D. C. (1993) The Narrated Self: Life Stories in Process. *Ethos*, vol. 21, no 4, pp. 367–383.

- Polanyi K. (2002). *Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskiye istoki nashego vremeni* [Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Polanyi K. (2010) *Izbrannye raboty* [Selected Works], Moscow: Territorija budushhego (in Russian).
- Portes A. (2003) Neformal'naya ekonomika i ee paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 4, no 5, pp. 34–54. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Read A., Drinker P., Northridge S. (2006) Bycatch of Marine Mammals in US and Global Fisheries. *Conservation Biology*, vol. 20, no 1, pp. 163–169.
- Reuter P. (1985) *The Organization of Illegal Markets: An Economic Analysis*. NIJ research report, Washington, DC: National Institute of Justice, US Department of Justice.
- Reuter P., Kleiman M. A. R. (1986) Risks and Prices: An Economic-Analysis of Drug Enforcement. *Crime and Justice: An Annual Review of Research*, vol. 7, pp. 289–340.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Life-Story Approach in Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ruban G. I., Khodorevskaya R. P. (2011) Caspian Sea Sturgeon Fishery: A Historic Overview. *Journal of Applied Ichthyology*, vol. 27, iss. 2, pp. 199–208.
- Salins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone-Age Economy], Moscow: OGI (in Russian).
- Sandberg S. (2008) Black Drug Dealers in a White Welfare State: Cannabis Dealing and Street Capital in Norway. *British Journal of Criminology*, vol. 48, no 5, pp. 604–619.
- Sandberg S. (2012) The Importance of Culture for Cannabis Markets: Towards an Economic Sociology of Illegal Drug Markets. *British Journal of Criminology*, vol. 52, no 6, pp. 1133–1151.
- Sandberg S., Heith C. (2013) Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*, vol. 43, iss. 2, pp. 176–197.
- Sanjek R. (1990) *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Schneider F., Ernste D. (2002) *The Shadow Economy*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Shakesheff K. (2002) Wood and Crop Theft in Rural Herefordshire, 1800–1860. *Rural History*, vol. 13, no 1, pp. 1–17.
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoy Rossii [Ex-Polar Structures and Informal Economy in Present-Day Russia]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 11–32 (in Russian).

- Soykan C. U., Moore J. E., Zydalis R., Crowder L. B., Safina C., Lewison R. L. (2008) Why Study By-Catch? An Introduction to the Theme Section on Fisheries By-Catch. *Endangered Species Research*, vol. 5, no 2–3, pp. 91–102.
- Spiro M. E. (1996) Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies. Society and History*, vol. 38, no 4, pp. 759–780.
- Starodubrovskaya I. V. (2015) Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noy transformatsii [Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, vol. 10, no 3, pp. 68–88 (in Russian).
- Starodubrovskaya I. V. (2016) Sotsialnaya transformatsiya i mezhpokolencheskiy konflikt (na primere Severnogo Kavkaza) [Social Transformation and Intergenerational Conflict (the Example of North Caucasus)]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no 6, pp. 111–124 (in Russian).
- Sykes G. M., Matza D. (1957) Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *American Sociological Review*, vol. 22, no 6, pp. 664–670.
- Tulbure N. (2009) Introduction to Special Issue: Global Socialisms and Postsocialisms. *Anthropology of East Europe Review*, vol. 27, no 2, pp. 2–18.
- Vaisman A., Fomenko P. (2006) *Siberia's Black Gold: Harvest and Trade in Amur River Sturgeons in the Russian Federation (Traffic Europe Report)*. Available at: <https://www.traffic.org/site/assets/files/3326/siberias-black-gold-sturgeons.pdf> (accessed 9 January 2019).
- Vanhatalo J., Vetemaa M., Herrero A., Aho T., Tiilikainen R. (2014) By-Catch of Grey Seals (*Halichoerus grypus*) in Baltic Fisheries — A Bayesian Analysis of Interview Survey. *PLoS ONE*, vol. 9, no 11, pp. 1–16.
- Von Meibom S., Vaisman A., Neo Liang S. H., Ng J., Xu H. (2010) *Saiga Antelope Trade: Global Trends with a Focus on South-East Asia. TRAFFIC project report to the CITES Secretariat*. TRAFFIC Europe. Available at: <https://portals.iucn.org/library/node/9668> (accessed 9 January 2019).
- Wyatt T. (2009) Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trades. *Global Crime*, vol. 10, no 1–2, pp. 144–154.
- Wyatt T. (2011) The Illegal Trade of Raptors in the Russian Federation. *Contemporary Justice Review*, vol. 14, no 2, pp. 103–123.
- Zabyelina Y. G. (2014) The “Fishy” Business: A Qualitative Analysis of the Illicit Market in Black Caviar. *Trends in Organized Crime*, vol. 17, no 3, pp. 1–18.
- Zaitch D. (2002) *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*, The Hague: Kluwer Law International.
- Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [Making the Money]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 4, pp. 58–72 (in Russian).
- Zherebcov M. V. (2004) Metod “Grounded Theory” kak metod kachestvennogo analiza dannykh [«Grounded Theory» as the Method of Qualitative Data Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sot-*

siologiya i politologiya = *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no 1, pp. 89–105 (in Russian).

Received: January 3, 2018

Citation: Ermolin I. (2019) Predumyshlennyy prilov kaspiyskogo tyulenyaya i razvitie nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sotsiologicheskii podkhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 83–122. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-83-122 (in Russian).

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Л. В. Богомазова

Экономический кризис в российских СМИ: конструирование и деконструирование проблем

БОГОМАЗОВА
Людмила Вадимовна — студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук, стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: lbogomazova@hse.ru

В данной статье анализируется процесс конструирования представлений об экономическом кризисе в российских онлайн-изданиях. Важность обращения к подобной теме объясняется повышением внимания аудитории к экономическим дискуссиям в СМИ в период экономической нестабильности и соответственно увеличением влияния средств массовой информации на восприятие ситуации в стране.

В качестве теоретической рамки исследования используется конструктивистский подход к анализу социальных проблем — именно в терминах этого подхода рассматривается в проведённом исследовании экономический кризис. Для выявления стратегий депроблематизации экономического кризиса применяется классификация контрриторических стратегий П. Ибарры и Дж. Китсьюза.

Для достижения поставленной цели применён содержательный контент-анализ, включающий подсчёт упоминаний и тематический анализ, а также новый и развивающийся в медиаисследованиях сетевой метод.

В результате исследования было выявлено, что наибольшее внимание в онлайн-изданиях уделяется антироссийским санкциям, инфляции и курсу рубля. В то же время социальные последствия кризиса, такие как бедность и безработица, представлены в медиа в значительно меньшей степени. Сетевой анализ также продемонстрировал, что в СМИ делается акцент на курсе рубля и доллара, санкциях и кредитах. Согласно теории сетевой повестки дня, эти «связки» экономических событий в публикации способны сформировать у аудитории определённые ассоциации относительно причин кризиса, его виновников и последствий. Так, рост цен может быть вызван ослаблением курса рубля, а санкции — являться одной из причин кризиса.

Что касается депроблематизации экономического кризиса, то контрриторические стратегии (декларация бессилия, перспективизация, опровергающие истории, контрриторика неискренности) были выявлены лишь в массовом онлайн-издании.

Ключевые слова: СМИ; экономический кризис; экономические проблемы; информационная повестка дня; социальные проблемы; депроблематизация; сетевой подход.

Введение

Во второй половине 2014 г. Россия столкнулась с рядом экономических трудностей, которые впоследствии привели к событиям «чёрного вторника» — обвальному падению курса рубля по отношению к доллару США и евро. В числе факторов, оказавших влияние на экономический спад в России, — снижение мировых цен на нефть, введение антироссийских санкций как ответная реакция на присоединение Крыма к России, а также несостоятельность сырьевой модели развития экономики в целом [The Economic and Financial Crisis... 2015]. В результате данные изменения экономической ситуации оказались в фокусе внимания российских СМИ.

Ожидание роста потребительских цен и страх потери сбережений стали основными причинами ажиотажного спроса населения на товары длительного пользования в предкризисный период. Индекс потребительского доверия в первом полугодии 2014 г. составил 47 пунктов, продемонстрировав резкое падение почти в три раза в начале 2015 г. [Индекс потребительского доверия 2015]. Позднее стратегия «бегство от денег» начинает использоваться реже ввиду ухудшения материального положения населения. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения устойчиво снижались [Реальные располагаемые денежные доходы... 2017]. Такие экономические показатели, как темпы роста ВВП и объём промышленного производства, уровень инфляции и безработицы [Российская экономика 2016], также свидетельствуют об экономическом спаде в России в 2015–2016 гг. Кроме того, в рассматриваемый период значительно возрастает доля бедных людей [Овчарова 2017].

На субъективные оценки населения относительно экономической ситуации в стране влияют не только личный опыт взаимодействия с проблемой, но и средства массовой информации. Именно в периоды экономического спада повышаются внимание и интерес аудитории к экономическим новостям [Wu et al. 2002]. Являясь посредником между властью и обществом, СМИ способны транслировать взгляды не только самих журналистов, но и иных групп интересов, в том числе представителей политической элиты [Кольцова 2000]. Например, позитивные публикации о выходе России из кризиса или аргументы, подчёркивающие благоприятность текущей ситуации, могут способствовать депроблематизации происходящего и оказывать при этом воздействие на общественное мнение [Ибарра, Китсьюз 2007]. Кроме того, основываясь на ряде медиаисследований [Media Coverage... 2015; Wu et al. 2002], можно сделать вывод о том, что СМИ способны влиять на социальное самочувствие населения, потребительские и сберегательные настроения. Особенно заметной роль массовых коммуникаций становится в период экономической нестабильности, когда у населения отсутствуют альтернативные источники информации о быстро изменяющейся реальности. Например, именно панические публикации, посвящённые обвалу курса рубля, способствовали росту потребления товаров длительного пользования зимой 2014 г. [Россияне на фоне ослабления рубля... 2014].

Таким образом, фокусом данного исследования является конструирование образа экономического кризиса с середины 2014 г. по конец 2016 г. в российских онлайн-изданиях. Полученные результаты позволяют определить интенсивность освещения экономических проблем России, их место в информационной повестке дня, а также способы смягчения восприятия экономической ситуации.

Теоретическая основа исследования

Социальная проблема с точки зрения конструктивистского подхода

В данном исследовании экономический кризис рассматривается как социальная проблема с точки зрения конструктивистского подхода. Традиционно природа социальных проблем объясняется с опорой на подход социальной дезорганизации и функционалистский подход [Ясавеев 2006]. Общей чертой

этих подходов является приверженность объективизму: социальные проблемы воспринимаются как некоторые существующие в реальности условия, ситуации. Яркими представителями первого подхода являются У. Томас и Ф. Знанецкий, понимающие под социальной дезорганизацией снижение значения существующих в обществе правил и норм поведения для отдельных индивидов [Томас, Знанецкий 2001]. С точки зрения функционалистского подхода под социальной проблемой понимается некоторая дисфункция, отклонение от «нормального» состояния, приводящее к нарушению функционирования общества. Основная задача социологии, согласно данному подходу, заключается в выявлении и изучении этого разрушительного поведения.

Одними из первых среди теоретиков указали на значение не только объективного условия, но и субъективного определения социальной проблемы Р. Фуллер и Р. Майерс [Фуллер, Майерс 2001]. Согласно им, одна и та же неблагоприятная ситуация может по-разному восприниматься индивидами, поэтому для идентификации социальной проблемы становится важным её *признание* таковой большинством людей. За этапом осознания социальной проблемы следует определение политики по её устранению — обсуждаются средства достижения целей, обостряется конфликт ценностей, затем осуществляется заданный курс.

Становление конструктивистского подхода, в основе которого лежит субъективный компонент проблемных ситуаций, происходило в работах Г. Блумера, М. Спектора и Дж. Китсьюза начала 1970-х гг. (см. подробнее: [Schneider 1985]).

Основываясь на идее коллективного определения социальных проблем [Блумер 2001], можно сделать вывод о том, что чёткие критерии причисления тех или иных объективных условий к пагубным отсутствуют. По этой причине задача социологии заключается в изучении «процесса, посредством которого общество признаёт социальные проблемы» [Блумер 2001: 152]. Блумер выделяет пять основных стадий определения социальной проблемы: (1) возникновение проблемы; (2) легитимация проблемы; (3) мобилизация действий; (4) формирование официального плана действия; (5) трансформация действия в ходе реализации. Особое внимание социолога обращено ко второму этапу, поскольку далеко не все проблемы получают общественное признание. Большое значение в данном случае имеют влиятельные организации и группы интересов, прилагающие усилия для легитимации проблемных ситуаций. Они же могут оказывать влияние на изменение заданного плана решения проблемы.

Фокус внимания Спектора и Китсьюза, вслед за Блумером, перемещается к субъективному восприятию социальных проблем [Спектор, Китсьюз 2001]. За определение социальной проблемы, согласно этим авторам, отвечает не общество в целом, а его отдельные группы, недовольные текущим положением дел. Они осуществляют деятельность по выдвижению утверждений требовательного характера (*claims-making activity*), которая подразумевает ответную реакцию институтов и органов государственной власти в виде мер по устранению *предполагаемой* неблагоприятной ситуации. Примерами утверждений-требований служат такие виды гражданской активности, как участие в протестах и митингах, публикации в СМИ, петиции и обращения в суд. При этом ввиду многочисленных способов трактовки социальной проблемы существует конкуренция за контроль над её определением, и влиятельные группы оказываются в более благоприятном положении. Однако деятельность по выдвижению утверждений-требований не всегда приводит к реагированию на них со стороны правительства. Этому могут способствовать так называемые контрриторические стратегии, нацеленные на отрицание наличия социальной проблемы или отказ от принятия политики по ее устранению. П. Ибарра и Дж. Китсьюз выделяют две группы подобных стратегий — сочувствующую (признание ситуации в качестве проблемной, но отказ от ее решения) и несочувствующую контрриторику (дискредитация выдвигаемых утверждений требовательного характера, отказ от признания проблемы как таковой) [Ибарра, Китсьюз 2007]. Данная классификация будет использована в работе для выявления способов смягчения восприятия экономической ситуации в российских СМИ (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды контрриторических стратегий

Вид контрриторики	Комментарий
Сочувствующая контрриторика	
Натурализация	Отрицается необходимость исправления социальной проблемы; проблематизируемое условие представляется как естественное и неизбежное.
Контрриторика затрат исправления	Решение социальной проблемы невозможно ввиду высоких издержек.
Декларация бессилия	Решение социальной проблемы невозможно ввиду отсутствия необходимых для этого ресурсов — времени, бюджета, власти.
Перспективизация	«Утверждения-требования» — точка зрения и (или) мнение людей, не отражающие действительность.
Критика тактики	Отрицаются сами способы выдвижения «утверждений-требований» «недовольными» группами.
Несочувствующая контрриторика	
Антитипизация	Выдвигаемые «утверждения-требования» относятся к отдельным и редким инцидентам.
Опровергающие истории	Приведение аргументов против существования социальной проблемы.
Контрриторика неискренности	Группа, выдвигающая «утверждения-требования», обвиняется в извлечении выгоды от признания социальной проблемы.
Контрриторика истерии	Группа, выдвигающая «утверждения-требования», обвиняется в приверженности своим «ложным» представлениям, в действиях под влиянием эмоций.

Источник: составлено автором статьи на основе: [Ибарра, Китсьюз 2007].

Основываясь на представленных выше работах, мы будем придерживаться конструктивистского подхода к анализу природы и развития социальных проблем и учитывать возможность влияния определённых групп и организаций на их определение.

Роль СМИ в установлении информационной повестки дня

Особое место в определении социальной проблемы занимают средства массовой информации. Являясь ареной публичного дискурса, они способны не только привлечь внимание к конкретной ситуации, но и сформировать у аудитории определённое мнение о ней. Содержательно близкой к конструктивистскому подходу оказывается теория повестки дня, предложенная М. Маккомбсом и Д. Шоу [McCombs, Shaw 1972]. По их мнению, СМИ не только предоставляют информацию аудитории, но и формируют представления о степени важности тех или иных проблем. Издания могут замалчивать какие-то события или акцентировать внимание аудитории на определённых темах, устанавливая тем самым информационную повестку дня. Эмпирическим подтверждением служит проведённое этими авторами исследование выборов в США 1968 г. В результате исследования была получена высокая связь между освещаемыми в СМИ темами и представлениями избирателей об основных проблемах на момент проведения исследования. В дальнейшем разрабатывается подход установления повестки дня второго уровня (см.: [Kiousis, McCombs 2004]), подразумевающий обращение не к объектам (политики, события, проблемы), а к их атрибутам (черты, мнение, квалификации) и анализ влияния тона освещения этих атрибутов на восприятие объектов аудиторией. Несколько позже была также предложена теория

сетевой повестки дня [McCombs, Shaw, Weaver 2014], согласно которой СМИ освещают не отдельные объекты и их атрибуты, а связки этих событий, благодаря чему они вызывают у населения определённые ассоциации.

Помимо СМИ, на формирование общественного мнения оказывает воздействие личный опыт. Вопросы, в отношении которых у населения отсутствует личный опыт, были названы ненавязчивыми (*unobtrusive issues*); навязчивыми (*obtrusive issues*), соответственно, являются проблемы, с которыми население сталкивалось непосредственно [McCombs, Graber, Weaver 1981]. Применяя данную классификацию к экономическим процессам, ненавязчивыми мы будем считать вопросы макроэкономики (например, ВВП), навязчивыми — потребительские цены. При наличии у человека опыта взаимодействия с теми или иными проблемами влияние СМИ на общественное мнение по данным вопросам оказывается ниже.

Влияние СМИ на экономическое поведение населения

Особенностью экономических дискуссий в СМИ является преобладание негативного тона [Harrington 1989; Nadeau, Niemi, Amato 1999; Blondheim, Segev, Cabrera 2015], что соответствует критериям отбора вопросов для освещения. Согласно теории публичных арен [Хилгартнер, Боск 2008], сочетание факта и эмоций, наличие драмы — ключевые показатели высокой вероятности включения социальной проблемы в публичную повестку дня. Анализ публикаций информагентства ВВС в период мирового экономического кризиса 2008 г. [Schifferes, Coulter 2012] продемонстрировал негативный уклон в освещении новостей на протяжении всего рассматриваемого периода. Исключением стало начало экономических трудностей, когда «отсутствовало чёткое понимание глубины и масштабов кризиса» [Schifferes, Coulter 2012: 244].

Полнота и содержание новостей об экономическом кризисе может варьироваться в зависимости от типа СМИ. По данным некоммерческой организации Pew Research Center, печатным и онлайн-изданиям свойственно обеспечение баланса мнений и привлечение большого количества источников [How Economic Coverage... 2009]. В более трети газет за рассмотренный период на первой полосе опубликован материал о текущей экономической ситуации в стране. Фокусом внимания телевидения стали последствия кризиса для населения, в то время как радио сосредоточилось преимущественно на политических аспектах рецессии.

Освещение экономических новостей в СМИ является хорошим предиктором восприятия экономической ситуации во время кризиса [Wu et al. 2002]. При этом в период стабилизации экономики связь между общественными оценками, реальной экономической ситуацией и её освещением печатной прессой может отсутствовать.

Влияние СМИ на экономику не ограничивается микроуровнем; инвесторы, например, редко принимают решения о сделках, полагаясь лишь на собственные оценки активов [Yang, Lin, Yi 2017]. Особое значение приобретают внешние источники информации, в числе которых сообщения в СМИ. Эти последние, в частности — деловые и бизнес-издания, распространяют специализированные знания и способны отчасти сгладить проблему асимметрии информации. Влияние СМИ на принятие решений инвесторами при этом оказывается неравномерно: на растущем рынке они в большей мере уделяют внимание оптимистичным новостям, игнорируя негативный уклон, тогда как в отношении падающих рынков верно обратное. Внимание СМИ к деятельности корпораций также находит отражение в политике этих компаний и их дальнейшей рыночной деятельности [Довбыш 2011]. Так, достоверные публикации о злоупотреблениях фирмы способны негативно сказаться на её репутации, прибыли и положении на рынке в целом, поэтому СМИ в данном случае могут оказаться эффективным механизмом «исправления ошибок» корпораций.

Методология исследования

В данном исследовании мы проанализируем процесс конструирования представлений об экономическом кризисе в российских онлайн-изданиях на протяжении двух с половиной лет (с августа 2014 г. по декабрь 2016 г.).

Выбор начальной границы временного интервала объясняется несколькими причинами. Во-первых, в рассматриваемом году наблюдалось падение темпа роста ВВП по сравнению с 2013 г. [Российская экономика 2016]. Во-вторых, именно во второй половине 2014 г. был введён пакет санкций в отношении российских предприятий [Казун 2016]. Наконец, для анализируемого года характерно снижение цен на нефть, которое наблюдалось до начала 2016 г. [Динамика цен... 2017]. Таким образом, несмотря на то что «чёрный вторник» произошёл в декабре 2014 г., экономические проблемы в стране начались несколько раньше, поэтому в анализе учитывается предшествующий кризису период. Выбор конечной точки анализируемого периода связан с относительной стабилизацией экономической ситуации в стране к концу рассматриваемого периода, что подтверждается макроэкономическими показателями [Российская экономика 2016].

В рамках данного исследования будут решаться три задачи:

- *задача 1*: проанализировать динамику освещения отечественными онлайн-изданиями¹ экономических проблем в России в 2014–2016 гг.;
- *задача 2*: определить место различных экономических проблем, упоминаемых российскими онлайн-изданиями (безработица, инфляция, курс рубля, доходы населения, потребительские цены), и представителей власти в информационной повестке дня;
- *задача 3*: выявить преобладающие стратегии депроблематизации экономического кризиса в российских онлайн-изданиях различной информационной направленности (массовые, деловые, общественно-политические).

Информационная база исследования основывается на материалах таких ресурсов, как «Медиалогия», «Интегрум» и «Фактива». Каждый из указанных источников информации имеет свои преимущества и позволяет получить данные о том или ином аспекте освещения экономического кризиса.

В российскую базу данных «Медиалогия» входят более 40 тыс. российских источников. Путём машинной обработки рассчитывается МедиаИндекс, учитывающий такие характеристики, как влияние СМИ, место и размер публикации, а также её тон. Таким образом, при необходимости «Медиалогия» позволяет отобрать наиболее заметные позитивные и негативные упоминания исследуемого объекта, а также проследить динамику изменения отношения к нему в наиболее влиятельных СМИ.

База данных «Интегрум» также включает более 60 тыс. источников — федеральных и региональных изданий, телеканалов, радиостанций. Обращение к данной базе будет осуществлено с целью построения матрицы взаимных упоминаний экономических проблем в федеральной прессе и её визуализации (сетевой подход).

¹ Выбор именно онлайн-изданий объясняется их растущим влиянием. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), за последние пять лет доля людей, узнающих новости преимущественно на новостных сайтах, заметно увеличилась [Источники информации... 2017].

«Фактива» — один из наиболее крупных глобальных цифровых бизнес-агрегаторов в мире; содержит широкий набор источников, включая сообщения около 33 тыс. зарубежных и российских СМИ.

Динамика освещения экономических проблем в России будет прослеживаться в пяти наиболее цитируемых российских онлайн-изданиях. Именно такие источники оказываются наиболее влиятельными и соответственно формирующими информационную повестку дня. Согласно рейтингу «Медиалогии» [Топ-10 самых цитируемых... 2018], в 2018 г. наиболее влиятельными СМИ являются «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «Комсомольская правда». Для обеспечения гетерогенности выборки выявление стратегий депроблематизации будет осуществляться в следующих онлайн-изданиях различной информационной направленности: «Известия» (общественно-политическое), «Коммерсантъ» (деловое) и «Комсомольская правда» (массовое). Количество отобранных для анализа публикаций в них составляет 86, 124, 75 соответственно.

В рамках данного исследования применён содержательный контент-анализ, включающий подсчёт упоминаний и тематический анализ. Выбранный метод обусловлен наличием обширного по объёму не-систематизированного материала по изучаемой тематике и определённой частотой упоминания экономического кризиса в СМИ.

Единица анализа — публикация в онлайн-издании, посвящённая экономическому кризису 2014–2016 гг. в России.

Анализ публикаций будет осуществлён с применением как манифестного кодирования [Семёнова, Корсунская 2010], нацеленного на подсчёт количества публикаций с упоминанием ключевых слов, так и латентного кодирования, позволяющего определить неявные значения и смыслы анализируемых публикаций (стратегии депроблематизации).

Поиск публикаций для анализа различается в зависимости от задач исследования. Так, для задачи 1 будет осуществлён запрос экономических проблем — «инфляция» или «рост цен», «безработица», «доходы населения», «бедность», «курс доллара» или «курс евро», «цены на нефть», «санкции» или «антироссийские меры» с целью отслеживания динамики их упоминаний.

Для решения задачи 2 будет использован относительно новый в медиаисследованиях сетевой метод. Первые работы, выполненные в русле теории сетевой повестки дня, появились только в 2014 г. [McCombs, Shaw, Weaver 2014]. Построение сети будет осуществлено в программе Gephi.

Для задачи 3 будет применён поиск публикаций по запросам «экономический кризис» или «кризис и экономика» или «рецессия» или «стагнация» или «спад», так как внимание в данном случае обращено к конструированию именно экономического кризиса. Отбор публикаций для этих задач основан на следующих критериях: соответствие статей выбранному временному интервалу и тематике (речь в публикации идёт об экономическом кризисе) и отношении к экономической ситуации именно в России. Статьи, не подходящие по заданным параметрам, будут исключены из дальнейшего анализа.

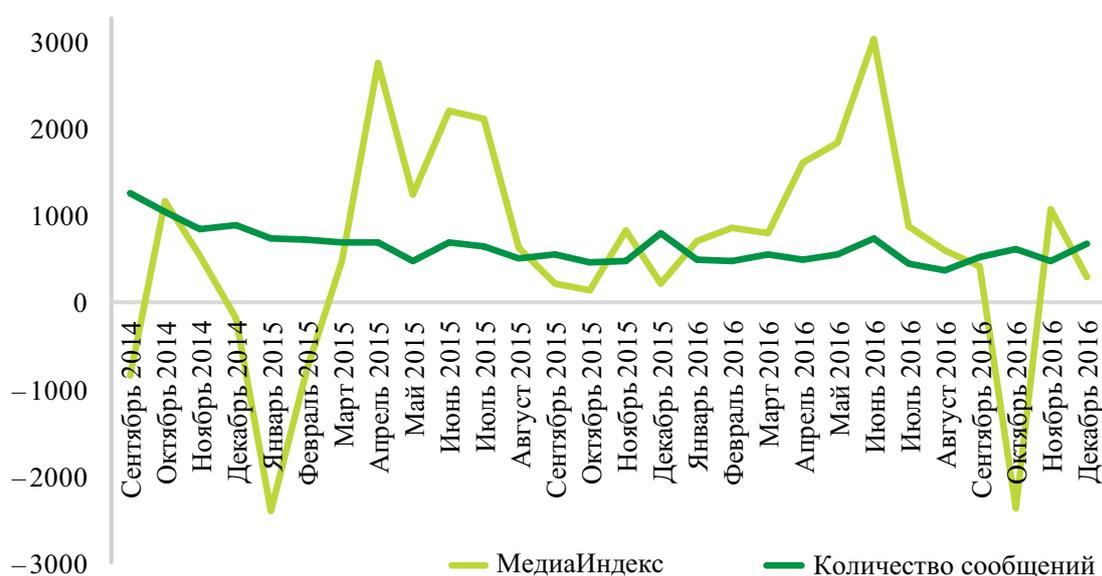
Освещение экономического кризиса в российских СМИ

Динамика упоминания российскими онлайн-изданиями экономических проблем в России

Экономические проблемы России на несколько лет оказались в фокусе внимания онлайн-изданий («Известий», «Коммерсанта», «Ведомостей», «Российской газеты» и «Комсомольской правды»). Сравнивая

количество сообщений с упоминанием важнейших событий 2015–2016 гг. для россиян², можно сделать вывод о том, что высокий интерес российских СМИ привлекли санкции и инфляция; количество публикаций об этих трудностях российской экономики является наибольшим среди всех рассмотренных в настоящем исследовании проблем (см. табл. 2). Максимальное число сообщений приходится на август 2014 г., что объясняется мерами в отношении российских предприятий именно во второй половине рассматриваемого года (см. рис. 1). При этом в течение двух месяцев (январь 2015 г. и октябрь 2016 г.) наблюдалось отрицательное значение МедиаИндекса, достигшее осенью 2016 г. минимального значения (– 2365), что свидетельствует о негативном освещении санкций влиятельными онлайн-изданиями в данный период. Негативный тон при их упоминании, вероятно, объясняется освещением пагубных последствий антироссийских мер для экономики страны.

Что касается роста цен, то наибольшее количество сообщений с его упоминанием приходится на первый квартал 2015 г. — период первых последствий «чёрного вторника» (см. рис. 2). Самой заметной стала статья «Комсомольской правды», в которой рассматривались причины, по которым падение цен на нефть не приводит к снижению стоимости бензина в России.

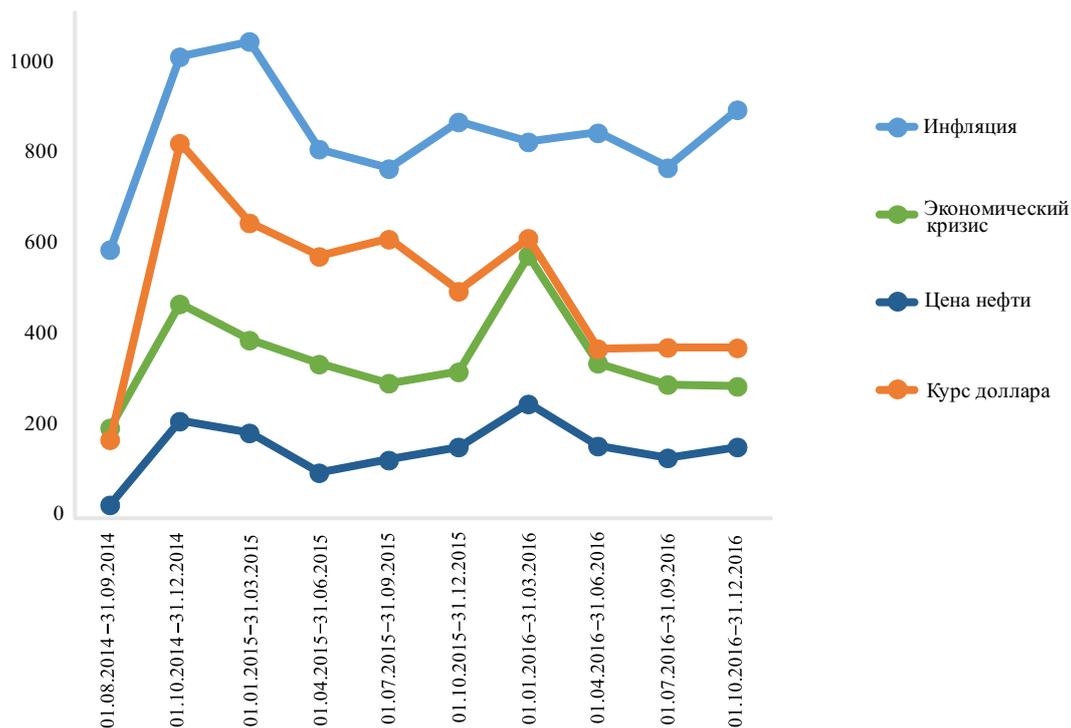

Источник: База СМИ «Медиалогия».

Рис. 1. Количество сообщений с упоминанием санкций и значение МедиаИндекса в российских онлайн-изданиях

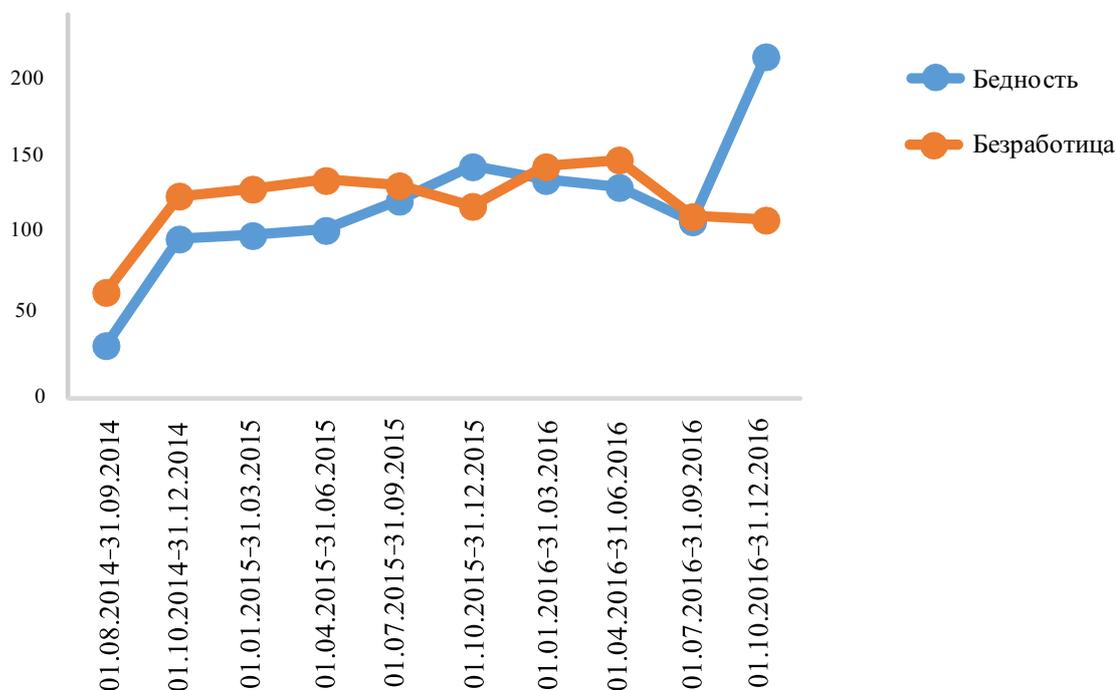
Такие социальные проблемы, как безработица и бедность, за рассматриваемый период упоминались в публикациях онлайн-изданий равномерно, и серьёзных колебаний в изменении количества сообщений, в которых присутствовали данные категории, было всего несколько (см. рис. 3). Незначительное повышение внимания к теме бедности наблюдалось в октябре 2016 г., что может быть обусловлено освещением предложения Минфина о введении соответствующего пособия в России. Второй точкой заметного роста интереса СМИ была зима 2016 г. Именно в этот период активно обсуждалось увеличение уровня бедности в стране [Голодец заявила о росте... 2016].

² Выбор ключевых слов для рассмотрения наиболее запомнившихся россиянам событий основывается на опросе Левада-Центра [Итоги и самые важные события... 2016].

Источник: База СМИ «Медиалогия».

Рис. 2. Количество сообщений с упоминанием инфляции, экономического кризиса, цены нефти и курса доллара в российских онлайн-изданиях

Источник: База СМИ «Медиалогия».

Рис. 3. Количество сообщений с упоминанием бедности, безработицы в российских онлайн-изданиях

Стоимость нефти является одной из наиболее редко упоминаемых проблем: число сообщений, содержащих соответствующее ключевое слово, более чем в три раза меньше, чем число публикаций, посвящённых курсу валют. Наибольшее количество статей приходится на период заметного падения нефтяных цен — на декабрь 2014 г. и январь 2016 г. [Динамика цен... 2017]. Значение МедиаИндекса в обоих месяцах приняло отрицательное значение.

Таблица 2

**Количество сообщений с упоминаниями экономических проблем
и важных событий для россиян в онлайн-изданиях
(август 2014 г. — декабрь 2016 г.)**

Ключевые слова	Количество сообщений
Санкции	19156
Инфляция	8495
Курс рубля	5104
Курс доллара	5103
Экономический кризис	3544
Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро	1998
Безработица	1700
Доходы населения	1547
Стоимость нефти	1527
Бедность	1119
Война в Сирии	549
Президентские выборы в США	542
Допинговый скандал	526
Арест Улюкаева	254

Источник: База СМИ «Медиаалогия».

Рассмотрев динамику освещения ряда экономических проблем, можно сделать вывод о том, что на протяжении анализируемого периода они оказались наиболее часто упоминаемыми в пяти самых цитируемых российских онлайн-изданиях. Наибольшее число сообщений приходится на антироссийские меры, инфляцию и курс рубля. Интересно, что социальные последствия кризиса, такие как бедность и безработица, представлены в медиа в значительно меньшей степени. Возможно, это связано со сделанным ранее наблюдением, что российские СМИ в большей степени фокусируются на угрозах безопасности (например, на терроризме), а не на социальной проблематике, поскольку подобная повестка более удобна для правящей элиты [Ясавеев 2006; Казун, Казун 2017]. Экономические санкции могут быть удобной темой для власти, способствующей консолидации общества и обосновывающей необходимость «затягивания поясов» [Hirt 2015]. В то же время проблемы бедности и безработицы поднимают вопрос об эффективности проводимой экономической политики, падение цен на нефть доказывает несостоятельность реализуемой в течение длительного периода сырьевой модели экономики. В условиях ограниченной независимости российских СМИ [Кольцова 2000; Индекс свободы прессы... 2016] заинтересованность власти в актуализации одних вопросов и замалчивании других может оказывать значимое влияние на дискуссию.

Рост числа публикаций по экономическим вопросам наблюдался в случае появления важных информационных поводов, будь то предложения по изменению мер социальной политики или колебания на нефтяном и валютном рынках. Таким образом, на протяжении 2014–2016 гг. интерес российских онлайн-изданий к экономической ситуации был непостоянен. Увеличение количества публикаций по

той или иной теме наблюдалось после резкого изменения экономических показателей, а также действий и заявлений политических деятелей, что становится подтверждением ранее проведённых зарубежных исследований [Soroka, Stecula, Wleziem 2015].

Место экономических проблем в информационной повестке дня

Различные экономические вопросы не только упоминаются независимо друг от друга, но и нередко обсуждаются одновременно, находясь в одной «связке». Так, например, санкции могут освещаться СМИ как причина инфляции. Подобные сконструированные медиа, связи вопросов находят своё отражение в общественном мнении. Кроме того, сюжеты, которые наиболее сильно укоренены в дискуссии и чаще всего ассоциируются с другими актуальными проблемами, способны привлекать большее внимание. Для того чтобы определить силу связей между экономическими вопросами, используется сетевой анализ, графически визуализирующий информацию матрицы взаимных упоминаний экономических проблем и представителей власти (см. табл. П1). Далее будут проанализированы связи экономических вопросов и представителей власти, поскольку именно высокопоставленные лица занимают важное положение как в конструировании, так и в деконструировании проблем.

Для измерения важности той или иной экономической проблемы в сети производилось вычисление меры центральности собственного вектора (*eigenvector centrality*). Высокая центральность означает, что узел связан с другими узлами, которые сами по себе являются центральными. В настоящем исследовании центральность служит индикатором того, насколько хорошо тот или иной сюжет интегрирован в дискуссию по рассматриваемым вопросам, и, следовательно, насколько большую роль он играет в освещении экономических трудностей российскими СМИ.

Первая сеть (см. рис. 4) включает 13 узлов — ключевых слов, имеющих отношение к экономическому кризису в России: экономические проблемы (безработица, инфляция, кризис) и некоторые породившие их причины (цена нефти). Связь между узлами является ненаправленной, а сила связи между узлами представляет собой количество публикаций в российских федеральных изданиях, одновременно упоминающих два ключевых слова. На рисунках 1 и 2 она отображается толщиной линий. Курс рубля упоминается с другими важными узлами сети наиболее часто — его мера центральности равна 1. При этом наиболее сильная связь наблюдается с курсом доллара (0,73) и инфляцией (0,52), что объясняется значительным числом публикаций, соотносящих инфляцию и курс валюты. Высокая центральность и у санкций (0,38), которые тесно связаны с экономическим кризисом и инфляцией. В данном случае антироссийские меры могут рассматриваться как одна из причин дестабилизации экономической ситуации в стране. Что касается упоминаний бедности, безработицы и экономии³, то они крайне редки, что подтверждает стратегию замалчивания наиболее острых социальных проблем в СМИ [Ясавеев 2006].

Во второй сети (см. рис. 5), содержащей, помимо экономических проблем, фамилии представителей власти⁴, наибольшая центральность по-прежнему наблюдается у курса рубля. Что касается политических деятелей, то ожидаемо заметное место в сети занимает В. В. Путин (0,68), который наиболее сильно связан в российской прессе с проблемой экономических санкций. Можно предположить, что слабая обеспокоенность россиян международной изоляцией страны в 2016 г. [Санкции Запада... 2016] обусловлена глубокой убеждёностью граждан в правильности внешней политики и высоким доверием к представителям власти.

³ Ключевое слово используется в контексте снижения затрат денежных средств (бюджета, зарплат), чрезмерной эксплуатации природных ресурсов (нефти, газа, угля).

⁴ Для построения сети были отобраны наиболее активные участники дискуссии об экономическом кризисе в России в упомянутых российских онлайн-изданиях.

Вместе с тем опросы общественного мнения показывают сильную обеспокоенность россиян экономическими проблемами [Самые острые проблемы 2017], что может мотивировать политиков чаще комментировать подобные вопросы. Исследования, выполненные в русле теории владения повесткой (*issue ownership*) [Geys 2012; Tresch, Lefevere, Walgrave 2015; Stubager 2017], показывают, что политические деятели, ассоциируемые с актуальными проблемами и воспринимаемые как наиболее компетентные в их решении, получают большее одобрение населения. Соответственно комментирование В. В. Путиным экономических проблем может увеличивать его поддержку, представляя президента как спасителя, способного решить возникшие трудности.

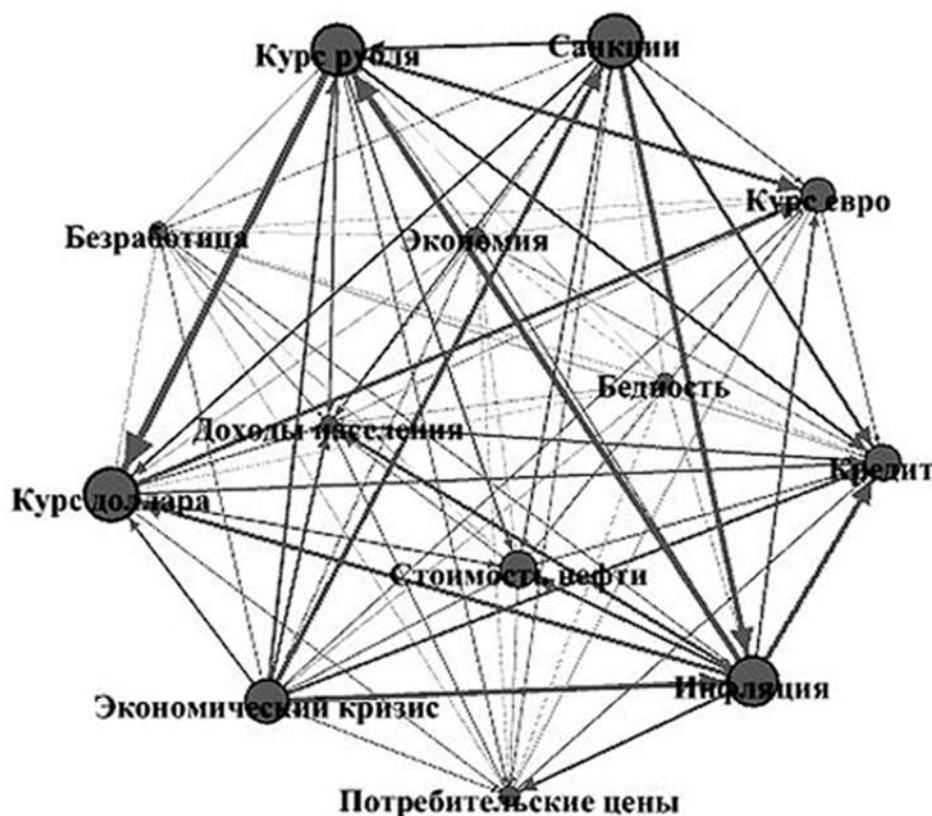

Рис. 4. Место экономических проблем в информационной повестке дня

Примечательна также и относительно высокая частота совместных упоминаний Д. А. Медведева и В. В. Путина в одной и той же публикации: сила связи между ними выше, чем между главой Правительства и экономическими проблемами.

Основываясь на построенных сетях, можно сделать вывод о том, что в рамках экономических дискуссий в российских СМИ редко упоминаются острые социальные проблемы даже в период кризиса. В большей степени внимание акцентируется на курсе рубля и доллара, санкциях и кредитах. Согласно теории сетевой повестки дня [McCombs, Shaw, Weaver 2014], связки этих событий формируют у аудитории ассоциации относительно причин и последствий экономических потрясений в 2014–2016 гг. Так, рост цен может быть вызван ослаблением курса рубля, а санкции — являться одной из причин кризиса. При этом редкое взаимное упоминание представителей власти (за исключением Путина) в контексте экономических трудностей России может объясняться демонстрацией отсутствия их ответственности за случившееся. Предположительно подобное освещение кризиса в СМИ влияет на восприятие действий высокопоставленных лиц населением. Например, рейтинг Путина в условиях экономической нестабильности, вероятно, не сократится и «скорее всего растущие “кризисные претензии” будут в первую очередь нацелены на хозяйственных, а не политических руководителей» (Известия. 2016. 20 января).

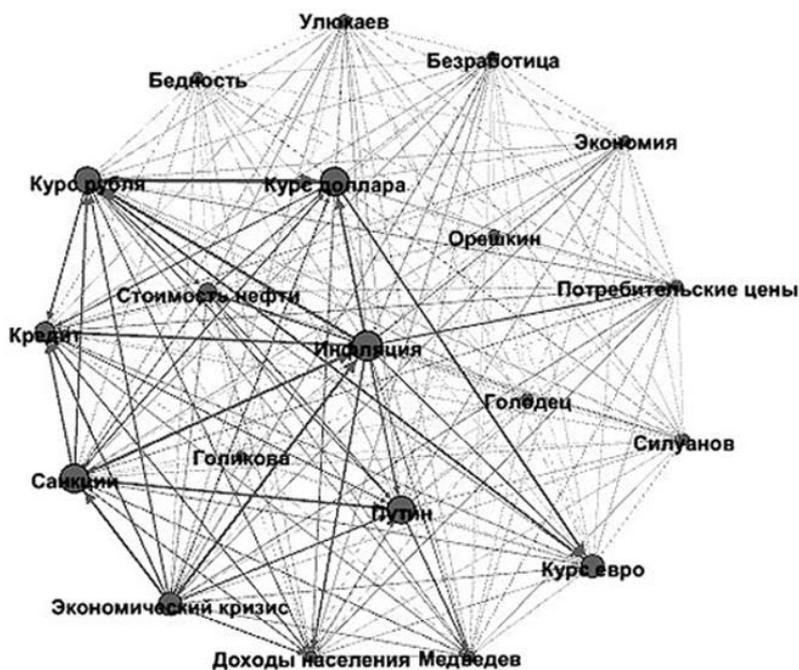

Рис. 5. Место экономических проблем и представителей власти РФ в информационной повестке дня

Стратегии депроблематизации экономического кризиса в российских онлайн-изданиях

Политики участвуют не только в комментировании различных вопросов или дистанцируются от них, но и в депроблематизации сюжетов, которые являются нежелательными для освещения. Именно на этом аспекте освещения экономических вопросов мы сфокусируемся далее.

Таблица 3

Виды контрриторических стратегий, выявленные в публикациях онлайн-изданий

Вид контрриторики	Иллюстрация
Сочувствующая контрриторика	
Натурализация	Отсутствует
Контрриторика затрат исправления	Отсутствует
Декларация бессилия	«Подготовиться к такому развитию событий (низкой цене на нефть) и модернизировать экономику в правительстве почему-то не смогли. То ли не получилось, то ли плохо пытались» (Комсомольская правда. 2016. 14 января).
Перспективизация	«Я не концентрировалась бы на слове “кризис”». Нашу ситуацию лучше всего описывает термин “новая реальность”» (Комсомольская правда. 2016. 7 апреля).
Критика тактики	Отсутствует
Несочувствующая контрриторика	
Антитипизация	Отсутствует
Опровергающие истории	«Сейчас мы видим, что турбулентность закончилась, рынки успокоились <...> Процентные ставки с большим или меньшим темпом идут вниз. Я считаю, термин “кризис” сейчас неуместен» (Комсомольская правда. 2016. 2 июля).

Таблица 3. Окончание

Вид контрриторики	Иллюстрация
Контрриторика неискренности	<i>«То есть кризис — это предлог больше стащить, и кризис — это предлог не делать свою работу, не более того...»</i> (Комсомольская правда. 2015. 8 сентября).
Контрриторика истерии	Отсутствует

Ориентация на заявления представителей власти, свойственная «Комсомольской правде», отразилась на интерпретации экономической ситуации в стране. Лишь в массовом издании были выявлены контрриторические стратегии, предлагаемые Ибаррой и Китсьюзом [Ибарра, Китсьюз 2007]. Экономические трудности признавались во всех рассмотренных онлайн-изданиях. Вопрос заключается лишь в их трактовке: становится ли падение цен на нефть и ослабление рубля началом кризиса или нового этапа функционирования российской экономики? Если речь шла о втором варианте развития событий, то применялась перспективизация. Данная несочувствующая контрриторика демонстрируется в утверждении, что определённая социальная проблема (в данном случае экономический кризис) представляет собой лишь мнение, с которым можно не согласиться. Тенденции на нефтяном и валютном рынках, по словам Д. А. Медведева и К. В. Юдаевой⁵, свидетельствуют не о кризисе, а о новой реальности, пусть и с низкой стоимостью углеводородов. Подобные заявления могут указывать на то, что к этой реальности необходимо привыкнуть как Министерству экономического развития РФ, занимающемуся поиском новых точек экономического роста, так и населению.

Что касается несочувствующей контрриторики, то в рассмотренный временной период активно применялись опровергающие истории — примеры ситуаций, когда экономический кризис никак не проявляется, представленных при этом как типичные. Опровергать проблемность экономической ситуации могли также текущие экономические показатели, включающие объём производства, уровень инфляции и безработицы.

Контрриторика неискренности, при которой выдвигающая «утверждения-требования» группа обвиняется в извлечении выгоды от признания существования социальной проблемы, проявляется в двух аспектах. Во-первых, российские чиновники опровергают заявления Запада об экономическом крахе страны, указывая на то, что странам-соперникам выгодно нестабильная экономическая ситуация в России. Примером служит заявление Б. Обамы о том, что после введения санкций российская экономика непременно потерпит крах, и ответ на него И. И. Шувалова: «Экономика в клочья не порвана — как бы этого ни хотелось нашим “друзьям”» (Комсомольская правда. 2015. 22 октября). Во-вторых, согласно позиции одного из обозревателей рассматриваемого издания, текущую ситуацию нельзя назвать кризисом ввиду затяжного характера экономических проблем, которые существуют как минимум на протяжении пяти лет: «“Обострение” в форме падения цен на нефть становится выгодным предлогом чиновников для обогащения за счёт увеличения масштабов коррупции — “всё равно скоро все накроется”» (Комсомольская правда. 2015. 8 сентября).

Помимо контрриторических стратегий в отношении кризиса предпринимались также попытки депроблематизации влияния стоимости нефти и санкций на экономическую ситуацию в стране. Поскольку наличие попыток смягчения восприятия антироссийских мер в СМИ уже было выявлено эмпирическим путём ранее [Казун 2016], обратимся более подробно к падению цен на углеводороды. Согласно ряду статей, стоимость «чёрного золота» не имеет прямого отношения к ухудшению экономической ситуации, а истинная причина упадка заключается в несостоятельности текущей экономической модели. Определение оптимальных источников экономического роста позволит России не зависеть от

⁵ Является первым заместителем председателя Центрального банка России.

колебаний на внешних рынках. Таким образом, произошедшие в 2014 г. экономические потрясения могут восприниматься в позитивном ключе — как уникальный шанс построения «новой экономики» в условиях новой реальности. Помимо данной возможности, СМИ обращают внимание на другие положительные изменения в связи с разразившимся кризисом. Во-первых, сокращение числа мошенников-заёмщиков ввиду повышения внимательности банков при принятии решения о выдаче кредитов физическим лицам. Во-вторых, повышение уровня финансовой грамотности населения, что проявляется не только в субъективных оценках, но и в увеличении доли людей, ведущих учёт доходов и расходов, росте интереса к информационным и аналитическим порталам. В-третьих, снижение числа разводов в период финансовых трудностей. Перечисленные тенденции становятся способом адаптации к меняющейся экономической ситуации, в то же время они могут иметь благоприятные последствия.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что, несмотря на освещение экономических проблем во всех выбранных онлайн-изданиях, контрриторические стратегии, служащие способом депроблематизации экономических трудностей, присутствовали лишь в ориентированной на массового читателя «Комсомольской правде». Это может быть связано с высокой цитируемостью в издании заявлений представителей власти, которая в данном контексте представляет собой доминирующую группу интересов: поддержка правящей элиты населением зависит в том числе от её способности решать настоящие проблемы, обеспечивая гражданам достойную жизнь. Наиболее распространённая стратегия депроблематизации в массовом онлайн-издании — перспективизация.

Заключение

На основе проведённого исследования можно сделать вывод о том, что острые социальные проблемы в контексте экономического кризиса редко находятся в фокусе внимания российских онлайн-изданий. Наиболее активно освещаются санкции, курс валюты и инфляция. При этом несколько экономических событий упоминаются одновременно, формируя у аудитории определённые ассоциации относительно причин, виновников и последствий кризиса. Так, инфляция может быть вызвана ослаблением национальной валюты, а антироссийские меры — являться одной из причин ухудшения экономической ситуации.

Помимо многочисленных публикаций, посвящённых экономическим проблемам России, СМИ предпринимались попытки смягчения остроты восприятия экономической ситуации в стране. Контрриторические стратегии были обнаружены в ориентированной на массового читателя «Комсомольской правде». В издании была выявлена как сочувствующая контрриторика (декларация бессилия, перспективизация), так и несочувствующая (опровергающие истории, контрриторика неискренности). Ключевое положение в подобных дискуссиях занимают представители власти; их интерес в данном случае может объясняться теорией экономического голосования [Elinder, Jordahl, Poutvaara 2015], согласно которой электоральное поведение населения зависит от способности власти обеспечить благоприятную экономическую среду, в том числе для развития бизнеса.

Возможными сценариями дальнейшего изучения экономических дискуссий в СМИ может, во-первых, стать сравнительный анализ конструирования образа экономического кризиса, порождённого различными причинами (циклический и структурный). Во-вторых, данное исследование способно стать основой для выявления особенностей освещения экономических проблем в различных видах российских СМИ. Основываясь на зарубежных исследованиях [Neuman et al. 2014], повестка дня в традиционных и новых медиа различается: телевидению и прессе свойственно обращение к проблемам экономики и вопросам государственной политики, в то время как для блогосферы характерна концентрация на социальной проблематике, недостаточное внимание к которой было выявлено в выбранных для анализа онлайн-изданиях.

Приложение

**Количество публикаций в российской федеральной прессе,
одновременно упоминающих указанные ключевые слова**

Таблица П.1

Ключевые слова	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
Экономический кризис	10779	10779	3114	1423	11986	7511	5727	3119	3501	3318	6713	7945	2837	7305	1725	140	3359	568	1405	306	
Санкции	1969	1969	1969	787	3050	8542	6454	3759	4752	3049	5083	8796	1944	10781	1858	165	4383	528	1597	292	
Безработица	3114	3114	3114	1423	11986	7511	5727	3119	3501	3318	6713	7945	2837	7305	1725	140	3359	568	1405	306	
Бедность	931	931	787	1405	12463	8542	6454	3759	4752	3049	5083	8796	1944	10781	1858	165	4383	528	1597	292	
Рост цен	12463	12463	3050	1405	11986	7511	5727	3119	3501	3318	6713	7945	2837	7305	1725	140	3359	568	1405	306	
Курс рубля	8542	8542	1645	779	13352	10181	5717	7936	4755	3027	2669	3669	1010	2010	2222	2222	1022	7328	1468	100	
Курс доллара	6454	6454	1407	646	16243	10188	9909	4755	2682	1501	3321	6090	2010	2222	1589	2004	2004	1468	100	803	
Курс евро	3759	3759	827	299	10188	10188	9909	4755	2682	1501	3321	6090	2010	2222	1589	2004	2004	1468	100	803	
Цена нефти	4752	4752	867	333	7679	7679	3027	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967	1967
Потребительские цены	3049	3049	992	495	3561	3561	2682	1501	2669	3321	6090	3669	1010	2010	2222	2222	1022	7328	1468	100	
Доходы населения	5083	5083	2548	1633	5297	5297	3957	2000	2669	3321	6090	3669	1010	2010	2222	2222	1022	7328	1468	100	
Кредит	8796	8796	1824	758	7998	7998	5886	3308	3901	969	6090	3669	1010	2010	2222	2222	1022	7328	1468	100	
Экономия	1944	1944	756	381	1974	1974	1362	924	924	924	924	924	924	924	924	924	924	924	924	924	924
Путин	10781	10781	1371	704	4995	4995	3541	1203	1986	637	46	1031	181	576	82	304	110	110	110	110	
Улюкаев	1858	1858	380	156	2266	2266	1546	200	2812	490	1511	255	176	176	176	176	176	176	176	176	176
Орешкин	165	165	35	26	281	281	200	2812	490	1511	255	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176
Медведев	4383	4383	774	361	4442	4442	720	2090	381	381	381	381	381	381	381	381	381	381	381	381	381
Голодец	528	528	266	180	720	720	490	1511	255	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176
Силуанов	1597	1597	315	157	2090	2090	1511	255	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176	176
Голикова	292	292	59	56	381	381	176	82	304	110	253	262	140	521	161	22	319	138	313	313	313

Примечание: Заливкой выделены ячейки, в которых не может быть значений.

Источник: База «Интерум».

Таблица П.2

Центральность узлов (экономические проблемы) в сети

Ключевое слово	Центральность собственного вектора (<i>eigenvector centrality</i>)
Экономический кризис	0,21
Санкции	0,37
Безработица	0,13
Бедность	0,1
Инфляция	0,52
Курс рубля	1
Курс доллара	0,73
Курс евро	0,45
Цена нефти	0,32
Потребительские цены	0,16
Доходы населения	0,14
Кредит	0,23
Экономия	0,2

Литература

- Блумер Г. 2001. Социальные проблемы как коллективное поведение. Пер. с англ. И. Ясавеева. В сб.: Ерофеев С. А. (отв. ред.) *Контексты современности* — 2. Казань: Изд-во КГУ; 150–159.
- Голодец заявила о росте числа бедных в России. 2016. *Известия*. URL: <https://iz.ru/news/652247>
- Динамика цен на нефть с 2014 года. *Досье*. 2017. ТАСС.ру. URL: <http://tass.ru/info/3315320>
- Довбыш О. С. 2011. Влияние СМИ на поведение корпораций. *Бизнес. Общество. Власть*. 6: 128–164.
- Ибарра П., Китсьюз Дж. 2007. Дискурс выдвигания утверждений-требований и просторечные ре-сурсы. Пер. с англ. И. Ясавеева. *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение*. Казань: Изд-во КГУ; 55–114.
- Индекс потребительского доверия. 2015. *ВЦИОМ*. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_potrebitelskogo_doveriya/
- Индекс свободы прессы для России с 2002 по 2015 гг. 2016. URL: <https://rsf.org/en/russia>
- Источники информации: мониторинг. 2017. *ФОМ*. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323>
- Итоги и самые важные события 2015 года. 2016. *Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2015/12/28/itogi-uhodyashhego-goda-i-samyie-vazhnye-sobytiya-2015-go/>
- Казун А. Д. 2016. Почему россияне не боятся экономических санкций? Контрриторические стратегии печатных СМИ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 131 (1): 256–271.

- Казун А. Д., Казун А. П. 2017. Когда беда приходит не одна: освещение трёх трагедий в российских СМИ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 139 (3):128–146.
- Кольцова О. Ю. 2000. Кто и как влияет на производство новостей в современной России. *Pro et Contra*. 5 (4): 82–108.
- Овчарова Л. Н. (отв. ред.) 2017. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. *Мониторинг НИУ ВШЭ*. Итоги года. М.: НИУ ВШЭ.
- Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации. 2017. *Росстат*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
- Российская экономика. 2016. *Ereport*. URL: <http://www.ereport.ru/>
- Россияне на фоне ослабления рубля скупают холодильники и телевизоры. 2014. *РБК*. URL: <https://ria.ru/society/20141216/1038580067.html>
- Самые острые проблемы. 2017. *Пресс-выпуск ВЦИОМ*. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/>
- Санкции Запада и продуктовое эмбарго России. 2016. *Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2016/08/18/sanktsii-zapada-i-produktovoe-embargo-rossii/>
- Семёнова А. В., Корсунская М. В. 2010. *Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения*. Под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН.
- Спектор М., Китсьюз Дж. 2001. Конструирование социальных проблем. Пер. с англ. И. Ясавеева. В сб.: Ерофеев С. А. (отв. ред.) *Контексты современности — 2*. Казань: Изд-во КГУ; С.160–163.
- Томас У., Знанецкий Ф. 2001. Понятие социальной дезорганизации. Пер. с англ. И. Ясавеева. В сб.: Ерофеев С. А. (отв. ред.) *Контексты современности — 2*. Казань: Изд-во КГУ; 134–138.
- Топ-10 самых цитируемых газет в соцмедиа — январь 2018. 2018. *Медиалогия*. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/#gazeti>
- Фуллер Р., Майерс Р. 2001. Стадии социальной проблемы. Пер. с англ. И. Ясавеева. В сб.: Ерофеев С. А. (отв. ред.) *Контексты современности — 2*. Казань: Изд-во КГУ; 138–141.
- Хилгартнер С., Боск Ч. Л. 2008. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. Пер. с англ. И. Ясавеева. *Социальная реальность*. 2: 73–94.
- Ясавеев И. Г. 2006. «Социальная проблема» в социологическом лексиконе. *Социальная реальность*. 6: 101–117.
- Blondheim M., Segev E., Cabrera M. Á. 2015. The Prominence of Weak Economies: Factors and Trends in Global News Coverage of Economic Crisis, 2009–2012. *International Journal of Communication*. 9 (22): 46–65.

- Elinder M., Jordahl H., Poutvaara P. 2015. Promises, Policies and Pocketbook Voting. *European Economic Review*. 75: 177–194.
- Geys B. 2012. Success and Failure in Electoral Competition: Selective Issue Emphasis under Incomplete Issue Ownership. *Electoral Studies*. 31 (2): 406–412.
- Harrington D. E. 1989. Economic News on Television the Determinants of Coverage. *Public Opinion Quarterly*. 53 (1): 17–40.
- Hirt N. 2015. The Eritrean Diaspora and Its Impact on Regime Stability: Responses to UN Sanctions. *African Affairs*. 114: 115–135.
- How Economic Coverage Varied by Media Sector. 2009. *Pew Research Center*. URL: <http://www.journalism.org/2009/10/05/how-economic-coverage-varied-media-sector/>
- Kiousis S., McCombs M. 2004. Agenda-setting Effects and Attitude Strength: Political Figures during the 1996 Presidential Election. *Communication Research*. 31 (1): 36–57.
- McCombs M. E., Graber D. A., Weaver D. H. 1981. *Media Agenda-Setting in the Presidential Election*. New York: Praeger Scientific.
- McCombs M. E., Shaw D. L., Weaver D. H. 2014. New Directions in Agenda-setting Theory and Research. *Mass Communication and Society*. 17 (6): 781–802.
- McCombs M. E., Shaw D. L. 1972. The Agenda-setting Function of Mass Media. *The Public Opinion Quarterly*. 36 (2): 176–187.
- Media Coverage of Financial Crisis May Explain Why People are not Angrier about Economy, Study Finds. News. 2015. *The University of Sheffield*. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/news/nr/speri-newspaper-neoliberal-study-1.534767>
- Nadeau R., Niemi R. G., Amato T. 1999. Elite Economic Forecasts, Economic News, Mass Economic Judgments, and Presidential Approval. *The Journal of Politics*. 61 (1): 109–135.
- Neuman W. R. et al. 2014. The Dynamics of Public Attention: Agenda-Setting Theory Meets Big Data. *Journal of Communication*. 64 (2): 193–214.
- Schifferees S., Coulter S. 2012. Downloading Disaster: BBC News Online Coverage of the Global Financial Crisis. *Journalism*. 14 (2): 228–252.
- Schneider J. W. 1985. Social Problems Theory: the Constructionist View. *Annual Review of Sociology*. 11 (1): 209–229.
- Soroka S. N., Stecula D. A., Wlezien C. 2015. It's (Change in) the (Future) Economy, Stupid: Economic Indicators, the Media, and Public Opinion. *American Journal of Political Science*. 59 (2): 457–474.
- Stubager R. 2017. What is Issue Ownership and How Should We Measure It? *Political Behavior*. 40 (2): 345–370.

- The Economic and Financial Crisis in Russia. 2015. *OSW Report*. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/raport_crisis_in_russia_net.pdf
- Tresch A., Lefevere J., Walgrave S. 2015. 'Steal Me if You Can!' The Impact of Campaign Messages on Associative Issue Ownership. *Party Politics*. 21 (2): 198–208.
- Wu H. D. et al. 2002. The Conditioned Impact of Recession News: A Time-Series Analysis of Economic Communication in the United States, 1987–1996. *International Journal of Public Opinion Research*. 14 (1): 19–36. URL: <http://deniswu.org/wp-content/uploads/2017/05/IJPOR2002.pdf>
- Yang W., Lin D., Yi Z. 2017. Impacts of the Mass Media Effect on Investor Sentiment. *Finance Research Letters*. 22: 1–4.

DEBUT STUDIES

Liudmila Bogomazova

The Economic Crisis in the Russian Mass Media: Constructing and Deconstructing Problems

BOGOMAZOVA, Liudmila — MA student, Faculty of Social Science, Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, The National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: lbogomazova@hse.ru

included the count of mentioned key words and a thematic analysis. Moreover, in order to solve one of the tasks, network analysis was used.

Abstract

This article discusses the process of constructing the image of the economic crisis in Russian online newspapers. The relevance of such analysis is due to the increasing audience attention toward economic discussions in the media during the period of economic instability and, accordingly, the increasing influence of the media on the perception of the situation in the country. This paper is based on a constructionist perspective for understanding the nature of social problems. Counter-rhetorical strategies, suggested by Ibarra and Kitsuse, are adopted to analyze the de-problematization of the economic crisis in the Russian mass media. The goal of the study was achieved by conducting a content analysis, which

The study demonstrates that online newspapers pay the most attention to the coverage of anti-Russian sanctions, inflation, and the ruble rate. Meanwhile, social consequences of the crisis, such as poverty and unemployment, are represented in the Russian media to a much lesser extent. The network analysis also shows that online newspapers are focused on the ruble and dollar rates, sanctions, and loans. According to the network agenda-setting theory, these «links» of economic events in publications can form certain associations among the audience regarding the causes, perpetrators, and consequences of the crisis. Thus, inflation could be caused by the weakening of ruble rate, and sanctions could be one of the causes of the crisis. Strategies of economic crisis de-problematization or counter-rhetorical strategies were found only in mass online newspapers. There were both sympathetic (e.g., declaring impotence, perspectivizing) and unsympathetic (e.g., counter-rhetoric of telling the anecdote, counter-rhetoric of insincerity) strategies.

Keywords: mass media; economic crisis; economic issues; agenda-setting; social problems; deproblematization; network approach.

References

- Blondheim M., Segev E., Cabrera M. Á. (2015) The Prominence of Weak Economies: Factors and Trends in Global News Coverage of Economic Crisis, 2009–2012. *International Journal of Communication*, vol. 9, no 22, pp. 46–65.
- Blumer G. (2001) Sotsial'nye problemy kak kollektivnoe povedenie [Social Problems as Collective Behavior] (transl. I. Yasaveev). *Konteksty sovremennosti — 2* [Contexts of Modernity — 2] (ed. S. A. Erofeev), Kazan': KFU, pp. 150–159 (in Russian).
- Dovbysh O. S. (2011) Vliyanie SMI na povedenie korporatsiy [Media Influence on Corporate Behavior]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Authority*, no 6, pp. 128–164 (in Russian).

- Elinder M., Jordahl H., Poutvaara P. (2015) Promises, Policies and Pocketbook Voting. *European Economic Review*, vol. 75, pp. 177–194.
- FOM (2017) *Istochniki informatsii: monitoring* [The Sources of Information: Monitoring]. Available at: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323> (accessed 15 January 2018) (in Russian).
- Fuller R., Myers R. (2001) Stadii sotsial'noy problemy [Stages of the Social Problem] (transl. I. Yasaveev). *Konteksty sovremennosti — 2* [Contexts of Modernity — 2] (ed. S. A. Erofeev), Kazan': KFU, pp. 138–141 (in Russian).
- Geys B. (2012) Success and Failure in Electoral Competition: Selective Issue Emphasis under Incomplete Issue Ownership. *Electoral Studies*, vol. 31, no 2, pp. 406–412.
- Harrington D. E. (1989) Economic News on Television the Determinants of Coverage. *Public Opinion Quarterly*, vol. 53, no 1, pp. 17–40.
- Hilgartner S., Bosk C. L. (2008) Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiya publichnykh aren [Growth and Decline of Social Problems: The Concept of Public Arenas] (transl. I. Yasaveev). *Sotsial'naya real'nost' = Social Reality*, no 2, pp. 73–94 (in Russian).
- Hirt N. (2015) The Eritrean Diaspora and Its Impact on Regime Stability: Responses to UN Sanctions. *African Affairs*, vol. 114, pp. 115–135.
- How Economic Coverage Varied by Media Sector. (2009). *Pew Research Center*. Available at: <http://www.journalism.org/2009/10/05/how-economic-coverage-varied-media-sector/> (accessed 18 December 2018).
- Ibarra P., Kitsuse J. (2007) Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnye resursy [The Discourse of Putting Forward Claims and Vernacular Resources.] (transl. I. Yasaveev). *Sotsial'nye problemy: konstruksionistkoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading], Kazan': KFU, pp. 55–114 (in Russian).
- Izvestiya (2016) *Golodets zayavila o roste chisla bednykh v Rossii* [Golodets Announced the Increase in the Number of Poor People in Russia]. Available at: <https://iz.ru/news/652247> (accessed 10 May 2018) (in Russian).
- Kazun A. D. (2016) Pochemu rossiyanе ne boyatsya ekonomicheskikh sanktsiy? Kontrritoricheskie strategii pechatnykh SMI [Why are Russians not Afraid of Economic Sanctions? Counterrhetorical Strategies of Print Media.]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, vol. 131, no 1, pp. 256–271 (in Russian).
- Kazun A. D., Kazun A. P. (2017) Kogda beda prikhodit ne odna: osveshchenie trekh tragediy v rossiyskikh SMI [When Trouble does not Come Alone: The Coverage of the Three Tragedies in the Russian Media.]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, vol. 139, no 3, pp. 128–146 (in Russian).
- Kiousis S., McCombs M. (2004) Agenda-Setting Effects and Attitude Strength: Political Figures during the 1996 Presidential Election. *Communication Research*, vol. 31, no 1, pp. 36–57.
- Koltsova O. Y. (2000) Kto i kak vliyaet na proizvodstvo novostey v sovremennoy Rossii [Who and How do Affect the News Production in Contemporary Russia?]. *Pro et Contra*, vol. 5, no 4, pp. 82–108 (in Russian).

- Levada-Center (2016a) *Itogi i samye vazhnye sobytiya 2015 goda* [Results and the Most Important Events of 2015]. Available at: <https://www.levada.ru/2015/12/28/itogi-uhodyashhego-goda-i-samye-vazhnye-sobytiya-2015-go/> (accessed 17 January 2018) (in Russian).
- Levada-Center (2016b) *Sanktsii Zapada i produktovoe embargo Rossii* [Western Sanctions and Russia's Embargo on Food]. Available at: <https://www.levada.ru/2016/08/18/sanktsii-zapada-i-produktovoe-embargo-rossii/> (accessed 12 December 2018) (in Russian).
- Levada-Center (2017) *Samye ostrye problemy. Press-vypusk* [The Most Acute Problems. Press Release]. Available at: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> (accessed 8 November 2018) (in Russian).
- McCombs M. E., Graber D. A., Weaver D. H. (1981). *Media Agenda-Setting in the Presidential Election*. NY: Praeger Scientific.
- McCombs M. E., Shaw D. L. (1972) The Agenda-setting Function of Mass Media. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no 2, pp.176–187.
- McCombs M. E., Shaw D. L., Weaver D. H. (2014) New Directions in Agenda-setting Theory and Research. *Mass Communication and Society*, vol. 17, no 6, pp. 781–802.
- Media Coverage of Financial Crisis May Explain Why People are not Angrier about Economy, Study Finds. News. (2015). *The University of Sheffield*. Available at: <https://www.sheffield.ac.uk/news/nr/speri-news-paper-neoliberal-study-1.534767> (accessed 10 November 2018).
- Medialogia (2018) *Top-10 samyh citiruemykh gazet v socmedia — yanvar' 2018* [Top 10 Most Cited Newspapers in Social Mmedia — January 2018]. Available at: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/#gazeti> (accessed 18 December 2018) (in Russian).
- Nadeau R., Niemi R. G., Amato T. (1999) Elite Economic Forecasts, Economic News, Mass Economic Judgments, and Presidential Approval. *The Journal of Politics*, vol. 61, no 1, pp. 109–135.
- Ovcharova L. N. (ed.) (2017) *Naselenie Rossii v 2016 godu: dokhody, raskhody i sorsial'noe samochuvstvie*. [Population of Russia in 2016: Income, Expenses and Social Well-Being. *HSE Monitoring. Itogi goda* [HSE Monitoring. Results of the Year], Moscow: HSE (in Russian).
- OSW Report (2015) *The Economic and Financial Crisis in Russia*. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, Available at: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/raport_crisis_in_russia_net.pdf (accessed 9 November 2018).
- Reporters Without Borders (2016) *Indeks svobody pressy dlya Rossii s 2002 po 2015 gg.* [World Press Freedom Index]. Available at: <https://rsf.org/en/russia> (accessed 30 November 2017) (in Russian).
- Rossiyskaya ekonomika [Russian Economics]. (2016) *Ereport*. Available at: <http://www.ereport.ru/> (accessed 18 December 2018) (in Russian).
- Rossiyanе na fone oslableniya rublya skupayut holodil'niki i televizory* [The Russians in the Context of Ruble Weakening are Buying Fridges and TVs] (2014) *RBK*. Available at: <https://ria.ru/society/20141216/1038580067.html> (accessed 20 November 2018) (in Russian).

- Rosstat (2017) *Real'nye raspolagaemye denezhnye dokhody naseleniya po Rossiyskoy Federatsii* [Real Disposable Income of the Population in Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (accessed 19 November 2018) (in Russian).
- Schiffers S., Coulter S. (2012) Downloading Disaster: BBC News Online Coverage of the Global Financial Crisis. *Journalism*, vol. 14, no 2, pp. 228–252.
- Schneider J. W. (1985) Social Problems Theory: The Constructionist View. *Annual Review of Sociology*, vol. 11, no 1, pp. 209–229.
- Semenova A. V., Korsunskaya M. V. (2010) *Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya* [Content Analysis of Mass Media: Problems and Application Experience] (ed. V. A. Mansurov), Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Soroka S. N., Stecula D. A., Wlezien C. (2015) It's (Change in) the (Future) Economy, Stupid: Economic Indicators, the Media, and Public Opinion. *American Journal of Political Science*, vol. 59, no 2, pp. 457–474.
- Spector M., Kitsuse J. (2001) Konstruirovaniye sotsial'nykh problem [Construction of Social Problems] (transl. I. Yasaveev). *Konteksty sovremennosti — 2* [Contexts of Modernity — 2] (ed. S. A. Erofeev), Kazan: KFU, pp. 160–163 (in Russian).
- Stubager R. (2017) What is Issue Ownership and How Should We Measure It? *Political Behavior*, vol. 40, no 2, pp. 345–370.
- Tass.ru (2017) *Dinamika tsen na neft' s 2014 goda. Dos'ye* [The Dynamics of Oil Prices Since 2014]. Available at: <http://tass.ru/info/3315320> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Tomas U., Znanekij F. (2001) Ponyatiye sotsial'noy dezorganizatsii [The Concept of Social Disorganization] (transl. I. Yasaveev). *Konteksty sovremennosti — 2* [Contexts of Modernity — 2] (ed. S. A. Erofeev), Kazan': KFU, pp.134–138 (in Russian).
- Tresch A., Lefevre J., Walgrave S. (2015) “Steal me if you Can!” The Impact of Campaign Messages on Associative Issue Ownership. *Party Politics*, vol. 21, no 2, pp. 198–208.
- Wu H. D., Stevenson R. L., Chen H., Guner N. (2002) The Conditioned Impact of Recession News: A Time-series Analysis of Economic Communication in the United States, 1987–1996. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 14, no 1, pp. 19–36.
- VCIOM (2017) *Indeks potrebitel'skogo doveriya* [Consumer Confidence Index]. Available at: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_potrebitelskogo_doveriya/ (accessed 12 November 2017) (in Russian).
- Yang W., Lin D., Yi Z. (2017) Impacts of the Mass Media Effect on Investor Sentiment. *Finance Research Letters*, vol. 22, pp. 1–4.
- Yasaveev I. G. (2006) “Sotsial'naya problema” v sotsiologicheskom leksikone [“Social Problem” in Sociological Lexicon]. *Sotsial'naya real'nost' = Social Reality*, no 6, pp. 101–117 (in Russian).

Received: October 22, 2018

Citation: Bogomazova L. (2019) Ekonomicheskiy krizis v rossiyskikh SMI: konstruirovaniye i dekonstruirovaniye problem [The Economic Crisis in the Russian Mass Media: Constructing and Deconstructing Problems]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 123–147. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-123-147 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

В. И. Корсунова

Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия¹

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — аспирант, стажёр-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, 55-2, к. 318.

Email: vikorsunova@hse.ru

В данном обзоре представлены подходы к определению и измерению культурного потребления в социологических исследованиях. Интерес к данному феномену основывается на предположении, что культурные предпочтения являются следствием социальной позиции индивида и, таким образом, отражают социальную структуру. Тем не менее, несмотря на долгую историю исследования культурного потребления и наличие многочисленных работ, данное понятие остаётся неоднозначным. В существующей литературе можно выделить несколько основных подходов к определению культурного потребления. В первую очередь культурное потребление рассматривается как составляющая стиля жизни, который, в свою очередь, зависит от классовой структуры. Данный подход находит отражение в дискуссии относительно разделения культурных практик и вкусов на «высокие» и «массовые», где каждый элемент соответствует определённому классу. Критика и дальнейшее развитие данного подхода связаны с пересмотром как структуры культурного потребления, так и оснований для выделения типов потребления. Культурное потребление в более современных работах анализируется не только с точки зрения символической ценности, но также с позиции разнообразия предпочтений и интенсивности тех или иных практик. В то же время существующие работы различаются в применении данных подходов на практике. С одной стороны, разнятся способы определения понятия: можно выделить исследования, рассматривающие включённость в культурные практики, изучающие вкусы и предпочтения, а также анализирующие непосредственный опыт культурного потребления. С другой стороны, работы, в которых применяются схожие подходы к определению понятия, тем не менее используют различные переменные для измерения практик и вкусов.

Ключевые слова: социологическое измерение; культурное потребление; культурные практики; культурные предпочтения; стиль жизни; структура культурного потребления.

Введение

Исследования культурного потребления являются распространённой темой социологических работ. Культурное потребление рассматривается в контек-

¹ Статья подготовлена в результате проведения работы по Программе фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии проекта государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

сте стиля жизни, который считается отражением стратификационной системы общества [Bourdieu 1984]. При этом культурные предпочтения отражают не только экономическое неравенство [Скокова 2014], но также гендерные [Bihagen, Katz-Gerro 2000], этнические [Bryson 1996; Trienekens 2002] и статусные различия [Chan, Goldthorpe 2007a], тренды глобализации [Skrbis, Woodward 2007] и личные идентичности [Giddens 1991; Cann 2014]. Культурное потребление может быть определено в качестве одной из форм потребления в целом [Toivonen 1994] или в качестве части культурного капитала, который может быть использован при недостатке других ресурсов [DiMaggio 1982; Thomas 2018].

Несмотря на долгую историю подобных исследований, их результаты не всегда оказываются схожими. Одним из объяснений можно считать различный социокультурный контекст стран. Как показывали немногочисленные сравнительные исследования культурного потребления, социальные и политические особенности влияют как на культурные предпочтения, так и на силу связи между индивидуальными характеристиками и культурной активностью [Katz-Gerro 2002; Nek, Kraaykamp 2013]. Другим объяснением можно считать ограничения, связанные со спецификой изучения культурных продуктов. Подобные исследования требуют определения соответствующих культурных продуктов в отдельных странах или регионах, что создаёт сложности для сбора и анализа данных [Katz-Gerro 2004; Peterson 2005]. Так, Ф. Кирхберг и Р. Кухар провели метаанализ исследований культурного потребления и показали, что, несмотря на наличие множества работ, касающихся темы культурного потребления, делать обобщённые выводы сложно, так как работы выполнены с применением разной методологии, используют разные предикторы и разные варианты определения непосредственно культурного потребления. При этом можно отметить, что в работах присутствуют различные подходы к операционализации и не дается чёткого определения самого феномена: культурное потребление рассматривается как нечто само собой разумеющееся [Kirchberg, Kuchar 2014]. Помимо этого, само понятие «потребление» зачастую противопоставляется понятию «производство» без указания на конкретный объект исследования, что создаёт дополнительные трудности для понимания и интерпретации [Graeber 2011]. Таким образом, несмотря на частое использование данного концепта исследователями, он по-прежнему не имеет чёткого определения, а его измерение остаётся личным выбором исследователя, что является причиной различий. В существующей литературе по теме культурное потребление определяется через непосредственные действия (практики), наборы предпочтений (вкус), формы потребления и восприятия (опыт). Кроме того, различаются измерения данного феномена: делаются попытки определить и осмыслить структуру потребления, рассмотреть разнообразие или интенсивность культурного потребления.

Несмотря на различия в измерении культурного потребления, в имеющейся литературе можно выделить всего несколько работ, систематизирующих подходы к данному понятию. Исходя из этого, целью данной работы является обзор существующих исследований, посвящённых анализу культурного потребления и его связи с различными социальными детерминантами. В первой части статьи рассматриваются теоретические концепции, обуславливающие актуальность исследования культурного потребления. Во второй части рассматриваются основные варианты операционализации и измерения понятия «культурное потребление».

Культурное потребление: теоретические посылки

Стоит отметить, что использование термина «потребление» в отношении исследования предпочтений в искусстве можно рассматривать как следствие «культурного поворота» в социальных науках во второй половине XX века [Warde 2015: 123]. Общий рост благосостояния переопределил структуру потребностей, что также сказалось на ценностных ориентациях и вместе с тем на отношении к потреблению [Inglehart 2000], которое перестало рассматриваться исключительно как экономический феномен, связанный с выживанием. Потребление начали определять в качестве осознанного выбора конкретных объектов, удовлетворяющих существующие потребности. В результате каждая сфера жизни, в том числе сфера культурных предпочтений, стала восприниматься через призму потребления [Warde 2015].

В то же время понятие «культурное потребление» часто рассматривается в контексте других концептов. В частности, культурное потребление определяется как форма стиля жизни [Горбань 2013]. Стоит отметить, что и само понятие «стиль жизни» имеет несколько значений, которые различаются в зависимости от теоретической посылки. С одной стороны, стиль жизни может пониматься как отличительная черта статусных групп, с другой — как набор индивидуально определённых практик и предпочтений [Featherstone 2007: 110]. Различие между данными вариантами заключается в определении факторов, влияющих на выбор того или иного стиля жизни. В первом случае предполагается зависимость стиля жизни от положения в социальной структуре, в то время как во втором стиль жизни связывается непосредственно с личным выбором.

Стиль жизни как форма проявления социальной позиции определяется в классической работе М. Вебера «Класс, статус, партия». Стиль жизни, по Веберу, является основой для выделения статусных групп, представляющих собой не статистические, а реальные общности, выражающие через стиль жизни границы между собой. При этом Вебер относит к стилю жизни любые нематериальные (можно сказать, символические) формы социальных характеристик. Не только любовь к искусству и способность судить о культуре составляют стиль жизни, но также убеждения: ценности и верования; политические взгляды, социальные установки — все это формирует определённый стиль жизни. Подобные различия используются высшим классом, объединённым в статусную группу, для обоснования своего доминирующего положения: наличие достаточной компетенции для суждений о культуре, политике и социальном устройстве рассматривается как основание для более высокого положения в социальной иерархии [Weber 2009]. Подобные суждения о сфере культурного потребления оказали сильное влияние на последующие теоретические разработки. В то же время концепция стиля жизни, как и место культурных практик и предпочтений в его структуре, оказала влияние на дальнейшие теоретические разработки в сфере изучения социальной стратификации. В частности, Д. Чейни развивает данные идеи и говорит о необходимости разделять понятия «стиль жизни» (*lifestyle*) и «жизненный уклад» (*way of life*) [Chaney 2002].

Кроме того, стиль жизни рассматривается не только как выражение социальной позиции, но и как способ продемонстрировать собственную идентичность. Гидденс описывает формирование стиля жизни в обществе позднего модерна в рамках определения индивидуальной идентичности. В свою очередь, идентичность может быть модифицирована самим индивидом и более не привязана к социальной позиции. Сложность заключается в том, что общество позднего модерна предлагает огромное количество идентичностей, при этом не давая чётких указаний на то, какие из них наиболее желательны. Ограничения на выбор индивидуальности и стиля жизни накладываются существующей социально-экономической структурой, однако это не привязывает индивида к определённому набору практик на всю жизнь. Переосмысление своей идентичности может привести к изменению стиля жизни, однако данные преобразования ограничены как социальной структурой, так и разнообразием имеющихся практик. Члены общества выбирают из того, что предлагает им массовый рынок, пытаясь определить, что в большей степени соответствует их идентичности [Giddens 1991]. Тем не менее, несмотря на различия, в обеих теоретических рамках культурное потребление рассматривается в качестве одной из составляющих стиля жизни. Описанная концепция предполагает, что культурное потребление оказывается одной из форм стиля жизни, зависящей и от личных предпочтений, и от внешних факторов. Внимание исследователей в данном случае в большей степени фокусируется на практиках как на составляющих стиля жизни — культурного потребления.

Ещё одним понятием является «культурный капитал». Его можно определить как основу стратификационной системы, в которой иерархия формируется за счёт различия в уровне престижности и стиля жизни [Радаев 2002]. Понятие было введено П. Бурдьё в качестве составляющей социальной позиции. В своём варианте определения социальной структуры П. Бурдьё основывается на идеях М. Вебера.

В то же время, по мнению Бурдьё, социальная иерархия представлена классами, каждому из которых соответствует определённый уровень экономического и культурного капиталов, которые, в свою очередь, отражаются в стиле жизни [Bourdieu 1984]. Культурный капитал представлен в трёх формах — инкорпорированной (знания и вкусы индивида), объективированной (предметы культуры, которыми обладает индивид, включая книги, картины, музыкальные инструменты), а также институционализированной (наличие сертификатов и дипломов, подтверждающих формальный уровень квалификации) [Bourdieu 2011]. В данной системе культурное потребление выступает в качестве одной из форм инкорпорированного культурного капитала, проявляющейся в стиле жизни. Взаимосвязь между культурным капиталом, стилем жизни и культурным потреблением представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Соотношение между культурным капиталом, культурным потреблением и стилем жизни

Данная теоретическая концепция предполагает, что, помимо социальной иерархии, существует также неравенство символической ценности различных объектов и практик. Все имеющиеся культурные феномены обладают определённой символической ценностью и распределяются между социальными классами. Таким образом, формируется гомологичная структура потребления [Bourdieu 1984]. Индивид, социализирующийся внутри определённого социального класса, перенимает те практики и предпочтения, которые соответствуют его социальной позиции. Подобные усвоенные диспозиции формируют габитус [Бурдьё² 1998], в соответствии с которым воспроизводятся символические различия между социальными классами; в то же время данные диспозиции воспринимаются как собственные предпочтения. Помимо этого, индивид учится различать символическую ценность продуктов и практик и в дальнейшем выбирает те, которые вписываются в его социальный класс.

Бурдьё выделяет три репертуара предпочтений: высокий (*highbrow*), или легитимный; средний (*middlebrow*), или обывательский; низкий (*lowbrow*), или массовый. Высший класс (обладатели высокого уровня экономического и культурного капитала) включен в легитимные практики, то есть те, которые связаны с признанными произведениями искусства; среди таких практик — посещение оперы, балета, драматических театров, музеев, концертов классической музыки [Bourdieu 1984: 2–15]. Особенность данного стиля жизни — необходимость больших материальных, а также временных затрат. Кроме того, включённость в подобные практики требует достаточной культурной компетенции, а также определённого социального научения. В отличие от легитимной структуры потребления, массовый вкус не требует высокого уровня культурной компетенции для понимания и потребления, а также является доступным с точки зрения материальных затрат. Подобный стиль жизни характерен для представителей низшего класса [Bourdieu 1984: 175–193]. Также стоит рассмотреть обывательскую структуру потребления, которая свойственна для средних классов. Данная структура вкусов характеризуется стремлением подражать легитимному репертуару предпочтений. Однако такой стиль жизни представлен популяризированными легитимными практиками и продуктами. Например, как и высший класс, представители средних классов могут интересоваться классической музыкой, но в то же время в репертуар их предпочтений будут входить произведения, ставшие популярными (например, «Времена года» Вивальди или «Венгерская рапсодия № 2» Листа) [Bourdieu 1984: 25–38]. Исходя из этого, культурное потребление определяется на основании символической ценности предпочтений и вкусов.

² Сохраняется написание источника. — Примеч. ред.

Данная теория задала основное направление исследования культурного потребления в социальных науках. Во-первых, культурное потребление рассматривается не просто как один из вариантов структуры стиля жизни, но как производная от социальной позиции, а именно — от полученных в ходе социализации знаний. Таким образом, важность приобрело внимание не только к частоте практик потребления, но также и к их содержанию (культурным вкусам), восприятию культурных продуктов, а также к наличию компетенции в данной сфере. Во-вторых, данные идеи определили основания для группирования элементов стиля жизни и культурного капитала. В-третьих, само предположение о существовании оснований для группирования сформировало интерес к изучению структуры культурного потребления. Из этого вытекают два направления критики: подвергаются сомнению (1) гомологичная структура, то есть выделяются как другие варианты сочетания различных предпочтений, так и альтернативные основания для различения культурных практик и вкусов; (2) сама идея наличия какой-либо структуры.

Одним из альтернативных вариантов определения структуры культурного потребления можно считать тезис Р. Петерсона и Р. Керна [Peterson, Kern 1996], указавших на имеющиеся отличия от исходных посылок Бурдьё. Как показало исследование Петерсона и Керна, в структуре потребления можно, как и прежде, выделить приверженцев легитимной культуры, а также потребителей массовой, однако в то же время было установлено наличие ещё одной группы — «всеядных», которые демонстрировали как легитимные, так и массовые предпочтения. Если рассматривать связь между данной структурой и классом, то «всеядные» и «снобы» принадлежат к высшему слою, в то время как потребители массовой культуры, как и ожидалось, оказались представителями низшего слоя. Таким образом, можно говорить и об усложнении структуры потребления, и об изменении её связи с социальной иерархией. Ведь, по сути, появление в высшем слое групп, поддерживающих всё разнообразие практик, говорит о сдвиге в маркировании социального статуса. В такой ситуации высокий статус демонстрируется уже не столько за счёт умения различать «высокую» культуру, но через знания относительно всего многообразия культурных продуктов.

В то же время данная концепция претерпевала изменения. Во-первых, разделение культуры на высокую и массовую становится условным; кроме того, данная оппозиция не учитывает другие критерии для дифференциации: этнический аспект [Trienekens 2002], космополитические ориентации [Skrbis, Woodward 2007] или противопоставление публичной и приватной культуры [Gans 2008]. К. ван Эйк и Д. Ливенс дополнили концепцию всеядности и указали на существование нескольких форм всеядности [Eijck, Lievens 2008]. Авторы используют понятие «культурные схемы» — определённый набор культурных предпочтений, объединяемых общим стилем. Идея выходит за рамки оппозиции «высокая — массовая» культура: основой для выделения культурных схем может служить любая иерархическая система. В этом случае культурные схемы выделялись на основании предпочитаемых жанров музыки. О. Салливан и Т. Катц-Герро расширили концепцию всеядности и ввели понятие «прожорливость» (*voracious*) [Sullivan, Katz-Gerro 2006]. Данная концепция основана на том, что само по себе разнообразие практик и предпочтений не принимает во внимание временные затраты и, следовательно, не показывает степень включённости в культурное потребление как таковое. Исходя из этого, авторы говорят о необходимости учитывать также и частоту различных культурных практик.

Ещё одним вариантом можно считать индивидуализацию культурных предпочтений. В данном случае предполагается, что культурное потребление, как и другие формы потребления, на самом деле не имеет какой-либо структуры и не привязано ни к одной из социальных групп. Существующие варианты культурных продуктов и активностей могут быть выбраны любым индивидом в зависимости от желания или необходимости. Данный выбор связан не только с классом и статусом, но также и с любыми другими формами социальных различий, например — с гендером, этничностью, возрастом [Beck 1992]. Культурное потребление рассматривается как способ формирования символических границ между социальными группами [Lamont, Molnár 2002; Lizardo 2006b]. В то же время в более строгом варианте

данной концепции отрицается в целом любая связь с социальной позицией. Индивиды самостоятельно определяют интересующие их формы культурного потребления и делают собственный выбор на данной основе [Bauman 2002].

Подобная позиция полностью противоречит как теории П. Бурдьё, так и идеям Р. Петерсона. В данном случае не только отрицается связь класса и структуры, но также переосмысливается само представление о репертуарах культурного потребления. Предопределённость выбора в данном случае не рассматривается: каждый элемент культурного потребления используется для выражения личного выбора и может быть в любой момент исключён, то есть происходит отказ от понятия «структура» и тем более «гомологичная структура». Социализация в определённой среде не рассматривается как фактор, влияющий на выбор практик и предпочтений [Warde 1997]. Кроме того, из этого следует, что культурное потребление само по себе является выбором: возникает необходимость определить, какие факторы определяют, в целом, выбор культурного потребления как формы выражения собственной идентичности.

Каждая из предложенных теоретических концепций имеет собственные методологические особенности изучения культурного потребления. Использование теории П. Бурдьё предполагает исследование культурных предпочтений и практик, имеющих различный уровень символической ценности. В соответствии с концепцией Петерсона и Керна считается, что используемые показатели маркируют различную символическую ценность, однако важным показателем в данном случае становится разнообразие предпочтений и практик. Концепция «прожорливости» принимает во внимание интенсивность культурного потребления. Идея индивидуализации культурного потребления ориентирована на изучение отдельных элементов культурного потребления и их связи с выражением собственной идентичности. Исходя из этого, в следующих разделах рассматриваются различные варианты, используемые для определения культурного потребления.

Культурное потребление: измерение понятия

Культурные практики

Среди представленных в литературе способов определения культурного потребления можно выделить анализ культурных практик. Данный способ во многих случаях основывается на предположении о «всеядности» и измеряет разнообразие практик, в которые включены респонденты. Однако в существующей литературе нет установленного набора практик: в исследованиях можно встретить различающиеся репертуары. Например, Х. Лопес-Синтас и Э. Алварез проанализировали культурное потребление в Испании [Lopez Sintas, Alvarez 2002]. Они операционализируют культурное потребление через следующие культурные практики: осмотр исторических достопримечательностей, посещение музеев и выставок, ярмарок, публичных лекций, а также театральных и музыкальных фестивалей. Т. Чен и Дж. Годторп определяют культурное потребление через посещение различных мероприятий, связанных с изобразительным искусством. В частности, к таким практикам относится посещение фестивалей искусства, ярмарок, выставок, галерей и музеев, мероприятий, включающих видео- или электронное искусство [Chan, Gordthorpe 2007c]. П. Димаджио и Т. Мухтар в своей работе проследили изменения в популярности тех или иных культурных практик [DiMaggio, Mukhtar 2004]. К этим практикам относились посещение оперы, балета, музыкальных представлений, концертов классической музыки и джаза, театров, танцевальных представлений, музеев, ярмарок, осмотр исторических достопримечательностей. Как можно отметить, большинство из представленных практик относятся к «легитимным», за исключением посещения ярмарок и концертов джаза. Результаты исследования показывают, что происходит постепенное снижение популярности легитимных практик, таких как посещение оперы и балета, и растёт популярность джаза. Подобный вывод делает проблему определения

культурного потребления ещё более актуальной: смысл, вкладываемый в культурные практики, может меняться с течением времени.

Помимо этого, культурное потребление может рассматриваться как составляющая досуга. Подобным образом среди культурных практик досуга удалось выявить посещение музеев, музыкальных представлений, театральных постановок, а также чтение книг и другой литературы [Eijck, Oosterhout 2005]. Категория «досуг» возникает также и в других работах. Так, наряду с посещением оперы, концертов классической и джазовой музыки, театральных постановок, музеев и кино, также может анализироваться посещение спортивных мероприятий [Christin 2012]. Применение термина «досуг» несёт определённый смысл: данное понятие используется как обобщающий термин, что позволяет легитимировать большее количество различных категорий в зависимости от имеющихся данных (особенно в случае, когда исследователь не имеет возможности оказать влияние на имеющийся инструментарий, в частности — в случае анализа вторичных данных). Что касается употребления данного понятия в контексте исследований культурного потребления, то здесь важна также смысловая нагрузка термина: включение культурных практик в понятие «досуг» показывает место культурного потребления в структуре стиля жизни и подчёркивает противопоставление потребления (досуга) и производства (работы).

Помимо этого, можно выделить ряд исследований, которые основываются на теории П. Бурдьё и рассматривают отдельно легитимные и массовые практики или же фокусируются исключительно на включённости в легитимные практики. В то же время в данном случае исследователи также уделяют внимание разным практикам и используют разные теоретические концепты. Так, К. ван Эйк сравнивает влияние семейного культурного капитала на культурные предпочтения братьев и сестёр [Eijck 1997]. В данной работе, как можно заметить, применяются две различные концепции: культурный капитал и культурное потребление рассматриваются как отдельные категории. Тем не менее для измерения этих категорий употребляются одинаковые показатели. Культурное потребление определяется через осмотр исторических достопримечательностей, посещение музеев, оперы, балета, концертов классической музыки, театральных представлений, чтение книг, в том числе зарубежных произведений в переводе, а также на языке оригинала. Культурный капитал же представляет собой уровень образования и включённость родителей в практики. Таким образом, одинаковые индикаторы могут использоваться для определения содержательно различных понятий. Также культурные практики как отражение культурного капитала применяются и в качестве независимой переменной; при этом исследователи не ставят перед собой задачу определить факторы участия в данных практиках [Lamb 1989]. Кроме того, культурное потребление оказывается значимым фактором для определения социального капитала: различные культурные практики оказываются основой для формирования разных типов социальных связей. Так называемые высокие практики (походы в музеи, оперу, балет, а также чтение книг) служат для формирования ограничивающего социального капитала, в то время как массовые (походы в кино и на концерты популярной музыки) — для формирования объединяющего социального капитала [Lizardo 2006a].

Также стоит отметить исследования, фокусирующиеся на легитимных практиках. М. ван Хек и Г. Крэйкамп провели исследование с использованием многоуровневого моделирования, что позволило им рассмотреть влияние характеристик страны на вероятность вовлечённости в легитимное потребление в различных странах Европы [Hek, Kraaykamp 2013]. В данном случае анализировались легитимные культурные практики: посещение оперы, театров, музеев и библиотек. Также сравнительный анализ включённости в те же легитимные практики был представлен в работе Дж. Герхардса и его коллег [Gerhards, Hans, Mutz 2013]. Они установили также, что модернизация оказывает негативное влияние на степень выраженности статусных различий в потреблении легитимной культуры. Р. Абрамов и А. Зудина рассматривали культурное потребление социальных инноваторов. В данной работе к практикам культурного потребления относились чтение книг, посещение театров, кинотеатров, концертов классической музыки; такие практики соответствуют понятию «легитимная культура» [Абрамов, Зудина

на 2010]. К. Апрайт также определяет культурное потребление через практики. При этом все практики относятся к легитимным: посещение оперы, танцевальных представлений, музыкальных и драматических театров, концертов классической музыки, а также музеев [Upright 2004]. Г. Крайкамп и его коллеги проследили тренды в посещении различных типов культурных институций в Нидерландах в 1992–2003 гг. В частности, они проанализировали частоту включённости в легитимные культурные практики, такие как посещение оперы и балета, музеев и выставок, а также драматических театров [Kraaykamp, Gils, Ultee 2008]. Исследование легитимных практик проще с точки зрения теоретического обоснования: подобный тип культурного потребления предполагает наличие высокой социальной позиции, что позволяет выдвигать ясные гипотезы и легко интерпретировать результаты. Однако подход не учитывает два факта: во-первых, как показали П. Димаджио и Т. Мухтара [DiMaggio, Mukhtar 2004], легитимность культурных практик изменяется с течением времени; во-вторых, из внимания упускается множество других форм культурного потребления, не связанных с высокой социальной позицией.

Помимо описанных работ, среди исследований культурных практик можно выделить ряд статей, анализирующих не только практики потребления, но и практики культурного производства. Понятие «культурное производство» предполагает наличие определённой культурной компетенции, что создаёт дополнительное измерение для культурного капитала. Например, Д. Кэйн рассматривает гендерные различия в культурном потреблении. Она использует понятие «культурное участие» (*cultural participation*), которое измеряется с помощью практик непосредственного производства культурного продукта. Все культурные практики были разделены на «высокие» и «другие». К высоким были отнесены такие практики, как посещение музеев, танцевальных представлений, чтение «большой» литературы (*great literature*), а также игра на музыкальных инструментах. «Другие» формы культурного участия подразумевали чтение популярных журналов, посещение спортивных мероприятий, а также походы в кино [Kane 2004]. Стоит отметить, что введение термина «культурное участие» связана с необходимостью совместить два различных измерения культурного капитала — потребление культурной продукции (как большинство озвученных практик) и её производство (игра на музыкальных инструментах). Похожим образом К. Муñиз и её коллеги, помимо стандартных вопросов о включённости в различные культурные практики, анализировали участие в конференциях и дебатах, что даёт дополнительное измерение культурного капитала [Muñiz, Rodríguez, Suárez 2014]. Я. М. Рощина рассматривает стиль жизни на примере как культурного потребления, так и производства: практики посещения музеев, театров, прослушивание музыки, просмотр фильмов сочетаются с такими, как рисование и игра на музыкальных инструментах [Рощина 2007]. Кроме того, в работе Т. Виртанен анализируется культурная активность молодёжи в 15 европейских странах [Virtanen 2005] и анализируются практики культурного потребления и культурного производства (опять же игра на музыкальных инструментах). Тем не менее, как отмечает А. Ривз, культурное потребление и культурное участие, хотя и являются связанными понятиями, имеют различное концептуальное значение. Несмотря на то что оба измерения требуют определённого уровня культурной компетенции, культурное участие предполагает включённость в производство культурных продуктов, что предполагает большую вовлечённость в сферу культуры. Из этого также следует низкий уровень связи между культурным участием и социальной позицией: включённость в специфическую деятельность связана с общим количеством культурных и экономических ресурсов, а не с профессиональной деятельностью [Reeves 2015].

Ещё одним из вариантов определения культурного потребления в данном подходе является анализ практики посещения различных культурных институций. О. Брук и её коллеги анализировали влияние географической доступности на включённость в культурное потребление на примере практик посещения театров [Brook, Boyle, Flowerdew 2010] и оперы [Brook 2013]. При этом информация о походе в театр и оперу была собрана на основании данных, оставленных при бронировании или покупке билетов на представления. Кроме того, было изучено влияние географического расположения в отношении различных типов театров: драматические театры, театры комедии, танцевальный театр, семейный театр,

пластический театр, а также Шекспировский театр. Подобное разделение на жанры основано на существующей классификации театров. С точки зрения социологической теории, данное деление также позволяет рассмотреть культурные институции, имеющие разную символическую ценность [Grisolia et al. 2010].

Как можно заметить, несмотря на схожесть подходов, в исследованиях используются различные варианты операционализации «культурных практик». Стоит принять во внимание некоторую ограниченность возможности выбора инструментария исследователем: большинство работ, в которых рассматриваются культурные практики, представляют собой вторичный анализ данных, поэтому включённые индикаторы зависят от имеющихся переменных. Подобная ситуация приводит к тому, что, во-первых, отличаются изучаемые практики, при этом расхождения не всегда связаны с символической ценностью. Даже в случае анализа только легитимных практик в работе могут встречаться разные переменные. Во-вторых, в анализе зачастую смешиваются практики потребления и производства, что может приводить к смещению оценки, так как практики потребления и практики производства требуют разного уровня культурной компетенции, а также материальных ресурсов.

Вкус и предпочтения

Ещё одним подходом к измерению культурного потребления можно считать анализ культурных предпочтений. В данном случае рассматривается отношение к различным видам культурных продуктов, что позволяет дифференцировать вкусы внутри сходных практик и получить более подробную информацию о структуре культурных предпочтений. Для этого подхода характерно исследование предпочтений внутри одной практики. Например, распространённым вариантом является исследование музыкальных вкусов. В общем виде культурное потребление на примере музыки может определяться как частота прослушивания музыкальных произведений различных жанров (в частности, оперы, джаза, классической музыки, а также поп- или рок-музыки) [Chan, Goldthorpe 2006]. В то же время культурное потребление операционализируется через музыкальные предпочтения и знание музыкальных произведений [Emmison 2003]. Подобный подход не только затрагивает предпочтения как таковые, но также связывает культурное потребление и культурный капитал. Узнавание легитимных и массовых произведений не только показывает личные предпочтения, но также позволяет понять общий уровень культурной компетенции. Дж. Шеферд рассматривает популярность музыкальных жанров в Канаде [Shepherd 1986]. Стоит отметить, что теоретической рамкой данного исследования выступают психологические подходы, определяющие значимость музыкальных произведений для слушателей через оказываемый на них эффект. Респондентам были заданы несколько вопросов: «Какие три песни или музыкальные произведения были Вашими любимыми за последние три месяца?»; «Среди всех песен и музыкальных произведений, какие произвели на Вас наибольшее впечатление?»; «Какие музыкальные видео были Вашими любимыми за последние три месяца?». Полученные ответы были перекодированы в несколько этапов: музыкальные произведения были заменены на их авторов или исполнителей, а затем авторы были объединены в соответствии с их жанром [Shepherd 1986]. М. Саваж и М. Гайо также используют музыкальные жанры в качестве измерения культурного потребления [Savage, Gayo 2011]. При этом они рассматривают не только вкусы, но и знание определённых музыкальных произведений в целом. Их работа показывает, что культурное потребление может иметь множество структурных особенностей, которые не укладываются в традиционную дихотомию «высокое — массовое» и также не вписываются в концепцию «всеядности». Полученная структура показывает, что существуют два варианта «всеядности»: включающая (1) отдельные музыкальные произведения во множестве жанров и (2) множество произведений в одном или паре жанров. Кроме того, есть те, кто ориентирован исключительно на классическую музыку, а также на популярную. Также важно отметить наличие «неосведомлённых», или тех, кто не может высказать своё мнение относительно предпочтений, потому что не интересуется представленными музыкальными произведениями [Savage, Gayo 2011].

Помимо музыкального вкуса, также исследуются предпочтения в изобразительном искусстве [Chan, Goldthorpe 2007c]. Так, С. Данекиндт и Х. Роосе включают в своё исследование два измерения культурного потребления: непосредственные предпочтения и суждение о культуре в целом. В данном случае культурные предпочтения определялись как выражение симпатии и антипатии к пяти художникам — Дюшану, Рубенсу, Кандинскому, Поллоку, Ван Гогу. Использование данного индикатора продиктовано желанием учесть отношение респондентов к разным стилям искусства. Суждения о культуре, в свою очередь, делились на критические, модернистские, функциональные и постмодернистские в зависимости от того, какие цели и средства приписывает респондент сфере изобразительного искусства [Daenekindt, Roose 2017]. Исследование предпочтений отдельных стилей изобразительного искусства также внесло дополнения к концепции «всеядности». Обнаружилось, что «всеядность» может проявляться не только как предпочтение одновременно легитимных и популярных форм культуры, но и как разнообразие внутри каждой из этих форм [Berghman, Eijck 2009].

Предпочтения в сфере литературы также используются в качестве определения культурного потребления. М. Соколов и его коллеги проанализировали культурное потребление на примере чтения книг в библиотеках. В данной работе книги были разделены на легитимные и популярные, рассматривалась структура литературных предпочтений. При этом было установлено, что можно наблюдать гендерные и возрастные различия в популярной литературе, но в легитимной литературе подобных различий нет [Соколов, Соколова, Сафонова 2016]. Чен и Голдторп рассмотрели литературные вкусы на примере предпочитаемых газет, которые были разделены на четыре группы — общественно-политические издания, таблоиды и местные газеты [Chan, Goldthorpe 2007b]. Кроме того, практика чтения может быть проанализирована в двух измерениях: с одной стороны, в качестве индикатора берётся частота включённости в данную практику; с другой стороны, различные жанры литературы также используются в качестве измерения культурного потребления [Torche 2007].

Помимо того, в существующей литературе рассматриваются предпочтения внутри нескольких практик. Так, О. Лизардо и С. Скайлс сравнили паттерны культурного потребления в странах Европы и проанализировали предпочтения в музыке и телевизионных программах [Lizardo, Skiles 2008]. Кроме того, на примере литературных и музыкальных жанров было показано, что «всеядность» может измеряться не только в соотношении легитимных и популярных предпочтений, но также и в целом в разнообразии культурных выборов [Purhonen, Gronow, Rahkonen 2010]. С. Фридман рассматривает феномен «всеядности» на примере предпочтений в комедийных шоу [Friedman 2012]. Его работа показывает, что всеядность, определяемая как эклектичность вкуса и способность судить о культурных продуктах различных видов, характерна только для тех, кто на протяжении всей жизни принадлежал к высшему классу. Для тех же, кто оказался в высшем классе в результате восходящей социальной мобильности, приобретаемые легитимные предпочтения не становятся частью инкорпорированного культурного капитала. Для описания данной ситуации Фридман использует понятие «культурная бездомность» (*culturally homeless*), означающее маргинальное состояние, в котором предпочтения находятся между вкусами начального и конечного социальных слоёв. В. Кэнн видит в культурном потреблении один из способов формирования гендерной идентичности. В своей работе она изучает то, каким образом культурный вкус, а именно предпочтение определённых телевизионных программ и музыкальных произведений, используется для выражения границ маскулинности [Cann 2014].

В целом исследования чаще ориентированы на более детальное изучение определённой практики. В то же время полученные результаты сложно интерпретировать в сравнительной перспективе: символическая ценность различных культурных продуктов может варьировать в зависимости от страны или региона. Определённые культурные предпочтения сильно связаны с социальными характеристиками в одной стране, но в то же время могут быть плохим индикатором социальной позиции в другой [Peterson 2005: 267–268].

Исследование культурного потребления в России не является распространённой темой в отечественной социологии, хотя имеющиеся исследования вписываются в общую дискуссию: так, М. Соколов и его коллеги рассматривают гендерные, профессиональные и возрастные различия в культурных предпочтениях [Соколов, Соколова, Сафонова 2016], а Я. Рощина уделяет внимание статусной дифференциации [Рощина 2007]. В целом низкий уровень интереса связан со сложностью определения классово-статусной структуры российского общества [Григорьев, Малева 2001; Симонян 2009; Тихонова 2018]. В условиях, когда нельзя точно определить стратификационную систему, исследование культурного потребления оказывается более проблематичным, в частности, с точки зрения причинно-следственных связей.

Более подробное описание различий в восприятии культурных произведений представлено в ряде работ: [Kessler, Hansen, Shepard 1984; MacKay, Fesenmaier 2000; Stevens 2012].

Практики и вкусы

В ряде исследований культурное потребление рассматривается одновременно с точки зрения практик и вкусов. Учтёно сразу оба измерения важно, что следует из разных аспектов социальной стратификации, которые они отражают. Вкусы, или предпочтения, в большей степени демонстрируют культурные различия, в то время как включённость в практики определяется доходом и другими экономическими показателями [Yaish, Katz-Gerro 2010].

Так, М. Соколов и его коллеги проанализировали культурный капитал и вкусы студентов. При этом была измерена включённость в различные культурные практики, а также предпочтения в сфере изобразительного искусства, литературы и кино. Респондентов просили выразить отношение к 19 художникам, 20 писателям и 20 режиссёрам [Соколов, Сафонова, Чернецкая 2017]. Т. Катц-Герро в работе 2002 г. исследует взаимосвязь класса и включённости в легитимные культурные практики в пяти различных странах: в Восточной Германии, Израиле, Италии, США и Швеции [Katz-Gerro 2002]. При этом для каждой страны были исследованы отдельные наборы практик, а в некоторых случаях также отдельные репертуары вкусов внутри одной практики. В данных о Швеции была выделена практика чтения, а в Израиле и Германии были проанализированы предпочитаемые жанры [Katz-Gerro 2002: 217].

В работе 1999 г. Т. Катц-Герро рассматривает культурное потребление в рамках двух понятий — досуг и музыкальные предпочтения. Культурное потребление определяется как форма использования свободного времени и измеряется с помощью практик. Одновременно с этим культурное потребление представляется как маркер вкуса и измеряется с помощью предпочитаемых музыкальных жанров [Katz-Gerro 1999]. Кроме того, стоит отметить применение факторного анализа в качестве метода выявления паттернов культурного потребления: данный метод предполагает, что, во-первых, культурные практики и предпочтения складываются в определённые репертуары, а во-вторых, эти репертуары являются гомологичными. В то же время, как показывает исследование А. Прие и её коллег, культурные предпочтения действительно оказываются гомологичными, при этом культурные практики больше соответствуют паттерну «всеядности» [Prieur, Rosenlund, Skjott-Larsen 2008]. М. Саваж и его коллеги предложили свой подход к классификации культурных предпочтений и практик, показав, что культурное потребление является частью культурного капитала, который, в свою очередь, разделяется на легитимный и новый (*emerging*). Легитимный культурный капитал измеряется посещением музеев, драматических театров, оперы и балета, а также интересом к классической музыке. Новый культурный капитал определяется как интерес к новым формам культурного потребления, то есть к использованию социальных сетей, к концертам популярной музыки и предпочтению неакадемических жанров музыки [Savage et al. 2013].

Стоит отметить, что подобный вариант определения культурного потребления позволяет глубже проанализировать данный феномен. В то же время подобный подход, как и предыдущий, сопряжён с проблемой сравнительного анализа: выбор тех или иных практик и культурных продуктов связан с проблемой символической ценности. Кроме того, несмотря на широту охвата, данный подход всё же не даёт возможности рассмотреть место, которое культурное потребление занимает в структуре стиля жизни.

Опыт и восприятие

Помимо культурных предпочтений и практик, внимание исследователей уделяется самому опыту культурного потребления. Данный подход ориентирован на выявление значения, которое придаётся культурному потреблению как таковому. Например, А. Вард и Т. Беннетт рассматривали культурное потребление и его значимость с помощью как количественного, так и качественного анализа [Warde, Bennett 2008]. Эти исследователи не только анализируют культурные практики и предпочтения, но и уделяют внимание восприятию различных культурных объектов и смыслам, вкладываемым в те или иные практики. Помимо различий во вкладываемых смыслах, можно также выделить отдельные категории: культурный опыт и культурное потребление [Benzecry, Collins 2014]. Культурное потребление рассматривается как внешняя характеристика, которую можно явно выделить, спросив о частоте культурных практик, в то время как культурный опыт остаётся скрытым и требует более сложного анализа.

Й. Рессел не только указывает на необходимость учитывать практики и вкусы, определяющие культурное потребление, но также на важность понимания того, как они реализуются. На примере посещения оперы он рассматривает шесть составляющих культурного потребления: ощущения (*feelings*); анализ (*analysis*); уход от реальности (*escape*); поверхностный интерес (*superficial*); телесный опыт (*bodily*); концентрация (*concentration*) [Rössel 2011]. Л. Ханкинет и её коллеги изучают установки по отношению к изобразительному искусству на примере установок посетителей музеев [Hanquinet, Roose, Savage 2014]. В данном случае внимание уделялось тому, какие аспекты искусства являются важными для респондента. В частности, фиксировались такие факторы, как красота и гармония, фигуративизм, мастерство, отстранённость от наблюдателя, независимость произведения искусства, эмоциональность, а также социальная значимость. Помимо этого, культурное потребление также измерялось стандартными вопросами о предпочтениях и практиках: посетителей музеев просили указать, как часто они посещают музеи, а также определить своё отношение к различным стилям изобразительного искусства.

Вероятно, из всех описанных подходов к культурному потреблению данный вариант является наименее распространённым. Причиной можно считать необходимость более сложного дизайна исследования. Несомненным преимуществом этого подхода становится более глубокий анализ значимости той или иной формы культурного потребления, что в итоге и оказывается основой для классовых и статусных концепций, говорящих об особом значении культурной сферы для формирования и поддержания границ между социальными группами.

Заключение

Данная статья представляет собой обзор работ, посвящённых исследованию культурного потребления. С точки зрения теоретических подходов изучение культурного потребления представляется важным, так как этот феномен позволяет проследить социальную структуру, основанную на классовых и статусных различиях, а также символические границы между социальными группами. В то же время культурное потребление остаётся понятием многозначным, рассматривается с позиции различных теоретических подходов и может быть определено в контексте стиля жизни, выражающего социальную позицию его обладателя. Оно также рассматривается в качестве составляющей культурного капитала и, таким образом, является основой для социальной дифференциации.

Что касается непосредственно определения понятия в эмпирических работах, то существует несколько подходов к его измерению, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Выбор того или иного подхода зависит от многих факторов, в том числе от методологии или доступности информации при анализе вторичных данных. Безусловно, в идеальном случае стоит учитывать все описанные аспекты, что, однако, представляется маловероятным. Тем не менее при выборе любого из существующих вариантов необходимо учитывать его сильные и слабые стороны, а также описывать ограничения используемого подхода. Сравнение подходов к определению культурного потребления представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение подходов к операционализации культурного потребления

Подход	Практики	Вкусы	Восприятие
Переменные и (или) цепты	Опера Опера и балет (опера и (или) балет) Театры (драматические, комедийные, танцевальные и др.) Музеи Музеи и выставки (музеи и выставки) Исторические достопримечательности Публичные лекции Кинотеатры Фестивали (театральные, музыкальные, художественные) Концерты (классическая музыка, джаз, рок-музыка, поп-музыка) Чтение (книги и периодические издания)	Музыкальные жанры (опера, джаз, фолк, этническая музыка, классическая музыка, поп, рок) Стили изобразительного искусства Литературные предпочтения Телевизионные программы	Изобразительное искусство Музыкальные предпочтения
Что анализируется	Частота практики Структура практик Количество и (или) разнообразие практик	Структура вкусов Предпочитаемые жанры и стили Знания	Цели Суждения и (или) смыслы потребления Опыт
Преимущества	Универсальная информация, возможность сравнения, лёгкие для интерпретации индикаторы	Позволяет детально рассмотреть содержание культурного потребления	Более глубокий анализ культурного потребления
Недостатки	Не даёт возможности рассмотреть содержание потребления	Сложность сравнения культурных продуктов	Сложность методологии, учитывается только одна практика

Определение культурного потребления через культурные практики позволяет оценить степень включённости индивида в культурную сферу, а также получить более универсальные данные и провести сравнительные исследования. В то же время данный подход не даёт возможности понять содержание культурного потребления. В свою очередь, исследование культурных вкусов, наоборот, даёт возможность более детально рассмотреть содержание культурного потребления, однако не учитывают непо-

средственные действия, связанные с культурной активностью. Существуют также работы, уделяющие внимание обоим аспектам, однако они не исследуют опыт и вкладываемые в культурное потребление смыслы. Наконец, рассмотрение опыта культурного потребления позволяет выяснить значимость данного вида деятельности, но требует более сложного исследовательского дизайна и ориентировано, как правило, только на один вид культурного потребления. В то же время стоит отметить, что даже внутри каждого из подходов встречаются методологические различия, для измерения одного и того же понятия могут быть использованы разные переменные. В целом стоит сделать вывод, что наличие большого количества работ, исследующих феномен культурного потребления в условиях отсутствия общих методологических рекомендаций, говорит о постоянном развитии данной темы в социологических исследованиях и делает её перспективной.

Литература

- Абрамов Р. Н., Зудина А. А. 2010. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 100 (6): 134–142.
- Бурдые П. 1998. Структура, габитус, практика. Пер. Н. А. Шматко. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1 (2): 44–59.
- Горбань Е. С. 2013. Обзор социологических теорий и интерпретация понятия «стиль жизни»: от классового общества до постмодерна. *Экономическая социология*. 14 (3): 133–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sotsiologicheskikh-teoriy-i-interpretatsiya-ponyatiya-stil-zhizni-ot-klassovogo-obschestva-do-postmoderna>
- Григорьев Л. М., Малева Т. М. 2001. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации. *Вопросы экономики*. 1: 45–61.
- Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*. 3 (4): 20–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kapitala-formy-kapitalov-i-ih-konvertatsiya>
- Рощина Я. М. 2007. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга. *Экономическая социология*. 8 (4): 23–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-stiley-zhizni-rossiyan-v-pole-dosuga>
- Симонян Р. Х. 2009. Средний класс: социальный мираж или реальность? *Социологические исследования*. 1: 55–61.
- Скокова Л. Г. 2014. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации. *Социологический альманах*. 2: 232–243.
- Соколов М. М., Сафонова М. А., Чернецкая Г. А. 2017. Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов. *Мир России. Социология. Этнология*. 26 (1): 152–179.
- Соколов М. М., Соколова Н. А., Сафонова М. А. 2016. Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 19 (3): 116–135.

- Тихонова Н. Е. 2018. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 1–2 (126): 17–29.
- Bauman Z. 2002. *Society Under Siege*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage.
- Benzecry C., Collins R. 2014. The High of Cultural Experience: Toward a Microsociology of Cultural Consumption. *Sociological Theory*. 32 (4): 307–326.
- Berghman M., Eijck K. van. 2009. Visual Arts Appreciation Patterns: Crossing Horizontal and Vertical Boundaries within the Cultural Hierarchy. *Poetics*. 37 (4): 348–365.
- Bihagen E., Katz-Gerro T. 2000. Culture Consumption in Sweden: The Stability of Gender Differences. *Poetics*. 27 (5–6): 327–349.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. 2011 (1986). The Forms of Capital. In: Szeman I., Kaposy T. (eds) *Cultural Theory: An Anthology*. Chichester, UK: John Wiley & Sons, Ltd.; 81–93.
- Brook O. 2013. Reframing Models of Arts Attendance: Understanding the Role of Access to a Venue. The Case of Opera in London. *Cultural Trends*. 22 (2): 97–107.
- Brook O., Boyle P., Flowerdew R. 2010. Geographic Analysis of Cultural Consumption. In: Stillwell J. et al. (eds). *Spatial and Social Disparities*. Dordrecht: Springer; 67–82.
- Bryson B. 1996. “Anything but Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes. *American Sociological Review*. 61 (5): 884–899.
- Cann V. 2014. The Limits of Masculinity: Boys, Taste and Cultural Consumption. In: Roberts S. (ed.) *Debating Modern Masculinities: Change, Continuity, Crisis?* London: Palgrave Pivot; 17–34.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2006. Social Stratification and Cultural Consumption: Music in England. *European Sociological Review*. 23 (1): 1–19.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007a. Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*. 72 (4): 512–532.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007b. Social Status and Newspaper Readership. *American Journal of Sociology*. 112 (4): 1095–1134.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007c. Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England. *Poetics*. 35 (2–3): 168–190.
- Chaney D. C. 2002. From Ways of Life to Lifestyle: Rethinking Culture as Ideology and Sensibility. In: Lull J. (ed.) *Culture in the Communication Age*. London: Routledge; 75–88.

- Christin A. 2012. Gender and Highbrow Cultural Participation in the United States. *Poetics*. 40 (5): 423–443.
- Daenekindt S., Roose H. 2017. Ways of Preferring: Distinction through the ‘What’ and the ‘How’ of Cultural Consumption. *Journal of Consumer Culture*. 17 (1): 25–45.
- DiMaggio P. 1982. Cultural Capital and School Success: The Impact of Status Culture Participation on the Grades of US High School Students. *American Sociological Review*. 47 (2): 189–201.
- DiMaggio P., Mukhtar T. 2004. Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*. 32 (2): 169–194.
- Eijck K. van. 1997. The Impact of Family Background and Educational Attainment on Cultural Consumption: A Sibling Analysis. *Poetics*. 25 (4): 195–224.
- Eijck K. van, Lievens J. 2008. Cultural Omnivorousness as a Combination of Highbrow, Pop, and Folk Elements: The Relation between Taste Patterns and Attitudes Concerning Social Integration. *Poetics*. 36 (2–3): 217–242.
- Eijck K. van, Oosterhout R. van. 2005. Combining Material and Cultural Consumption: Fading Boundaries or Increasing Antagonism? *Poetics*. 33 (5–6): 283–298.
- Emmison M. 2003. Social Class and Cultural Mobility: Reconfiguring the Cultural Omnivore Thesis. *Journal of Sociology*. 39 (3): 211–230.
- Featherstone M. 2007. *Consumer Culture and Postmodernism*. London: Sage.
- Friedman S. 2012. Cultural Omnivores or Culturally Homeless? Exploring the Shifting Cultural Identities of the Upwardly Mobile. *Poetics*. 40 (5): 467–489.
- Gans H. 2008. *Popular Culture and High Culture: An Analysis and Evaluation of Taste*. New York: Basic Books.
- Gerhards J., Hans S., Mutz M. 2013. Social Class and Cultural Consumption: The Impact of Modernisation in a Comparative European Perspective. *Comparative Sociology*. 12 (2): 160–183.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Graeber D. 2011. Consumption. *Current Anthropology*. 52 (4): 489–511.
- Grisolía J. M. et al. 2010. Social Engagement and Regional Theatre: Patterns of Theatre Attendance. *Cultural Trends*. 19 (3): 225–244.
- Hanquinet L., Roose H., Savage M. 2014. The Eyes of the Beholder: Aesthetic Preferences and the Remaking of Cultural Capital. *Sociology*. 48 (1): 111–132.
- Hek M. van, Kraaykamp G. 2013. Cultural Consumption across Countries: A Multi-Level Analysis of Social Inequality in Highbrow Culture in Europe. *Poetics*. 41 (4): 323–341.

- Inglehart R. 2000. Globalization and Postmodern Values. *Washington Quarterly*. 23 (1): 215–228.
- Kane D. 2004. A Network Approach to the Puzzle of Women's Cultural Participation. *Poetics*. 32 (2): 105–127.
- Katz-Gerro T. 1999. Cultural Consumption and Social Stratification: Leisure Activities, Musical Tastes, and Social Location. *Sociological Perspectives*. 42 (4): 627–646.
- Katz-Gerro T. 2002. Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*. 81 (1): 207–229.
- Katz-Gerro T. 2004. Cultural Consumption Research: Review of Methodology, Theory, and Consequence. *International Review of Sociology*. 14 (1): 11–29.
- Kessler E. J., Hansen C., Shepard R. N. 1984. Tonal Schemata in the Perception of Music in Bali and in the West. *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 2 (2): 131–165.
- Kirchberg V., Kuchar R. 2014. States of Comparability: A Meta-Study of Representative Population Surveys and Studies on Cultural Consumption. *Poetics*. 43: 172–191.
- Kraaykamp G., Gils W. van, Ultee W. 2008. Cultural Participation and Time Restrictions: Explaining the Frequency of Individual and Joint Cultural Visits. *Poetics*. 36 (4): 316–332.
- Lamb S. 1989. Cultural Consumption and the Educational Plans of Australian Secondary School Students. *Sociology of Education*. 62 (2): 95–108.
- Lamont M., Molnár V. 2002. The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. 28 (1): 167–195.
- Lizardo O. 2006a. How Cultural Tastes Shape Personal Networks. *American Sociological Review*. 71 (5): 778–807.
- Lizardo O. 2006b. The Puzzle of Women's "Highbrow" Culture Consumption: Integrating Gender and Work into Bourdieu's Class Theory of Taste. *Poetics*. 34 (1): 1–23.
- Lizardo O., Skiles S. 2008. Cultural Consumption in the Fine and Popular Arts Realms. *Sociology Compass*. 2 (2): 485–502.
- Lizardo O., Skiles S. 2009. Highbrow Omnivorousness on the Small Screen? Cultural Industry Systems and Patterns of Cultural Choice in Europe. *Poetics*. 37 (1): 1–23.
- Lopez Sintas J., Alvarez E. G. 2002. Omnivores Show up Again: The Segmentation of Cultural Consumers in Spanish Social Space. *European Sociological Review*. 18 (3): 353–368.
- MacKay K. J., Fesenmaier D. R. 2000. An Exploration of Cross-Cultural Destination Image Assessment. *Journal of Travel Research*. 38 (4): 417–423.
- Muñiz C., Rodríguez P., Suárez M. J. 2014. Sports and Cultural Habits by Gender: An Application Using Count Data Models. *Economic Modelling*. 36 (January): 288–297.

- Peterson R. A. 2005. Problems in Comparative Research: The Example of Omnivorousness. *Poetics*. 33 (5): 257–282.
- Peterson R. A., Kern R. M. 1996. Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore. *American Sociological Review*. 61 (5): 900–907.
- Prieur A., Rosenlund L., Skjott-Larsen J. 2008. Cultural Capital Today: A Case Study from Denmark. *Poetics*. 36 (1): 45–71.
- Purhonen S., Gronow J., Rahkonen K. 2010. Nordic Democracy of Taste? Cultural Omnivorousness in Musical and Literary Taste Preferences in Finland. *Poetics*. 38 (3): 266–298.
- Reeves A. 2015. Neither Class nor Status: Arts Participation and the Social Strata. *Sociology*. 49 (4): 624–642.
- Rössel J. 2011. Cultural Capital and the Variety of Modes of Cultural Consumption in the Opera Audience. *The Sociological Quarterly*. 52 (1): 83–103.
- Savage M. et al. 2013. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*. 47 (2): 219–250.
- Savage M., Gayo M. 2011. Unravelling the Omnivore: A Field Analysis of Contemporary Musical Taste in the United Kingdom. *Poetics*. 39 (5): 337–357.
- Shepherd J. 1986. Music Consumption and Cultural Self-Identities: Some Theoretical and Methodological Reflections. *Media, Culture & Society*. 8 (3): 305–330.
- Skrbis Z., Woodward I. 2007. The Ambivalence of Ordinary Cosmopolitanism: Investigating the Limits of Cosmopolitan Openness. *The Sociological Review*. 55 (4): 730–747.
- Stevens C. J. 2012. Music Perception and Cognition: A Review of Recent Cross-Cultural Research. *Topics in Cognitive Science*. 4 (4): 653–667.
- Sullivan O., Katz-Gerro T. 2006. The Omnivore Thesis Revisited: Voracious Cultural Consumers. *European Sociological Review*. 23 (2): 123–137.
- Thomas K. 2018. The Labor Market Value of Taste: An Experimental Study of Class Bias in US Employment. *Sociological Science*. 5: 562–595.
- Toivonen T. 1994. Does Consumption Determine Social Class? On the Changing Pattern of Consumption Determination. *International Journal of Consumer Studies*. 18 (1): 45–63.
- Torche F. 2007. Social Status and Cultural Consumption: The Case of Reading in Chile. *Poetics*. 35 (2–3): 70–92.
- Trienekens S. 2002. 'Colourful' Distinction: The Role of Ethnicity and Ethnic Orientation in Cultural Consumption. *Poetics*. 30 (4): 281–298.
- Upright C. B. 2004. Social Capital and Cultural Participation: Spousal Influences on Attendance at Arts Events. *Poetics*. 32 (2): 129–143.

- Virtanen T. 2005. Dimensions of Taste for Cultural Consumption — A Cross-Cultural Study on Young Europeans. In: *Proceedings of the 8th AIMAC Conference, Montreal*. URL: http://neumann.hec.ca/aimac2005/PDF_Text/Virtanen_Taru.pdf
- Warde A. 1997. *Consumption, Food and Taste*. London: Sage.
- Warde A. 2015. The Sociology of Consumption: Its Recent Development. *Annual Review of Sociology*. 41: 117–134.
- Warde A., Bennett T. 2008. A Culture in Common: The Cultural Consumption of the UK Managerial Elite. *The Sociological Review*. 56 (1): 240–259.
- Weber M. 2009. Class, Status, Party. In: *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Routledge; 180–195.
- Yaish M., Katz-Gerro T. 2010. Disentangling ‘Cultural Capital’: The Consequences of Cultural and Economic Resources for Taste and Participation. *European Sociological Review*. 28 (2): 169–185.

PROFESSIONAL REVIEWS

Violetta Korsunova

Cultural Consumption in Sociological Research: A Review of Measurement Approaches

KORSUNOVA, Violetta — PhD

Student, Research assistant at the Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics. Address: 55-2 Sedova str., Saint-Petersburg, 192171, Russian Federation.

Email: vikorsunova@hse.ru

Abstract

This review highlights sociological approaches to the definition and measurement of cultural consumption. Studies regarding this issue are based on the supposition that cultural preferences depend on social position and, therefore, reflect social structure. Nevertheless, despite the long history of cultural consumption research and the existence of numerous studies addressing this topic, the notion is still vague. Several approaches may be found in the literature. Cultural consumption is analyzed as a part of lifestyle that is dependent on class structure. This framework is related to the distinction between highbrow and lowbrow activities and tastes, where each set of choices is only relevant for a particular class. Criticism and

further development of this approach is related to the reevaluation of both the structure of cultural consumption and the basis for distinction. More recent studies have addressed not only the symbolic value of cultural products but have also looked at the range of cultural preferences and the intensity of cultural activities. Along with this, papers tackling the modes of cultural consumption are also present. However, existing papers vary in terms of employing these approaches. On the one hand, the definitions are different; studies analyze practices, tastes, or experiences. On the other hand, researchers use different variables and scales to measure cultural consumption.

Keywords: cultural consumption; cultural practices; cultural taste; sociological measurements; lifestyle; structure of cultural consumption.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

References

- Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) Sotsial'nye innovatory: dosugovye praktiki i kulirnoe potreblenie [Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny = The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, vol. 100, no 6, pp. 134–142 (in Russian).
- Bauman Z. (2002) *Society Under Siege* Cambridge, UK: Polity Press.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage.
- Benzecry C., Collins R. (2014) The High of Cultural Experience: Toward a Microsociology of Cultural Consumption. *Sociological Theory*, vol. 32, no 4, pp. 307–326.

- Berghman M., Eijck K van. (2009) Visual Arts Appreciation Patterns: Crossing Horizontal and Vertical Boundaries within the Cultural Hierarchy. *Poetics*, vol. 37, no 4, pp. 348–365.
- Bihagen E., Katz-Gerro T. (2000) Culture Consumption in Sweden: The Stability of Gender Differences. *Poetics*, vol. 27, no 5–6, pp. 327–349.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bourdieu P. (1998) Struktura, habitus, praktika [Structure, Habitus, Practice]. *Jurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no 2, pp. 44–59 (in Russian).
- Bourdieu P. (2011 [1986]) The Forms of Capital. *Cultural Theory: An Anthology* (eds. I. Szeman, T. Kaposy), Chicester, UK: John Wiley & Sons, Ltd., pp. 81–93.
- Brook O. (2013) Reframing Models of Arts Attendance: Understanding the Role of Access to a Venue. The Case of Opera in London. *Cultural Trends*, vol. 22, no 2, pp. 97–107.
- Brook O., Boyle P., Flowerdew R. (2010) Geographic Analysis of Cultural Consumption. *Spatial and Social Disparities* (eds. J. Stillwell, P. Norman, C. Thomas, P. Surridge), Dordrecht: Springer, pp. 67–82.
- Bryson B. (1996) “Anything but Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes. *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 884–899.
- Cann V. (2014) The Limits of Masculinity: Boys, Taste and Cultural Consumption. *Debating Modern Masculinities: Change, Continuity, Crisis?* (ed. S. Roberts), London: Palgrave Pivot, pp. 17–34.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2006) Social Stratification and Cultural Consumption: Music in England. *European Sociological Review*, vol. 23, no 1, pp. 1–19.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007a) Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, vol. 72, no 4, pp. 512–532.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007b) Social Status and Newspaper Readership. *American Journal of Sociology*, vol. 112, no 4, pp. 1095–1134.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007c) Social Stratification and Cultural Consumption: The Visual Arts in England. *Poetics*, vol. 35, no 2–3, pp. 168–190.
- Chaney D. C. (2002) From Ways of Life to Lifestyle: Rethinking Culture as Ideology and Sensibility. *Culture in the Communication Age* (ed. J. Lull), London: Routledge, pp. 75–88.
- Christin A. (2012) Gender and Highbrow Cultural Participation in the United States. *Poetics*, vol. 40, no 5, pp. 423–443.
- Daenekindt S., Roose H. (2017) Ways of Preferring: Distinction through the ‘What’ and the ‘How’ of Cultural Consumption. *Journal of Consumer Culture*, vol. 17, no 1, pp. 25–45.
- DiMaggio P. (1982) Cultural Capital and School Success: The Impact of Status Culture Participation on the Grades of US High School Students. *American Sociological Review*, vol. 47, no 2, pp. 189–201.

- DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*, vol. 32, no 2, pp. 169–194.
- Eijck K. van. (1997) The Impact of Family Background and Educational Attainment on Cultural Consumption: A Sibling Analysis. *Poetics*, vol. 25, no 4, pp. 195–224.
- Eijck K. van, Lievens J. (2008) Cultural Omnivorousness as a Combination of Highbrow, Pop, and Folk Elements: The Relation between Taste Patterns and Attitudes Concerning Social Integration. *Poetics*, vol. 36, no 2–3, pp. 217–242.
- Eijck K. van, Oosterhout R. van. (2005) Combining Material and Cultural Consumption: Fading Boundaries or Increasing Antagonism? *Poetics*, vol. 33, no 5–6, pp. 283–298.
- Emmison M. (2003) Social Class and Cultural Mobility: Reconfiguring the Cultural Omnivore Thesis. *Journal of Sociology*, vol. 39, no 3, pp. 211–230.
- Featherstone M. (2007) *Consumer Culture and Postmodernism*, London: Sage.
- Friedman S. (2012) Cultural Omnivores or Culturally Homeless? Exploring the Shifting Cultural Identities of the Upwardly Mobile. *Poetics*, vol. 40, no 5, pp. 467–489.
- Gans H. (2008) *Popular Culture and High Culture: An Analysis and Evaluation of Taste*, New York: Basic Books.
- Gerhards J., Hans S., Mutz M. (2013) Social Class and Cultural Consumption: The Impact of Modernisation in a Comparative European Perspective. *Comparative Sociology*, vol. 12, no 2, pp. 160–183.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Gorban E. S. (2013) Obzor sotsiologicheskikh teoriy i interpretatsiya ponyatiya “stil’ zhizni”: ot klassovogo obshchestva do postmoderna [Review of Social Theories and Interpretations of “Lifestyle”: From class Societies to Postmodern]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 14, no 3, pp. 133–144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sotsiologicheskikh-teoriy-i-interpretatsiya-ponyatiya-stil-zhizni-ot-klassovogo-obschestva-do-postmoderna> (accessed 17 January 2019) (in Russian)
- Graeber D. (2011) Consumption. *Current Anthropology*, vol. 52, no 4, pp. 489–511.
- Grigoryev L., Maleva T. (2002) Sredniy klass v Rossii na rubezhe transformatsiy [The middle class in russia on the borderline between transformation stages]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 45–61 (in Russian).
- Grisolia J. M., Willis K., Wymer C., Law A. (2010) Social Engagement and Regional Theatre: Patterns of Theatre Attendance. *Cultural Trends*, vol. 19, no 3, pp. 225–244.
- Hanquinet L., Roose H., Savage M. (2014) The Eyes of the Beholder: Aesthetic Preferences and the Remaking of Cultural Capital. *Sociology*, vol. 48, no 1, pp. 111–132.

- Hek M. van, Kraaykamp G. (2013) Cultural Consumption Across Countries: A Multi-Level Analysis of Social Inequality in Highbrow Culture in Europe. *Poetics*. vol. 41, no 4, pp. 323–341.
- Inglehart R. (2000) Globalization and Postmodern Values. *Washington Quarterly*, vol. 23, no 1, pp. 215–228.
- Kane D. (2004) A Network Approach to the Puzzle of Women's Cultural Participation. *Poetics*, vol. 32, no 2, pp. 105–127.
- Katz-Gerro T. (1999) Cultural Consumption and Social Stratification: Leisure Activities, Musical Tastes, and Social Location. *Sociological Perspectives*, vol. 42, no 4, pp. 627–646.
- Katz-Gerro T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*, vol. 81, no 1, pp. 207–229.
- Katz-Gerro T. (2004) Cultural Consumption Research: Review of Methodology, Theory, and Consequence. *International Review of Sociology*, vol. 14, no 1, pp. 11–29.
- Kessler E. J., Hansen C., Shepard R. N. 1984. Tonal Schemata in the Perception of Music in Bali and in the West. *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*, vol. 2, no 2, pp. 131–165.
- Kirchberg V., Kuchar R. (2014) States of Comparability: A Meta-Study of Representative Population Surveys and Studies on Cultural Consumption. *Poetics*, vol. 43, pp. 172–191.
- Kraaykamp G., Gils W. van, Ultee W. (2008) Cultural Participation and Time Restrictions: Explaining the Frequency of Individual and Joint Cultural Visits. *Poetics*, vol. 36, no 4, pp. 316–332.
- Lamb S. (1989) Cultural Consumption and the Educational Plans of Australian Secondary School Students. *Sociology of Education*, vol. 62, no 2, pp. 95–108.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1, pp. 167–195.
- Lizardo O. (2006a) How Cultural Tastes Shape Personal Networks. *American Sociological Review*, vol. 71, no 5, pp. 778–807.
- Lizardo O. (2006b) The Puzzle of Women's "Highbrow" Culture Consumption: Integrating Gender and Work into Bourdieu's Class Theory of Taste. *Poetics*, vol. 34, no 1, pp. 1–23.
- Lizardo O., Skiles S. (2008) Cultural Consumption in the Fine and Popular Arts Realms. *Sociology Compass*, vol. 2, no 2, pp. 485–502.
- Lizardo O., Skiles S. (2009) Highbrow Omnivorousness on the Small Screen? Cultural Industry Systems and Patterns of Cultural Choice in Europe. *Poetics*, vol. 37, no 1, pp. 1–23.
- Lopez Sintas J., Alvarez E. G. (2002) Omnivores Show up Again: The Segmentation of Cultural Consumers in Spanish Social Space. *European Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 353–368.
- Muñiz C., Rodríguez P., Suárez M. J. (2014) Sports and Cultural Habits by Gender: An Application Using Count Data Models. *Economic Modelling*, vol. 36, January, pp. 288–297.

- Peterson R. A. (2005) Problems in Comparative Research: The Example of Omnivorousness. *Poetics*, vol. 33, no 5, pp. 257–282.
- Peterson R. A., Kern R. M. (1996) Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore. *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 900–907.
- Prieur A., Rosenlund L., Skjott-Larsen J. (2008) Cultural Capital Today: A Case Study from Denmark. *Poetics*, vol. 36, no 1, pp. 45–71.
- Purhonen S., Gronow J., Rahkonen K. (2010) Nordic Democracy of Taste? Cultural Omnivorousness in Musical and Literary Taste Preferences in Finland. *Poetics*, vol. 38, no 3, pp. 266–298.
- Radaev V. V. (2002) Ponyatie kapitala, formy kapitala i ikh konvertatsiya [The Concept of Capital, Forms of Capitals and Their Conversion]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 4, pp. 20–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kapitala-formy-kapitalov-i-ih-konvertatsiya> (accessed 17 January 2019) (in Russian).
- Reeves A. (2015) Neither Class nor Status: Arts Participation and the Social Strata. *Sociology*, vol. 49, no 4, pp. 624–642.
- Roshchina Y. M. (2007) Differentsiatsiya stiley zhizni rossiyan v pole dosuga [The Differences of Russian Lifestyles in Leisure time]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 8, no 4, pp. 23–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-stiley-zhizni-rossiyan-v-pole-dosuga> (accessed 17 January 2019) (in Russian).
- Rössel J. (2011) Cultural Capital and the Variety of Modes of Cultural Consumption in the Opera Audience. *The Sociological Quarterly*, vol. 52, no 1, pp. 83–103.
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, vol. 47, no 2, pp. 219–250.
- Savage M., Gayo M. (2011) Unravelling the Omnivore: A Field Analysis of Contemporary Musical Taste in the United Kingdom. *Poetics*, vol. 39, no 5, pp. 337–357.
- Shepherd J. (1986) Music Consumption and Cultural Self-Identities: Some Theoretical and Methodological Reflections. *Media, Culture & Society*, vol. 8, no 3, pp. 305–330.
- Simonian R. (2009) Sredniy klass: sotsial'niy mif ili real'nost' [Middle Class: Social Myth or Reality?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 1(279), pp. 55–61 (in Russian).
- Skokova L. G. (2014) Sovremennye issledovaniya kul'turnyh praktik v kontekste sotsial'noy i kul'turnoy stratifikatsii [Contemporary Studies of Cultural Practices in the Context of Social and Cultural Stratification]. *Sociological Almanac*, iss. 5, pp. 232–243 (in Russian).
- Skrbis Z., Woodward I. (2007) The Ambivalence of Ordinary Cosmopolitanism: Investigating the Limits of Cosmopolitan Openness. *The Sociological Review*, vol. 55, no 4, pp. 730–747.

- Sokolov M. M., Safonova M. A., Chernetskaya G. A. (2017) Kul'turny kanital, prostranstvo vkusov i statusnye granitsy sredi rossiyskikh studentov [Cultural Capital, Space of Tastes and Status Borders among Russian Students]. *Mir Rossii. Sotsiologiya, Entologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 26, no 1, pp. 152–179 (in Russian).
- Sokolov M. M., Sokolova N. A., Safonova M. A. (2016) Statusnye kul'tury, biograficheskie tsykly i pokolencheskie izmeneniya v literarurnykh vkusakh chitateley peterburgskikh bibliotek [Status Cultures, Biographic Cycles, and Generational Changes in Literary Tastes of Library Users in Saint-Petersburg]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no 3, pp. 116–135 (in Russian).
- Stevens C. J. (2012) Music Perception and Cognition: A Review of Recent Cross-Cultural Research. *Topics in Cognitive Science*, vol. 4, no 4, pp. 653–667.
- Sullivan O., Katz-Gerro T. (2006) The Omnivore Thesis Revisited: Voracious Cultural Consumers. *European Sociological Review*, vol. 23, no 2, pp. 123–137.
- Thomas K. (2018) The Labor Market Value of Taste: An Experimental Study of Class Bias in US Employment. *Sociological Science*, no 5, pp. 562–595.
- Tichonova N. (2018) Model' sub'ektivnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva i ee dinamika [Subjective Stratification of Russian Society Model and Its Dynamic]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussion*, no 1–2 (126), pp. 17–29 (in Russian).
- Toivonen T. (1994) Does Consumption Determine Social Class? On the Changing Pattern of Consumption Determination. *International Journal of Consumer Studies*, vol. 18, no 1, pp. 45–63.
- Torche F. (2007) Social Status and Cultural Consumption: The Case of Reading in Chile. *Poetics*, vol. 35, no 2–3, pp. 70–92.
- Trienekens S. (2002) 'Colourful' Distinction: The Role of Ethnicity and Ethnic Orientation in Cultural Consumption. *Poetics*, vol. 30, no 4, pp. 281–298.
- Upright C. B. (2004) Social Capital and Cultural Participation: Spousal Influences on Attendance at Arts Events. *Poetics*, vol. 32, no 2, pp. 129–143.
- Virtanen T. (2005) Dimensions of Taste for Cultural Consumption—A Cross-cultural Study on Young Europeans. In *Proceedings of the 8th AIMAC Conference, Montreal*. Available at http://neumann.hec.ca/aimac2005/PDF_Text/Virtanen_Taru.pdf (accessed 17 January 2019).
- Warde A. (1997) *Consumption, Food and Taste*, London: Sage.
- Warde A., Bennett T. (2008) A Culture in Common: The Cultural Consumption of the UK Managerial Elite. *The Sociological Review*, vol. 56, no 1, pp. 240–259.
- Weber M. (2009) Class, Status, Party. *From Max Weber: Essays in sociology*, New York: Routledge, pp. 180–195.

Yaish M., Katz-Gerro T. (2010) Disentangling “Cultural Capital”: The Consequences of Cultural and Economic Resources for Taste and Participation. *European Sociological Review*, vol. 28, no 2, pp. 169–185.

Received: April 26, 2018

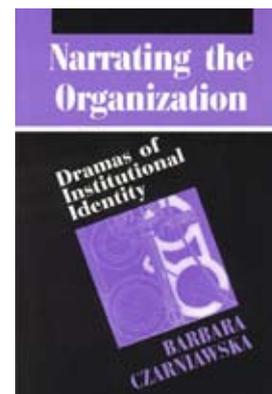
Citation: Korsunova V. (2019) Kul'turnoe potreblenie v sotsiologicheskikh issledovaniyakh: obzor podkhodov k izmereniyu ponyatiya [Cultural Consumption in Sociological Research: A Review of Measurement Approaches], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 148–173. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-148-173 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Е. А. Гудова

Как организации существуют через говорение

Рецензия на книгу: Czarniawska B. 1997. *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.

ГУДОВА Елена Алексеевна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры экономической социологии, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: egudova@hse.ru

Книга Барбары Чарнявской может показаться вызовом по нескольким причинам: излюбленное «растягивание границ» различных дисциплин автором требует немалой подготовки и доверия от читателя; за внешне простой идеей нарратива организационных изменений скрываются глубокие философские, социологические и филологические основания; эклектичность теоретического языка компенсируется мастерским обоснованием новых, эмпирически укоренённых и уже доказавших свою практическую полезность терминов. Чарнявска пишет историю реорганизации шведского государственного сектора с точностью академика и красноречием сказителя: институты не просто обретают очевидную фактичность в своей деятельности, они зиждутся на сетях действий (*action nets*) (более того, в каком-то смысле ими и являются). В связи с этим от читателя требуется не только внимание (умение «следить за словами»), но и воображение — автор выстраивает лёгкие, но прочные и убедительные конструкции из нарративов, которые открыты дальнейшему «переводу» (в герменевтическом и акторно-сетевом смысле).

Нарративное знание и его метафоры намного более продуктивно позволяют работать с неотъемлемой парадоксальностью организаций. Чарнявска указывает, что нарративный подход способен помочь новому институционализму отрефлексировать собственные ограничения и лучше разобраться в том, как происходит институциональное строительство. Уделяя внимание устной и письменной коммуникации, историям сотрудников, мы можем проследить, как формируются институционализированные структуры мышления (*institutionalized thought structures*), отвечающие за репертуар возможных действий и разделяемые представления участников организации.

Книга хорошо скроена и приятна для вдумчивого чтения как в теоретической, так и в эмпирической части. Рассказанные истории и сериалы о государственном секторе Швеции поднимают важные темы смены организационной формы собственности, внедрения технологий, переосмысления идентичности. На волне современного интереса к сторителлингу книга тоже может предложить интересные методологические ходы и объяснения того, почему и как истории «работают». Задача читателя — лишь открыть книгу, и уже этим он вступит в диалог и совместное нарративное творчество, к которому автор открыто приглашает.

Ключевые слова: институционализм; метафора; организационная драма; парадокс; сторителлинг; этнография.

Любое высказывание необходимо контекстуализировать, как учит нас герменевтическая традиция и непосредственно книга «Narrating the Organization...» («Рассказывая организацию...»). Поэтому прежде всего нужно обозначить то необычное место, которое занимают подход и предлагаемая Чарнявской исследовательская оптика в богатом и многообразном мире организационных исследований (*organization studies*).

Барбара Чарнявска является одним из достаточно ярких представителей «скандинавского институционализма», который с некоторой долей условности можно назвать конструктивистской институциональной теорией. В рамках скандинавского институционализма важна не только логика последовательности, но и логика соответствия, уместности. Внимание исследователей акцентируется на диффузных организационных процессах, два ключевых среди которых — «перевод» и «редактирование». «Перевод» показывает, что любые практики, структуры и идеи не просто копируются или подстраиваются под новые обстоятельства, они контекстуализируются¹. «Редактирование» же развивает дальше конструктивистскую метафору и подчёркивает активное участие людей на местах. Важными оказываются не только множественные и переменчивые логики участников², но и то, что сами эти участники и их действия суть продукты социального конструирования [Czarniawska, Sevón 1996].

В то же время Чарнявска фактически определяет лицо «нарративного» поворота в организационных исследованиях. Зародившись вслед за «культурным» и «лингвистическим» поворотами ещё в 1970-е гг., «нарративный» поворот получил мощное развитие и признание в 1990-е гг., когда внимание исследователей переключилось с гранд-нарративов (таких как «мифы» [Mitroff, Kilmann 1975] или «сага» [Clark 1972]) и личных историй и идентичностей на процесс конструирования нарративов³ и значений. Но, как зачастую случается в социальных науках, единого понимания того, что есть история и нарратив, не сложилось⁴. Сама Чарнявска [Czarniawska 2012] выделяет нарратологию, рассматривающую нарратив в качестве формы коммуникации [Czarniawska 2004], и сторителлинг, в котором важно мастерство рассказывания (*narrative craft*), что делает его более близким к исследованиям фольклора (и здесь ключевой фигурой, безусловно, является Яннис Габриэль [Gabriel 2000]).

На метауровне можно говорить о реалистическом, интерпретативном и постструктуралистском подходах к нарративам в организации. В первом из этих подходов нарративы выступают репрезентациями феноменов и событий или непосредственно данными для их объяснения; во втором фокус смещается на интерпретации происходящего (как индивидуальные, так и надындивидуальные); а в третьем исследователи проблематизируют сложность и изменчивость нарративов через процессы их возникновения [Vaara, Sonenshein, Voje 2016]. Реалистическая традиция работает с нарративами в достаточно позитивистском ключе, а постструктуралистская привлекает сложные метафоры и работу с интертекстом⁵. Чарнявска же, наряду с Габриэлем, работает в интерпретативном ключе, и для неё основная интрига организационных нарративов в том, что они не только отражают действительность, но и являются ин-

¹ На что в классической институциональной теории есть термины «импорт» и «адаптация».

² Как, например, во французском институционализме Люка Болтански и Лорана Тевено.

³ «История» и «нарратив» будут использоваться нами в качестве синонимов для простоты и языкового разнообразия, хотя при более глубоком погружении в нарративный подход эти термины необходимо дифференцировать.

⁴ См., например, более детальный анализ и сравнение направлений нарративного подхода: [Гудова 2017].

⁵ См., например, работы Дэвида Боже: [Voje 1991; 1994; 1995].

струментами выстраивания организационных процессов (что, собственно, и представляет собой «ответ» институциональной теории)⁶.

Ещё один немаловажный аспект творчества Чарнявской связан с используемой ею методологией. Автор работает в русле этнографической традиции, исследуя «мир в песчинке» в нарративах своих информантов. Однако организации для неё — не совсем культуры, которые можно познать классическим методом включённого наблюдения. Во многих своих книгах Чарнявская деликатно указывает, что присутствующие этнографии полифония и мультивокальность не решают проблем перекоса голоса и интерпретаций в пользу наделённых властью в поле. То, что исследователем организаций может озвучиваться как не-менеджеральная точка зрения на события, отнюдь не добавляет этой точке зрения какого-либо веса. Так происходит, потому что, во-первых, голоса несводимы друг к другу, и любая попытка перевода все равно заканчивается редукцией смыслов (р. 198). А во-вторых, позиция исследователя организаций недостаточно дистанцирована, и не следует делать вид, что у него (неё) с информантами вообще когда-либо получится диалог на равных, ведь и статус исследователя, и полученное знание упираются в парадокс прагматизма сотрудников: «мы давно это всё знали» (р. 199–200).

Методологический ход Чарнявской — *эргонография*, от греч. *ergon* — работа, но также *organon* — инструмент. «Все, что делают исследователи организаций, — это читают (слушают) и пишут (говорят)» [Czarniawska 1997a]. Эргонография предоставляет исследователю возможность лавировать между фактами и выдумкой, менять стиль повествования и не бояться авторства. Литературный реализм не обязательно должен быть связан с реализмом философским. Нарратив может использоваться крайне широко: в качестве «истории поля» (*tales of the field*), приближенной к литературному произведению; как «полевые рассказы» (*tales from the field*), в которых истории служат исключительно эмпирикой; и даже в форме дисциплинарной рефлексии — литературной критики [Czarniawska 1997a; 1997b; 1999].

Все эти аспекты творчества Чарнявской ставят нарративный анализ несколько особняком. Для неё организации, следуя заданной К. Вейком и его соавторами логике, «существуют через говорение» («Organizations are talked into existence») [Weick, Sutcliffe, Obstfeld 2005: 409], что вполне созвучно с процессуальным подходом в *organization studies*. В то же время для Барбары Чарнявской важно играть на поле нового институционализма, в котором организации всё-таки являются статичными сущностями и с ними что-то постоянно происходит, и показать, как драма и литература способны помочь институциональной теории отрефлексировать собственные метафоры (р. 186). Именно поэтому лучшим актёром является бюрократ, действия в организациях ритуальны, а парадокс становится главной силой и объяснительной моделью организационной жизни.

Книга «Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity» («Рассказывая организацию: драмы институциональной идентичности») написана почти 20 лет назад и недвусмысленно демонстрирует читателю означенные теоретические и методологические вкусы автора. Во введении описывается, почему таким сложным феноменам, как организации, вообще нужны метафоры и, в частности, нарративы (потому что мейнстримное понимание организации как открытой системы⁷ с границами и окружающей средой сформировалось в 1960-е гг. и видело именно последнюю в качестве источника всех бед, в то время как проблемы порождают сами организации). Далее, в трёх частях, последовательно рассматриваются предпосылки и возможности использования драмы и нарративов, четыре истории организаций государственного сектора и теоретическая рефлексия над материалом — что это может дать организационным исследованиям.

⁶ Для Я. Габриэля (как последователя психоанализа и организационной психологии) истории и нарративы становятся способом включить в анализ эмоциональную компоненту, этакой терапевтической версией «третьего пути» между бегством и конформизмом.

⁷ См. подробнее: [Scott 2003].

Художественно об институционализме

*Если наука — это разговор,
то научные тексты — голоса в нем (р. 7).*

В первой части книги, состоящей из трёх глав, Чарнявска сразу объясняет читателю, что новый описательный язык она заимствует в антропологии, литературной теории и институционализме. Истоки и развитие институтов современной жизни рассматриваются через призму нарративной формы производимого знания, а антропология служит в качестве морального императива (р. 6).

Действия людей в целом и разговоры в частности являются исполняемыми, вводимыми в действие (*enacted*) нарративами, что и позволяет говорить о «драме» (р. 13)⁸. Это ставит сразу несколько проблем: как возможен переход к надындивидуальным нарративам и концептам? Как возможна интерпретация? Что делать с тотальной непредсказуемостью нарративов? Для их решения автор предлагает смотреть на нарративы как на способы познания и способы коммуникации. Коммуникация более-менее однозначно позволяет актерам увязывать нарративы в единую конструкцию благодаря *нарративной рациональности*, а нарративное знание (следующее конструктивистской традиции) противопоставляется строгому научному (или логически обусловленному, позитивистскому). И оно, конечно же, выигрывает в этом сравнении: нарративы позволяют уйти от жёсткости причинно-следственных связей, а также акцентируют внимание на темпоральной последовательности, а не на правдоподобии событий (р. 18–19).

На теоретическом уровне Чарнявска по-разному использует организационные нарративы, обращаясь к концептам драмы, которая служит для понимания организационной жизни и собственно институтов, и к автобиографии, которая необходима для анализа идентичности. «Драма» объединяет драматургию Ирвина Гофмана (со всеми чертами театральности) и драматизм Кеннета Берка⁹ (ритуальность и изначальный трагизм событий): истории становятся одновременно отражениями действительности и инструментами выстраивания организационных процессов. В государственном секторе и политике драма возникает, поскольку драматизируется происходящее — события всегда имеют отношение к жизненно важным сферам и благам. А также всегда есть элементы саспенса, эмоционального катарсиса и структура из трёх актов: в первом «сгущаются тучи» и возрастает напряжение, во втором «на сцену» выходит лидер, в третьем ситуация разрешается победой или поражением. Фигура выходящего на сцену лидера также крайне значима: его (её) задача в том, чтобы поддерживать перед зрителями и труппой иллюзию контроля. Именно поэтому лучшим в своём роде актёром является эффективный бюрократ (р. 38–39), и одним из вопросов книги становятся коллективные усилия по поддержке иллюзии контроля в ситуации распределённой ответственности.

Идентичность нарративна, поскольку задаётся сценариями социального взаимодействия с его коммуникацией и физическими действиями. Это относится не только к индивидам, но и к организациям — они выступают в качестве суперперсон (*super-person*), так как нами же наделяются антропоморфными чертами (чего стоят только один функционализм и представление об организации как об «открытой системе»). И здесь возникает вторая метафора — «автобиографии». Для организации она становится важной в качестве рефлексии над собственной историей, желательной успешной. Но автобиография — это не только история успеха (*success story*), которая в этом смысле уподобляется кларковской «сэге»;

⁸ Для подобного утверждения Чарнявска опирается на литературную герменевтику в лице П. Рикёра, феноменологию А. Шюца и американский прагматизм, представленный символическим интеракционизмом Г. Беккера и этнометодологией Г. Гарфинкеля.

⁹ Также у Берка Чарнявска заимствует «пентаду» — описание происходящего через акт, сцену, агента, действие и цель.

это письменное высказывание об идентичности организации, в котором не менее важно, почему повествование следует именно за описанными событиями и героями, по каким причинам так вышло. Это высказывание подвержено изменениям и достаточно пластично, ведь разговор (в организационном поле) всегда продолжается (р. 51–53).

Нарративы для Чарнявской интересны не только в качестве готовых конструктов, рассказывающих об идентичности и социальной реальности организаций, но и как элементы становления этой реальности¹⁰. Они отражают институционализированные структуры мышления (*institutionalized thought structures*) (р. 67–68), которые отвечают за базовые аксиомы, репертуар действий и разделяемые участниками нормы и правила в организации¹¹.

Одной из теоретических задач автора становится сопоставление организационных нарративов с оглядкой на характерные для них структуры мышления. Эти нарративы сравниваются, перекрывают друг друга и отражают те сети действий, в которых они появляются. Эти же нарративы могут сравниваться с нарративами академической науки — теорией, которая в текстах пытается осмыслить изменения в организационном поле, изоморфизм и парадоксы. Чарнявска умело балансирует между рассказыванием своей версии и диалогом с читателем: в конце концов, приглашение к дискуссии мы получаем практически сразу, как принимаем для себя решение, что знание нарративно.

Ещё один крайне важный для текста, да и в целом для автора, концепт — «сеть действия» (*action net*) — связан с используемым в книге методологическим ходом. Как в любой хорошей организационной (и не только) этнографии, концептуальный аппарат, методология и эмпирика в книге органично переплетены. Вместо классического *case study* автор предлагает метод «временного окна» (*window study*). Если в кейсах события всегда темпорально упорядочены (ретроспективно в случае генезиса или перспективно в случае интереса к непосредственному становлению феномена или событий), то «окно» представляет собой временной срез, констелляцию происходящего в поле, центральных событий, участников и повседневных рутин (р. 63–66).

Делая такой временной срез, Чарнявска по-своему решает одну из базовых проблем социальных наук — взаимоотношение структуры и действия. В отличие от классической сети, которая формируется акторами и распадается или пересобирается в случае ухода или смены участников, предлагаемая ею «сеть действия» наделяет участника идентичностью (а не зависит от кого-то конкретного). Действие первично для выстраивания связей и отношений, и если кто-то не может встроиться, быстро находится замена. Это, однако, не должно навести читателя на мысль о функциональном детерминизме, поскольку формирование новой сети действий зачастую может говорить об институциональных сдвигах. Изменения внутренних процессов управления и оказания услуг населению в каждой сети действий повлекли за собой изменения в составе участников и переосмысление организационной идентичности, что явно отражает институциональные изменения (р. 67–68).

Подобное прочтение (или рассказывание) институционализма осуществляется автором через широкое использование литературной теории и её инструментов. Во второй части книги, состоящей из четырёх глав, Чарнявска раскрывает потенциал метафор художественного произведения для анализа государственного сектора, и это, безусловно, самая завораживающая часть книги.

¹⁰ Здесь уместными представляются вариации на тему «слово — не воробей...».

¹¹ Не следует путать их с институционализированными мифами Дж. Мейера и Б. Роуэна, хотя в обоих случаях речь идет о социологии знания и институционализме. Для Мейера и Роуэна «мифы» важны в качестве источника организационной легитимности [Мейер, Роуэн 2011]. «Структуры мышления» у Чарнявской, скорее, близки интерпретативным схемам происходящего или «схематам», если использовать широко применяемую терминологию Дж. Бартунека [Bartunek 1984] (см. также: [Pavlyutkin 2014]), которые внутри организации часто распространяются и закрепляются как раз через различные истории, мифы и метафоры [Bartunek, Moch 1987: 485–486].

Литературные метафоры в государственном секторе Швеции

Слепое заимствование метафор из других дисциплин заводит исследователя в тупик (р. 95).

Фразой, вынесенной в эпиграф к этому разделу, Чарнявска критикует достаточно распространённое на тот момент использование физических метафор для анализа власти, влияния и изменений в организации (например, «диффузия инноваций»). Подобный ход может быть интеллектуально продуктивным, но относится к идеям, как к объектам, чьё столкновение вызывает «трения» (*frictions*). Дальше трения начинают рассматриваться в качестве структурных проблем и причин сопротивления изменениям и быстро приобретают политический характер. Чарнявска не отказывается от властных отношений в своих построениях, но акцентирует внимание читателя на необходимости интерпретировать все трения на языке поля. Большую свободу для этого предоставляют литературная теория и семиотика.

В организационном поле шведского государственного сектора Чарнявскую интересуют две сети действий — муниципальная администрация и социальное страхование. В первой центральное место занимает Шведская ассоциация муниципальных властей¹², во второй — Национальный совет по вопросам социального страхования и Ассоциация отделений социального страхования¹³. В огромном количестве собранного полевого материала (беседы с сотрудниками, полевые записи и официальные документы) автор выделяет, пользуясь концептуальным аппаратом когнитивного психолога Дж. М. Мандле, истории, темы и сериалы (*stories, themes and serials*), что отлично сочетается с нарративной традицией.

Истории являются базовыми «единицами» в нарративном подходе, и для автора они определяются в первую очередь наличием ясной структуры в виде начала, развития и завершения (*beginning — middle — end*, ВМЕ). Структура может задаваться и темпорально («сначала, потом...»), и каузально, без отсылки к хронологии, она основывается на сюжете. Темы объединяют различные эпизоды организационной жизни через общие смысловые категории (например, связанные с персоналом). Происходящие события, связанные какой-либо темой, демонстрируют, как выстраивается коммуникация и рутинизируются взаимодействия участников. Их хронология опять же может быть любой. В сериалах же, наоборот, эпизоды темпорально упорядочены, но при этом отсутствует внятная развязка, а сюжет видоизменяется и подстраивается под организационные процессы и вкусы аудитории (р. 78–79).

Рассматривая истории изменений в системе бюджетирования, налоговую реформу и введение программы реабилитации в социальном страховании, Чарнявска развивает идею парадокса, в котором бюрократия должна быть максимально бездушной, чтобы стать максимально эффективной. Но интересуют её не столько кафкианские дисфункции бюрократии, сколько неотъемлемая парадоксальность организаций государственного сектора. Например, подобные организации должны дифференцировать клиентов, чтобы обеспечивать их равенство, или проводить децентрализацию подразделений, чтобы удерживать власть. Это вовсе не исключительная особенность шведских государственных организаций, мы (с определённой оговоркой на культурную и институциональную специфику) можем встретить данные парадоксы в российском контексте, например — в реформе местного самоуправления или в вопросе прямых выборов глав регионов.

Сериалы в государственном секторе — это почти что скандинавские саги со знакомыми героями, неразрешимыми трудностями и известной долей веяний моды. Чарнявска обращает внимание читателя на два таких сериала: переход муниципальных учреждений в формы акционерных обществ и обществ

¹² Swedish Association of Local Authorities (SALA), ныне Swedish Association of Local Authorities and Regions (см.: <https://skl.se/tjanster/englishpages.411.html>).

¹³ National Social Insurance Board (NSIB); Association of Social Insurance Offices (ASIO). Были реорганизованы.

с ограниченной ответственностью¹⁴, а также компьютеризацию локальных отделений социального страхования.

Муниципалитет условного Маленького городка решил последовать моде на акционерные общества (АО) и общества с ограниченной ответственностью (ООО), государство понадеялось на более эффективный инструмент управления, сотрудники были воодушевлены возможными плюшками от образования госкомпании, а у менеджеров появилось чем заняться (р. 101–102) — так Чарнявска описывает изначальное положение дел в первом сериале. Однако во время подготовки вскоре выясняется, что все поторопились: реформа НДС, от которой государственные организации освобождались, в полной мере затрагивала госкомпании. А потом оказывается, что при регистрации бумаг на уставный капитал попался слишком дотошный клерк, который обратил внимание на невозможность муниципалитета владеть всеми акциями, поскольку по закону владельцем может стать каждый житель Швеции. Далее повышаются цены на отопление и жилищное обслуживание, возникают сложности с профсоюзами и организационной идентичностью, обнаруживаются бюджетные дыры и, вообще, происходит множество малоприятных событий (см. подробнее гл. 5).

Чарнявска отмечает, что этот сериал начинался как простая история: решили поменять форму собственности (обычное дело). Разница в том, что в сериале мы никогда не видим развязки; это сложным образом связанные части повествования, в которых смешиваются старые и новые проблемы¹⁵. Эталонным примером для неё является «Twin Peaks» Дэвида Линча¹⁶. Герои сериала о госкомпании замешкались с пониманием своей новой идентичности, ведь институциональные структуры стали распадаться, а привычные рутины потеряли актуальность. Осложнившаяся коммуникация со всеми возможными нарративами никак не помогла этим идентичностям переопределиться, а значит, неоткуда было взяться новым правилам. Читатель, наблюдая за изложенными событиями, получает отличную иллюстрацию (хотя вернее было бы сказать не про картинку, а про GIF) зарождения новой сети действий (*action net*).

Добротный организационный сериал всегда балансирует между «упорядоченностью — схемами» и «твистами — инновациями», и делает это неприкрыто, ставя публику и исполнителей в известность (р. 120). Так, мы часто можем встретить тавтологичное объяснение происходящего в государственной организации отсылкой к природе этой организации (как мне приходилось слышать в своём поле: «Ну, это же Почта!»). Добавлю от себя, что метафора сериала в целом отлично работает для анализа разного рода изменений в организации, поскольку они всегда *in the making* (*в процессе создания*), и достаточно сложно, кроме как усилием воли, обозначить чёткие границы их временного интервала.

В поисках метафор автор доходит и до таких форм нарратива, которые в буквальном смысле «запускают» действие (*enact*). Здесь перед читателем появляется проект бюджета как «сценарий». Метафора

¹⁴ В оригинале используется термин *company-ization* — движение организации государственного сектора в сторону формы коммерческой компании. Чарнявска отмечает, что это был шведский ответ на «приватизацию» госкомпаний британского образца. В русскоязычном дискурсе понятие «приватизация», помимо того что описывает передачу имущества от государства непосредственно в частные руки, имеет слишком большой символический багаж, поэтому в качестве аналога не рассматривается.

¹⁵ Литературоведческим термином, который поможет схватить эти особенности ритма, композиции и повествования, является «архитектоника», то есть соотношение частей произведения, расположение и взаимная связь его компонентов, образующих художественное единство (что шире, чем композиции); см. подробнее: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/397/Архитектоника

¹⁶ Чарнявска опиралась на доступные ей в 1997 г. примеры, хотя «Твин Пикс» в любом случае был первым популярным и впоследствии культовым сериалом подобного рода. Мы же можем вспомнить и множество других. Хрестоматийными, пожалуй, являются «Lost» («Остаться в живых»), «True Detective» («Настоящий детектив») и «Westworld» («Мир Дикого Запада»), где есть и нелинейность, и сложные связи между сюжетными арками, и мультивокальность. Но, конечно, этот список примеров ограничен скромными сериальными познаниями автора рецензии.

действительно удачна: сходятся коллективное авторство, функции документов и их перформативная суть. Хотя существенны и различия: Министерству финансов вовсе не нужен драматический эффект киносценария, бюджет не создаёт новых миров, а занимается репродукцией существующего, и контроль обретается не после написания проекта бюджета, а в процессе. Именно так — *в процессе* создания текста из множества разговоров, споров, ссылок и проч. Чтобы получить проект бюджета, ресурсы уже должны быть поделены, решения приняты и доведены до исполнителей. Итоговый проект, по словам Чарнявской, превращается в пыльную книгу на полке документов и достаётся только при вёрстке нового бюджета. Здесь можно поспорить с автором, поскольку для российского контекста, к примеру, характерно едва ли не сакральное отношение к бюджету, а его основное свойство — не перформативность, а способность легитимировать дальнейшие действия. Контроль никуда не исчезает, а документ постоянно выступает референсом всех политических и экономических решений.

Отдельного внимания удостоивается организационная идентичность, которой приходится несладко в институциональной драме государственного сектора Швеции. Продуктивным оказывается сравнение «поиска» и «квеста» новой идентичности. Поиск направлен на нечто конкретное; квест устроен по принципу «иди туда, не знаю куда» и создаёт свой конечный объект по ходу развития. Поиск идентичности возможен, только если эта идентичность уже сформирована кем-то где-то и просто ждёт, что мы её найдём и интегрируем в себя (как, в принципе, и предлагается сделать многим государственным организациям, которым говорят, что теперь они должны сами зарабатывать и вообще становиться коммерческими компаниями по духу). Но идентичности, как уже было сказано выше, неустойчивы и контекстуальны, они требуют коммуникации, событий и институционализированных структур мышления, поэтому, когда распадаются существующие сети действий, идентичности оказываются в кризисе. И поэтому же сам процесс поиска корректирует его цель — новую идентичность.

Различие квеста и поиска не только семантическое, но и политическое. Как только мы говорим о поиске, мы начинаем перебирать из существующего множества решений, примерять (здесь снова кивок в сторону Гофмана) и ограничиваем себя в новизне. Отсюда берутся институциональная подстройка или адаптация и проблема «перевода». Конечно, от нормативности и жёсткости институтов не удастся уйти так же легко, как от доминирующих нарративов. Но если взять язык литературы для описания институционализированных структур мышления, возможно, это позволит сделать институциональное строительство более креативным и гибким.

Кризисы жанра в организационных исследованиях

«Железная клетка» работает, пока люди внутри верят, что свободны (р. 189).

В заключительной, третьей, части Чарнявска возвращает читателя к организационной теории, и одним из главных её тезисов становится то, что неотъемлемой частью организационной жизни является парадокс. Ещё на первых страницах она закладывает идеи Н. Лумана в теоретический фундамент работы, а в этой части книги развивает их.

Проблема в том, утверждает она вслед за А. Х. Ван де Веном и М. С. Пулом [Van de Ven, Poole 1988], что в своём поиске последовательной и цельной теории организационные исследования вообще избавились от парадоксов. Старые естественнонаучные метафоры закрепляют наше представление об изменениях как о запланированных пошаговых стратегиях, в то время как любые «трения» эти изменения, напротив, запускают¹⁷.

¹⁷ И здесь, конечно, нужно отметить, что Чарнявска, как последователь К. Вейка, предлагает обратиться к процессуальности. В начале 1990-х гг. заметной в теоретическом поле была только данная «слабая программа» процессуального

Однако при всей необходимости парадокса, вечного двигателя изменений, участники всегда стремятся его разрешить, поскольку парадокс противен логическому, позитивистскому знанию. Он также противен множественности интерпретаций и диалогу между ними — всему тому, что позволяет нарративному знанию обращаться с трениями и переводить их из разряда конфликтов в источник инноваций. Но — и это важно — нарративное знание не претендует на предсказательные возможности, оно лишь описывает мир и его становление (р. 183), противопоставление *being* — *becoming* (*быть* — *становиться*) решается в пользу последнего.

Организационное поле схоже с литературным жанром из-за наличия репертуара институционализированных структур мышления. Но «литературная версия» институционализма позволяет не просто их констатировать (институты — это правила игры), а провести деконструкцию и разобраться в динамике. Чарнявска предлагает читателю поупражняться на концепте «изоморфизма».

П. Димаджио и У. Пауэлл выделяют принудительный, подражательный и нормативный изоморфизм [Димаджио, Пауэлл 2010]. Принудительные процессы порождают контрнарративы и смежные жанры; так, к примеру, парадоксальным образом насаждение культурных образцов ведёт к расцвету андеграунда. Подражательным процессам добавляется оптика *моды*, со всей её динамикой. Приятно быть не просто в тренде, важно обогнать остальных — и это вполне работает в примере с городскими муниципалитетами, которые неформально соревновались в переходе к новой форме собственности. Нормативное давление становится *амбивалентным* — профессиональным сообществам свойственны одновременно и консервативность, и протест (р. 187).

Проблема институционализма для Чарнявской в том, что он недостаточно рефлексировал над собственными основаниями и метафорами. Институционалисты не способны поместить себя внутри тех систем, которые они исследуют (и конструируют), что, конечно же, обыгрывает Лумановский парадокс наблюдающей себя системы. Достоинства нарративного подхода к институтам автор подытоживает тем, что эмоциональность и эстетический опыт нераздельно связаны с актами мышления (и коммуникации); а нарративы являются базовыми единицами социального порядка. Это достаточно сильные, но не лишённые практической полезности замечания, которые могут сгладить шероховатости обозначенных парадоксов¹⁸.

Набор предлагаемых автором теоретических и методологических инструментов не должен показаться читателю неожиданным. В конце концов, мы уже не раз видели (в том числе и на страницах данного журнала) чудодейственную силу метафоры «рынки как...». Но даже если бы Чарнявска написала свою книгу не в 1997 г., а, скажем, в 2017-м, этот труд всё равно представляет собой больше, чем очередное постмодернистическое прочтение. Причина этого — истории.

Российское поле исследований организаций, в принципе, небогато на подходы, и тем более на подходы непозитивистского и несистемного характера. В этом поле не то что историй, а нарративов¹⁹ едва ли хватает. Но ситуация постепенно меняется, и происходит это под влиянием практиков бизнеса и растущего интереса к *сторителлингу*, который хотя и является очередной вариацией на тему «Как удержать внимание аудитории», но отбрасывает тени популярности и на природу нарративов, и на их эвристические возможности. Практически неизвестное российскому читателю творчество Барбары Чарняв-

подхода, которая критиковала запланированные изменения. Уже позже разрабатывается «сильная программа», которая отказывается от понимания организации как сущности и полностью обращается к термину «организовывание».

¹⁸ Подробнее сравнение старого, нового и «нарративного» институционализма см. на с. 193–194 рецензируемой книги.

¹⁹ А вот в данном случае используемые термины не являются синонимами; см. [Гудова 2017].

ской²⁰ объединяет в себе академическую глубину вопросов и практическую ориентацию ответов. Оно даёт полезные инструменты для работы с устными и письменными нарративами про организацию и внутри неё.

С момента выхода книги в серии «New Practices of Inquiry» («Новые практики исследования») издательства University of Chicago Press прошло больше двух десятилетий, и мейнстрим организационной теории уже впитал и переварил её полезные идеи. Однако текстов становится всё больше, новые акторы обретают голоса, а практики снова призывают «глаголом жечь...». Это делает книгу актуальной даже без отсылки к уникальной эмпирике и быстрого эффекта новых метафор. Ведь наука не только в накоплении знаний, она — в разговорах.

Литература

- Богатырь Н. В. 2010. Раздвигая границы жанра: Барбара Чарнявска, гибридные дисциплины и антропология. *Этнографическое обозрение*. 1: 3–6.
- Богатырь Н. В. 2012. Антропология организаций и сетевых сообществ: история и современность. *Этнографическое обозрение*. 3: 3–12.
- Гудова Е. А. 2017. Драматичная, неуправляемая и повествующая: организация сквозь призму нарративного анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 20 (3): 50–73.
- Гудова Е. А. 2018. «Ну, это же Почта!»: как происходят истории в организациях, а организации в историях. *Этнографическое обозрение*. 3: 151–167.
- Димаджио П., Пауэлл У. 2010. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. *Экономическая социология*. 11 (1): 34–56. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595675.html>
- Мейер Дж., Роуэн Б. 2011. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*. 12 (1): 43–67. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-1/42286824.html>
- Bartunek J. M. 1984. Changing Interpretive Schemes and Organizational Restructuring: The Example of a Religious Order. *Administrative Science Quarterly*. 29 (3): 355–372.
- Bartunek J. M., Moch M. K. 1987. First-Order, Second-Order, and Third-Order Change and Organization Development Interventions: A Cognitive Approach. *The Journal of Applied Behavioral Science*. 23 (4): 483–500.
- Boje D. M. 1991. The Storytelling Organization: A Study of Story Performance in an Office- Supply Firm. *Administrative Science Quarterly*. 36 (1): 106–126.
- Boje D. M. 1994. Organizational Storytelling: The Struggles of Pre-Modern, Modern and Postmodern Organizational Learning Discourses. *Management Learning*. 25 (3): 433–461.
- Boje D. M. 1995. Stories of the Storytelling Organization: A Postmodern Analysis of Disney as “Tamara-Land”. *The Academy of Management Journal*. 38 (4): 997–1035.

²⁰ Редкими исключениями являются работы: [Богатырь 2010; 2012; Гудова 2017; 2018].

- Clark B. R. 1972. The Organizational Saga in Higher Education. *Administrative Science Quarterly*. 17 (2): 178–184.
- Czarniawska B. 1997a. *A Narrative Approach to Organization Studies*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Czarniawska B. 1997b. *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*. Chicago: University of Chicago Press.
- Czarniawska B. 1999. *Writing Management: Organization Theory as a Literary Genre*. Oxford: Oxford University Press.
- Czarniawska B. 2004. *Narratives in Social Science Research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Czarniawska B. 2012. Organization Theory Meets Anthropology: A Story of an Encounter. *Journal of Business Anthropology*. 1 (1): 118–140.
- Czarniawska B., Sevón G. 1996. *Translating Organizational Change*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.
- Gabriel Y. 2000. *Storytelling in Organizations: Facts, Fictions, and Fantasies*. Oxford: Oxford University Press.
- Mitroff I. I., Kilmann R. H. 1975. Stories Managers Tell: A New Tool for Organizational Problem Solving. *Management Review*. 64 (7): 18–28.
- Pavlyutkin I. 2014. University Merger and Sensemaking at the Threshold: Understanding Radical Organizational Change in Higher Education. *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/15/1099305080/16EDU2014.pdf>
- Scott W. R. 2003. *Organizations: Rational, Natural, and Open Systems*. 5th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Vaara E., Sonenshein S., Boje D. 2016. Narratives as Sources of Stability and Change in Organizations: Approaches and Directions for Future Research. *The Academy of Management Annals*. 10 (1): 495–560.
- Van de Ven A. H., Poole M. S. 1988. Paradoxical Requirements for a Theory of Organizational Change. In: Quinn R. E., Cameron R. S. (eds). *Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management*. Cambridge, MA: Ballinger; 19–80.
- Weick K. E., Sutcliffe K. M., Obstfeld D. 2005. Organizing and the Process of Sensemaking. *Organization Science*. 16 (4): 409–421.

NEW BOOKS

Elena Gudova

How Organizations are Talked into Existence

Book Review: Czarniawska B. (1997) *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*, Chicago: University of Chicago Press. 256 p.

GUDOVA, Elena — Candidate **Abstract**

of Sciences in Sociology;
Lecturer, Department of
Economic Sociology; Junior
Research Fellow, Laboratory
for Studies in Economic
sociology, National Research
University Higher School
of Economics. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: egudova@hse.ru

Czarniawska's book may seem to be quite a challenge for several reasons: the author's trademark "crossing genre boundaries" requires a reader to pay attention and stay confident; the outward simplicity of narrating organizational change stands on sophisticated philosophical, sociological, and philological grounds; and the language is eclectic but brilliantly puts together new empirically grounded and older, well-known theoretical concepts. Czarniawska tells a story of the Swedish public sector's reorganization with the accuracy of an academic and the eloquence of a narrator—institutions become apparent in their activities, as they are based on action, which is depicted by the coined term *action nets*. In a sense, the reader should be attentive and "follow the words". Though imagination is also a precondition, as the light but solid and convincing narrative constructions are open to further

"translation" (in a hermeneutic and actor-network sense).

Narrative knowledge and its metaphors make it much more productive for work with essential organizational paradoxes. Czarniawska points out that a narrative approach can help new institutionalism reflect on its own limitations and better understand institutional building. With a focus on verbal and written communication as well as employees' stories, we can trace how *institutionalized thought structures*, which are responsible for the repertoire of possible actions and shared perceptions among organization participants, are formed.

The book is well written and pleasant for thoughtful reading in both its theoretical and empirical parts. The stories and serials of the Swedish public sector raise important questions of company-ization, technology-ization, and rethinking organizational identity. "Narrating the Organization" can also offer some interesting methodological approaches and explanations for why and how stories "work" due to the modern trend of storytelling. The author openly invites her audience into a dialogue and joint-narrative creativity; the only task of the reader is merely to open the book.

Keywords: institutionalism; metaphor; organizational drama; paradox; storytelling; ethnography.

References

- Bartunek J. M. (1984) Changing Interpretive Schemes and Organizational Restructuring: The Example of a Religious Order. *Administrative Science Quarterly*, vol. 29, no 3, pp. 355–372.
- Bartunek J. M., Moch M. K. (1987) First-Order, Second-Order, and Third-Order Change and Organization Development Interventions: A Cognitive Approach. *The Journal of Applied Behavioral Science*, vol. 23, no 4, pp. 483–500.

- Bogaty N. V. (2010) Razdvigaya granitsy zhanra: Barbara Charnyavska, gibridnye distsipliny i antropologiya [Crossing Genre Boundaries: Barbara Czarniawska, Hybrid Disciplines and Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, no 1, pp. 3–6 (in Russian).
- Bogaty N. V. (2012) Antropologiya Organizatsiy i Setevykh Soobshchestv: Istoriya i Sovremennost' [Anthropology of Organizations and Network Societies: Historical and Modern Conditions]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, no 3, pp. 3–12 (in Russian).
- Boje D. M. (1991) The Storytelling Organization: A Study of Story Performance in an Office-Supply Firm. *Administrative Science Quarterly*, vol. 36, no 1, pp. 106–126.
- Boje D. M. (1994) Organizational Storytelling: The Struggles of Pre-Modern, Modern and Postmodern Organizational Learning Discourses. *Management Learning*, vol. 25, no 3, pp. 433–461.
- Boje D. M. (1995) Stories of the Storytelling Organization: A Postmodern Analysis of Disney as “Tamara-Land”. *The Academy of Management Journal*, vol. 38, no 4, pp. 997–1035.
- Clark B. R. (1972) The Organizational Saga in Higher Education. *Administrative Science Quarterly*, vol. 17, no 2, pp. 178–184.
- Czarniawska B. (1997a) *A Narrative Approach to Organization Studies*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Czarniawska B. (1997b) *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*, Chicago: University of Chicago Press.
- Czarniawska B. (1999) *Writing Management: Organization Theory as a Literary Genre*, Oxford: Oxford University Press.
- Czarniawska B. (2004) *Narratives in Social Science Research*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Czarniawska B. (2012) Organization Theory Meets Anthropology: A Story of an Encounter. *Journal of Business Anthropology*, vol. 1, no 1, pp. 118–140.
- Czarniawska B., Sevón G. (1996) *Translating Organizational Change*, Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.
- DiMaggio P., Powell W. (2010) Novyy vzglyad na “Zheleznuyu kletku”: institutsional’nyy izomorfizm i kollektivnaya ratsional’nost’ v organizatsionnykh polyakh [The Iron Cage Revisited Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 1, pp. 34–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595675.html> (accessed 20 January 2019) (in Russian).
- Gabriel Y. (2000) *Storytelling in Organizations: Facts, Fictions, and Fantasies*, Oxford: Oxford University Press.
- Gudova E. A. (2017) Dramatichnaya, neupravlyayemaya i povestvuyushchaya: organizatsiya skvoz’ prizmu narrativnogo analiza [Dramatic, unmanaged and storytelling: organizations through narrative analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 20, no 3, pp. 50–73 (in Russian).

- Gudova E. A. (2018) “Nu, eto zhe Pochta!”: kak proiskhodiats istorii v organizatsiakh, a organizatsii v istoriakh [“Well, That’s the Postal Service!”: How Organizations Produce Stories and Stories Shape Organizing]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, no 3, pp. 151 (in Russian).
- Meyer J., Rowen B. (2011) Institutionalizirovannyye organizatsii: formal’naya struktura kak mif i tseremonial [Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 43–67. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-1/42286824.html> (accessed 20 January 2019) (in Russian).
- Mitroff I. I., Kilmann R. H. (1975) Stories Managers Tell: A New Tool for Organizational Problem Solving. *Management Review*, vol. 64, no 7, pp. 18–28.
- Pavlyutkin I. (2014) University Merger and Sensemaking at the Threshold: Understanding Radical Organizational Change in Higher Education. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://www.hse.ru/data/2014/10/15/1099305080/16EDU2014.pdf> (accessed 20 January 2019).
- Scott W. R. (2003) *Organizations: Rational, Natural, and Open Systems*. 5th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Vaara E., Sonenshein S., Boje D. (2016) Narratives as Sources of Stability and Change in Organizations: Approaches and Directions for Future Research. *The Academy of Management Annals*, no 10, vol. 1, pp. 495–560.
- Van de Ven A. H., Poole M. S. (1988) Paradoxical Requirements for a Theory of Organizational Change. *Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management* (eds. R. Quinn, K. Cameron), Cambridge, MA: Ballinger, pp. 19–80.
- Weick K. E., Sutcliffe K. M., Obstfeld D. (2005) Organizing and the Process of Sensemaking. *Organization Science*, vol. 16, no 4, pp. 409–421.

Received: January 18, 2019

Citation: Gudova E. (2019) Kak organizatsii sushchestvuyut cherez govoernie. Retsenzia na knigu Czarniawska B. 1997. Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity. Chicago: University of Chicago Press. P. 256 [How Organizations are Talked into Existence. Book review on Czarniawska B. (1997) *Narrating the Organization: Dramas of Institutional Identity*, Chicago: University of Chicago Press, 256 p.], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 1, pp. 174–187. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-174-187 (in Russian).

ДИСКУССИИ

Н. С. Бабич

Методическая рефлексия в пробковом шлеме

Комментарий к статье Р. Е. Бумагина и Д. М. Rogozина «Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории»

БАБИЧ Николай Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: Россия, 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Email: sociolog@mail.ru

Данная статья представляет собой полемический отклик на публикацию работы Р. Е. Бумагина и Д. М. Rogozина «Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории» (Экономическая социология. 2018. 19 (2): 86–117), авторы которой утверждают, что в социологических исследованиях сходства торговых марок необходимо учитывать общее усреднённое сходство дизайна товаров в изучаемой продуктовой категории. Р. Е. Бумагин и Д. М. Rogozин также критикуют сложившуюся практику сфокусированности на количественных социологических опросах и призывают к фундаментальному пересмотру принципов принятия решений о сходстве торговых марок. Приветствуя привлечение внимания к важным проблемам (таким, как необходимость использования контрольных групп и учёта фонового уровня сходства), мы ставим под сомнение реализованную Бумагиным и Rogozиным процедуру исследования и на конкретных примерах показываем, что предлагаемые ими критические аргументы на самом деле иллюстрируют, скорее, преимущества сложившейся практики социологической экспертизы. В ней уже достаточно активно применяются как экспериментальные планы, так и учёт фонового уровня сходства. Наша статья также показывает, что, анализируя процесс принятия решений по сходству торговых марок с позиций сциентизма, Бумагин и Rogozин не учитывают специфических условий процедур разрешения конфликтов, принятых в арбитражных (в широком смысле слова) органах, чьей целью является не только установление истины, но и устранение экономических конфликтов. А для этого требуется не только строгая, но и доступная для понимания процедура исследований. Основной вывод состоит в том, что излишняя строгость суждений по отношению к исследованиям сходства торговых марок ведёт к «колониальному» взгляду и препятствует реальному совершенствованию исследовательской практики в этой области.

Ключевые слова: арбитражный суд; интеллектуальная собственность; сходство до степени смешения; торговая марка; дизайн продукта; социологическая экспертиза; экспериментальный план; социологический опрос; колониальная идеология.

Удачно развивающиеся и продвигаемые на рынке торговые марки часто сталкиваются с попытками копирования. Вероятно, не менее часто обвинения в копировании бесосновательно предъявляются конкурентам для вытеснения

их с рынка. Защищая свои интересы, владельцы и торговых марок-оригиналов, и предполагаемых копий обращаются в судебные и административные органы, такие как Суд по интеллектуальным правам, Роспатент и Федеральная антимонопольная служба. Одним из доказательств в спорах подобного рода иногда могут служить результаты социологических исследований. Сравнительная редкость, крайняя узость специализации, отсутствие связи с масштабными социальными проблемами и, как следствие, недостаток бюджетов на фундаментальные разработки приводят к тому, что социологические исследования сходства нечасто становятся объектом методической рефлексии. Опубликованная в журнале «Экономическая социология» статья Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина «Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории» могла бы стать удачным исключением. В ней предполагалось решение двух важных задач: «Во-первых, представить обоснованную критику текущего положения дел в области социологической экспертизы; во-вторых, продемонстрировать научный подход к оценочным и экспериментальным процедурам, направленным на производство “юридического факта” [Бумагин, Рогозин 2018: 92]. Оба направления работы являются весьма актуальными для любой отрасли прикладных социологических исследований, а Р. Е. Бумагин и Д. М. Рогозин известны среди социологов как профессионалы высокого уровня.

К сожалению, в данном случае попытка решить поставленные задачи сопровождается серьёзным методологическим изъяном, который можно условно обозначить словами «колониальная идеология». Авторы рассматриваемого критического анализа развивают представление об объекте критики как о чём-то отсталом, периферийном и нуждающемся в цивилизованном вмешательстве. Для этого используется характерный стигматизирующий дискурс: «упрощённые представления», «упрощённые исследовательские задачи», «противоречие международному опыту» [Бумагин, Рогозин 2018: 89]; «низкая информированность», «низкая методическая культура», «отсутствие знаний» [Бумагин, Рогозин 2018: 91] и т. п. Ни один из этих эпитетов не сопровождается подробным обоснованием, они подаются читателю как аподиктический результат, непосредственно доступный восприятию авторов. Уже само по себе это выдаёт некоторый интеллектуальный снобизм. Можно вести речь и о форме идеологии. Сначала мы рассмотрим несколько примеров кажущихся идеологическими допущений, а затем проанализируем, как внутренняя логика колониального взгляда препятствует Р. Е. Бумагину и Д. М. Рогозину в решении поставленных задач.

Пример № 1: «<...> Роспатент закрепил практику использования социологических исследований в подобных делах (О сходстве торговых марок. — Н. Б.), утвердив Приказом № 197 от 31 декабря 2009 г. “Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство”. В рекомендациях детально описаны процедуры определения сходства, для реализации которых требуется тестирование или опрос рядовых потребителей» [Бумагин, Рогозин 2018: 88]. В действительности в указанных и свободно доступных на сайте Роспатента рекомендациях¹ нет ни одного слова об опросах, социологических исследованиях, обследовании общественного мнения или каких-либо подобных процедурах, не описываются никакие процедуры тестирования или опроса и, таким образом, никак не закрепляется практика использования социологических исследований.

Пример № 2: «Анализ взаимного сходства в России производится исключительно в поле опросной методологии» [Бумагин, Рогозин 2018: 89]. В действительности, даже в вынесенном в эпиграф обсуждаемой статьи решении по делу А40–174635/09–26–1257 фигурируют данные не опроса, а лабораторного эксперимента, который в социологическом анализе сходства в России используется довольно давно и регулярно, что отражено на сайте лаборатории социологической экспертизы ФНИСЦ РАН². Почему-то

¹ См.: URL: http://www.fips.ru/sitedocs/metod_rec_tojd.pdf

² См.: URL: <http://socexpertiza.ru/experiment.php>

для обоснования своего тезиса авторы ссылаются на две статьи И. В. Батыкова, в которых, однако, не утверждается, что анализ сходства осуществляется исключительно на основе опросов. При этом игнорируется старая и свободно доступная (хотя и популярная) работа того же И. В. Батыкова, в которой он даёт критический анализ опросной методологии и аргументирует необходимость использования экспериментальных планов [Батыков 2012].

Пример № 3: «<...> Недостаточно идентифицировать факт смешения торговых марок большинством респондентов в полевых тестах или социальных опросах. Необходимо зафиксировать наличие дополнительных факторов, связанных с особенностями восприятия продукта и привязанностью к бренду <...> В России подобные соображения не рассматриваются» [Бумагин, Рогозин 2018: 89–90]. В действительности в российской юридической практике давно и систематически применяют многофакторные подходы при оценке сходства [Старженецкий 2007]. Разумеется, влияние дополнительных факторов анализировалось и социологами; в частности, было эмпирически установлено, что на оценки сходства влияет уровень известности торговых марок [Батыков 2014b].

Приведённые эмпирические результаты не просто ошибочны. Из них делаются далеко идущие выводы. Так, при обсуждении несуществующего факта, приведённого нами как пример № 1, авторы констатируют, что «коллеги предпочли встроиться в упрощённое представление регулятора о проблеме» [Бумагин, Рогозин 2018: 89], несуществующий факт из примера № 2, по мнению Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина, «не только снижает достоверность полученных результатов, но полностью дискредитирует научную составляющую заведомо междисциплинарной экспертизы» [Бумагин, Рогозин 2018: 89]. А несуществующий факт из примера № 3 в совокупности с «фактом» из примера № 2 позволяет уже высказывать радикальные оценки: «Более того, массовое применение опросных подходов без должной рефлексии, стремление редуцировать и упростить научную процедуру привели к катастрофическому падению качества организуемых для судебных и регулирующих органов исследований» [Бумагин, Рогозин 2018: 90].

Думается, что характер этих искажений достаточно красноречиво свидетельствует о наличии «колониальной идеологии» в критическом анализе Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина. Рассмотрим теперь, каким образом идеологические aberrации уводят авторов в сторону от поставленных задач.

Во-первых, ясно, что обоснованная критика текущего положения дел в социологической экспертизе исключает стигматизацию объекта критики. В представлении же колониального разума невежество «туземцев», естественно, сподвигает их к сомнительной самодеятельности, наивным и неэффективным решениям. «Так, отталкиваясь лишь от личных представлений о семантике и прагматике построения вопросов, Н. С. Бабич и И. В. Батыков предлагают весьма сомнительные формулировки в качестве операционализации сложных когнитивных процессов восприятия и оценки сходства» [Бумагин, Рогозин 2018: 90]. На самом же деле упомянутый в приведённой цитате предложенный вариант инструментария представляет собой не «личные представления», а промежуточный результат работы по уточнению *уже вошедшего в судебную практику* анкетного вопроса: «Такой вопрос использовался, например, в экспертизе по достаточно известному спору о сходстве товарных знаков Lukoil и Luxoil, и на нём суд частично основывал свои выводы. Вопрос о возможности спутать разные средства индивидуализации — ключевой индикатор для социологической экспертизы по вопросу сходства до степени смешения. Поэтому мы возьмём данный пример в качестве отправного пункта <...>» [Бабич, Батыков 2012: 141–142].

Особенно достаётся от авторов «туземцу» И. В. Батыкову, видимо, по той простой причине, что он является единственным в России специалистом, регулярно публикующим исследования по проблемам социологической экспертизы сходства, и больше критиковать особенно некого. Батыков, в частности,

выступает за разработку унифицированной методики социологической экспертизы, что, по мнению «цивилизованных» критиков, «приводит к сокрытию сбоев и ошибок исследований, которые могут быть выявлены только через применение различных методов и подходов. Триангуляция результатов или проверка достоверности полученных данных в разных исследовательских средах замещается договорным условием о выборе единственного метода. Перед нами явная попытка подмены научной процедуры измерения договорными отношениями» [Бумагин, Рогозин 2018: 92]. Здесь колониальный взгляд, исходящий из пресуппозиции «низкой методической культуры» и «недостатка знаний» игнорирует собственные цели критикуемого субъекта, вменяя ему уже даже не наивность, а прямо-таки злокозненность. Но ведь И. В. Батыков не ради «подмены научной процедуры» предлагал унификацию методик? Ради чего же? Оказывается, что в «унифицированной» методике «должны быть прописаны основные параметры выборки, основные признаки сходства до степени смешения и основные правила обработки результатов. Тем самым достигается сопоставимость исследований (Курсив мой. — Н. Б.), возможность их объективного сравнения и устраняется большинство возникающих сегодня противоречий» [Батыков 2014с: 116]. Важна ли работа по достижению сопоставимости результатов социологических исследований? Безусловно. Почему такая работа означает какой-либо запрет на методическую триангуляцию, применение различных методов и подходов? На этот вопрос критически настроенные авторы ответа не дают. Между тем в колониальной логике ответ вполне понятен: не может же человек с низкой методической культурой и недостатком знаний и в самом деле заботиться о сопоставимости результатов. Очевидно, у него должны быть какие-то другие, более соответствующие его негативному образу цели; они-то ему и вменяются.

Но авторами стигматизируются не только коллеги-социологи. «Низкая информированность» и «упрощённые представления» вменяются и юридическому сообществу [Бумагин, Рогозин 2018: 89–91]. При этом совершенно игнорируется то, что у коммерческого арбитража в широком смысле может быть отличающаяся от науки институциональная логика, ориентированная не только на установление истины, но и на разрешение конфликтов, когда установление истины является лишь одним из инструментов. И тогда получается, что для урегулирования конфликтов важна не только методическая строгость социологических исследований, но и их доступность для понимания. Потому что относительно более сложные научные методы, даже лучше обеспечивая истину, оставляют большее поле для конфликта. Возможно, именно с этим, а вовсе не с «нецивилизованностью» российских юристов связаны высокая распространённость опросного подхода и низкая (но далеко не нулевая, как показалось авторам) экспериментальность. Например, в США, где использование опросов в судах восходит к 1936 г. [Jacoby 2013: 4], «внимание к значению контрольных групп в спорах о торговых марках и недостоверной рекламе является сравнительно недавним феноменом» [Diamond 2011: 400].

Итак, как видим, исходная стигматизирующая установка превращается в самоподтверждающееся пророчество: «мы анализируем отсталый объект, поэтому всё, что не понимаем, относим к признакам отсталости». И такое восприятие собственной позиции уводит авторов обсуждаемой статьи от «обоснованной критики текущего положения дел в области социологической экспертизы» [Бумагин, Рогозин 2018: 92] к набору смещённых оценочных суждений.

Не меньший ущерб колониальный взгляд наносит решению второй поставленной авторами задачи. Напомним, она заключалась в том, чтобы продемонстрировать научный подход к оценочным и экспериментальным процедурам, направленным на производство «юридического факта». В заключении авторы уточняют её как «предложение рабочего инструмента для проведения социологических и психологических исследований, востребованных в судебной практике» [Бумагин, Рогозин 2018: 107]. Каким же получается этот инструмент?

Прежде всего — очевидно, из лучших побуждений — «туземцам» транслируются заведомо идеализирующие «цивилизацию» обобщения. К таковым можно отнести утверждение о недопустимости прямой

операционализации. Она, якобы, «получила распространение в начале прошлого века, затем в течение нескольких десятилетий подвергалась мощной критике и к 1990-м гг. была практически исключена из опросов общественного мнения, иных социологических исследований» [Бумагин, Рогозин 2018: 91]. Это радикальное заявление подкрепляется только ссылкой на доклад самого Д. М. Рогозина на симпозиуме 2006 г., когда, однако, был высказан прямо противоположный тезис: «Если открыть любой социологический журнал, на страницах которого публикуются данные конкретных социологических исследований, всё ещё можно найти прямые подтверждения востребованности прямой модели, в первую очередь нашедшие отражение в прямом отождествлении операционального и концептуального определений. Другими словами, измеряем то, о чём спрашиваем. Например, если хотели измерить уровень доверия к президенту, то и спрашивать надо об этом же доверии <...>» [Рогозин 2006: 119–120]. И в самом деле, ложность утверждения об исключении прямой операционализации в опросах общественного мнения ясна всякому, кто заглянет в их текущие результаты. Но и в академической социологии оно заметно опережает события. Так, нашу дисциплину со времён её основания несомненно интересовала религия. Среди итогов многолетних эмпирических исследований Р. Инглхарт и П. Норрис, например, отмечают следующий: «Мы анализируем степень, в которой люди из разных обществ и регионов считают религию важной в своей жизни и то, насколько часто они вовлекаются в поклонение и молитву в качестве общих религиозных практик. Наш анализ показывает, что эти компоненты религии сравнимы между культурами и оказывают мощное влияние на мировоззрение и поведение людей» [Inglehart, Norris 2004: 219]. То, что это применение прямой операционализации, доказывается используемыми формулировками анкетных вопросов вида: «Насколько важна религия в Вашей жизни?» [Inglehart, Norris 2004: 41]. Почему же и в подходе Инглхарта—Норрис, как и в тысячах других исследований, человек все ещё ставится в «положение эксперта собственного восприятия» [Бумагин, Рогозин 2018: 90]? Вероятно, причина в том, что (мы пробовали это показать как раз на примере измерения религиозности [Бабич, Хоменко 2013]) далеко не всегда уровень теоретического осмысления социальных феноменов достаточен для такого их представления в анкетных вопросах, которое существенно выходило бы за рамки обычного здравого смысла. Это обстоятельство находит подтверждение и в обсуждаемой статье. Достаточно посмотреть на предложенную Р. Е. Бумагиным и Д. М. Рогозиным формулировку вопроса для измерения «сложных когнитивных процессов восприятия и оценки сходства» [Бумагин, Рогозин 2018: 90], которая выглядит как прямая операционализация: «Похожи ли эти два объекта по внешнему виду?» [Бумагин, Рогозин 2018: 101].

Конечно, идеализации могут быть полезны в качестве ориентира — цели, к которой надо стремиться, повышая стандарты социологического исследования. Что же дают повышенные стандарты в рассматриваемом случае? По итогам проведённого авторами и подробно описанного эксперимента, в котором тестировались зелёные бутылочки ополаскивателя с белой крышкой, примерно одинаковых размера и формы, «можно заключить, что, с точки зрения большинства людей, все тестируемые объекты схожи между собой» [Бумагин, Рогозин 2018: 105]. Возникает вопрос: почему для получения столь тривиального вывода — о сходстве сходных бутылочек ополаскивателя — потребовалась какая-то особая, якобы, новаторская для социологической экспертизы методика? Неужели в обычном опросе, который авторы по умолчанию считают методически неполноценным, результат был бы иным? Большинство людей посчитало бы зелёные бутылочки ополаскивателя с белой крышкой, примерно одинаковых размера и формы несхожими между собой? А если результат проведённого авторами эксперимента легко воспроизводим в рамках опросной методологии, то высокий накал её критики оказывается совершенно неоправданным.

Но допустим, что тривиальность результата ещё не означает бесполезности инструмента, которым он получен. Каким именно образом этот инструмент может быть использован в судебной практике? Р. Е. Бумагин и Д. М. Рогозин демонстрируют некоторую лаконичность при ответе на этот вопрос, хотя предлагают читателям обширное обсуждение различных нюансов контекста своего исследова-

ния, в том числе роли теории (гипотезы) лингвистической относительности Сепира—Уорфа [Бумагин, Рогозин 2018: 99] и публикаций о социальной ответственности компании Unilever [Бумагин, Рогозин 2018: 93 (сн. 4)]. Авторы статьи сообщают лишь следующее: «Проведя тест по устоявшейся в практике схеме, без включения в экспериментальный план контрольных групп, мы с очевидностью зафиксировали схожесть большинства товаров Unilever и “Стокист”. Однако их отождествление потребителями происходит не из-за сходства конкретных торговых марок. Основная причина — в близости по дизайну, упаковке, формату представления торговых групп, в которых все предлагаемые на рынке товары воспринимаются тождественными» [Бумагин, Рогозин 2018: 105]. И далее: «<...> Мы получили весьма высокие доли испытуемых, считающих объекты схожими. Эти доли можно интерпретировать как вероятность того, что испытуемый смешает данный объект с другим аналогичным объектом из той же товарной категории, а не только с тестируемыми марками Unilever или “Стокист”» [Бумагин, Рогозин 2018: 106]. Однако внимательное чтение этих выводов и сопоставление их с использованной формулировкой вопроса показывает подмену понятий. В своём эксперименте авторы спрашивают респондентов о сходстве товаров, а выводы судам предлагают делать не о сходстве, а об отождествлении этих товаров, их смешении. На каком основании осуществляется такой переход, происходящей буквально от одной фразы к другой, остаётся неизвестным. Горячо критикуя прямую операционализацию, авторы, кажется, упускают из виду необходимость чёткой интерпретации понятий.

Тем не менее следует отметить, что общий замысел эксперимента Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина является понятным и вполне корректным. Действительно, если стоит задача определения вероятности путаницы между двумя торговыми марками, то естественным подходом будет установить, не находится ли она на одном уровне с путаницей в товарной категории вообще. Но в этой идее нет ничего нового, в контексте отечественной социологической экспертизы её давно обсуждал всё тот же И. В. Батыков: «Метод эталонов. Основан на том, что в исследование включаются образцы, в которых заведомо отсутствует нарушение законодательства. Доли ответов по этим образцам принимаются в качестве “фоновых значений”, с которыми сравниваются ответы по тестируемым образцам. Если различия наблюдаются в большую сторону среди тестируемых образцов, и если эти различия статистически значимы, может быть принято решение о нарушении законодательства» [Батыков 2014а: 423]. Р. Е. Бумагин и Д. М. Рогозин ссылаются на тот же тезис, утверждая, что заведомое отсутствие нарушения законодательства «вносит в процедуру большую долю волюнтаризма и субъективизма исследователя» [Бумагин, Рогозин 2018: 102 (сн. 7)], которые, якобы, каким-то образом устраняются в их экспериментальном плане. Забывая, что сами-то они отбирали контрольные объекты сравнения, предполагая, что те не нарушают права компании Unilever на дизайн. Иначе результаты эксперимента следовало бы интерпретировать прямо противоположным образом — как обнаружение массовых подделок.

Таким образом, вместо нового научного инструмента, востребованного в судебной практике, читателям предлагается хорошо известный старый, дающий достаточно тривиальные результаты и к тому же реализованный с логическими ошибками (подмена понятий). К сожалению, и вторая поставленная задача оказывается далека от успешного решения.

Итак, многообещающий критический анализ, по-видимому, не достигает заявленных целей. Однако общее ощущение неудачи предпринятых усилий нивелируется тем, что не подлежат сомнению ценностные установки Р. Е. Бумагина и Д. М. Рогозина. Цели их критического анализа, несомненно, позитивны, хотя и не достигнуты. Просто для продвижения к ним критика должна вестись по определённым правилам, подразумевающим академическую корректность, в том числе ясную аргументацию и тщательную проверку фактов. Хочется надеяться, что эти принципы будут соблюдаться в дальнейшей дискуссии о методиках социологической экспертизы сходства, которая после присоединения к ней новых профессионалов обещает стать более плодотворной.

Литература

- Бабич Н. С., Батыков И. В. 2012. Формулировка вопроса о смешении средств индивидуализации в сознании потребителей: пути повышения качества информации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 7: 141–149.
- Бабич Н. С., Хоменко В. И. 2013. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности. *Социологический журнал*. 2: 89–96.
- Батыков И. В. 2012. Социологическая экспертиза смешения средств индивидуализации в сознании потребителя: обзор методических приемов. *Биржа интеллектуальной собственности*. 11 (9): 15–18.
- Батыков И. В. 2014а. Методы принятия решений о нарушении законодательства на основе данных социологической экспертизы. *Теория и практика общественного развития*. 2: 422–424.
- Батыков И. В. 2014б. Пороговые значения сходства товарных знаков для установления наличия или отсутствия степени смешения. В сб.: Митин О. Ю. (отв. ред.) *Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее*. М.: РГАИС; 33–36.
- Батыков И. В. 2014с. Принципы разработки методики социологической экспертизы сходства до степени смешения. *Сборники конференций НИЦ. Социосфера*. 1: 112–116.
- Бумагин Р. Е., Рогозин Д. М. 2018. Критика опросного подхода к анализу взаимного сходства во внешнем виде потребительских продуктов внутри одной товарной категории. *Экономическая социология*. 19 (2): 86–117. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-2.html>
- Рогозин Д. М. 2006. Методологические основания опросов общественного мнения. В сб.: Рогозин Д. М. (отв. ред.) *Пути России: проблемы социального познания*. М.: МВШСЭН: 111–128.
- Старженецкий В. В. 2007. Столкновение средств индивидуализации: подходы судебной практики. *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2: 27–39.
- Diamond S. S. 2011. Reference Guide on Survey Research. In: *Reference Manual on Scientific Evidence*. 3rd ed. Washington, DC: National Academy Press; 359–423.
- Inglehart R., Norris P. 2004. *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Jacoby J. 2013. *Trademark Surveys: Designing, Implementing, and Evaluating Surveys*. Chicago, IL: ABA; Section of Intellectual Property Law.

DEBATES

Nikolay Babich

Methodological Reflection in a Pith Helmet

Commentary on the Article by R. E. Bumagin and D. M. Rogozin, “Criticism of the Interview Approach in Examining the Similarity of the Appearance of Products Belonging to the Same Product Category”

BABICH, Nikolay — PhD in Sociology, senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, 117218, Moscow, Russian Federation.

Email: sociolog@mail.ru

Abstract

This paper is a polemical response to the article “Criticism of the Interview Approach in Examining the Similarity of the Appearance of Products Belonging to the Same Product Category”, which also appeared in the *Journal of Economic Sociology* [2018, vol. 19, no 2, pp. 86–117]. In this work, Roman Bumagin and Dmitry Rogozin claim that in trademark similarity research, it is necessary to take into consideration the overall similarity of designs in the same product category. They also criticize the current research practices’ focus on survey methods and call for a fundamental revision of the decision-making process on trademark similarity. While

welcoming the attention given to some important subjects (e.g., the need for controls and the background level of similarity), we question the appropriateness of Bumagin and Rogozin’s research procedure and draw attention to the instances of incorrect citations and the distortion of facts in their text. Using specific examples, we show that the arguments proposed in support of the criticism, in fact, illustrate the advantages of current research practices. The procedure actively uses experimental plans and considers the background level of similarity. Our article also asserts, more generally, that to criticize current decision-making in trademarks’ similarity from the perspective of scientism, as Bumagin and Rogozin have done, fails to reflect the specific conditions of arbitration (in a broad sense) authorities. Their goal is not only to establish the truth but also to resolve economic conflicts, and this requires not only a strict but an understandable research procedure. We conclude that hypercriticism in trademark similarity research causes a “colonial” attitude, and it prevents real research practice improvement.

Keywords: arbitration court; intellectual property; confusing similarity; trademark; product design; sociological expertise; experimental plan; sociological survey; colonial ideology.

References

- Babich N. S., Batykov I. V. (2012) Formulirovka voprosa o smeshenii sredstv individualizatsii v soznanii potrebiteley puti povysheniya kachestva informatsii [Formulation of the Question on Mixing Means of Individualization in the Minds of Consumers: Ways to Improve the Quality of Information]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no 7, pp. 141–149 (in Russian).
- Babich N. S., Khomenko V. I. (2013) Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podkhoda k izmeneniju religioznosti [Logical and Practical Difficulties of Multidimensional Approach to Religiosity Measurement]. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*, no 2, pp. 89–96 (in Russian).
- Batykov I. V. (2012). Sotsiologicheskaya ekspertiza smesheniya sredstv individualizatsii v soznanii potrebiteley: obzor metodicheskikh priemov [Sociological Examination of the Means of Individualization Confu-

sion in the Minds of Consumers: An Overview of Methodological Techniques]. *Birzha intellektual'noy sobstvennosti*, vol 11, no 9, pp. 15–18 (in Russian).

Batykov I. V. (2014a) Metody prinyatiya resheniy o narushenii zakonodatelstva na osnove dannykh sotsiologicheskoy ekspertizy [Methods of Decision-Making on Violation of the Law on the Basis of Sociological Expertise]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no 2, pp. 422–424 (in Russian).

Batykov I. V. (2014b) Porogovye znacheniya skhodstva tovarnykh znakov dlya ustanovleniya nalichiya ili otstutstviya stepeni smesheniya [Threshold Values for the Similarity of Trademarks for Establishing whether a Degree of Confusion is Present or Not]. *Intellektual'naya sobstvennost': vzglyad v budushchee* [Intellectual Property: Looking to the Future] (ed. O. U. Mitin), Moscow: RGAIS, pp. 33–36 (in Russian).

Batykov I. V. (2014c) Printsipy razrabotki metodiki sotsiologicheskoy ekspertizy skhodstva do stepeni smesheniya [The Principles of a Methodology for Sociological Examination of Similarities to the Point of Confusion]. *Sborniki konferentsiy NIC Sociosfera*, no 1, pp. 112–116 (in Russian).

Bumagin R., Rogozin D. (2018) Kritika oprosnogo podkhoda k analizu vzaimnogo skhodstva vo vneshnem vide potrebitel'skikh produktov vnutri odnoy tovarnoy kategorii [Criticism of Interview Approach in Examining Similarity of Appearance of Products Belonging to the Same Product Category], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 86–117. doi: 10.17323/1726-3247-2018-2-86-116. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-2.htm> (accessed 19 December 2018) (in Russian).

Diamond S. S. (2011) Reference Guide on Survey Research. *Reference Manual on Scientific Evidence*. 3rd ed., Washington, DC: National Academy Press, pp. 359–423.

Inglehart R., Norris P. (2004). *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Jacoby J. (2013) *Trademark Surveys: Designing, Implementing, and Evaluating Surveys*, Chicago, IL: ABA; Section of Intellectual Property Law.

Rogozin D. M. (2006) Metodologicheskie osnovaniya oprosov obshchestvennogo mneniya [Methodological Grounds for Public Opinion Polls]. *Puti Rossii: problemy sotsialnogo poznaniya* [The Ways of Russia: Problems of Social Cognition] (ed. D. M. Rogozin), Moscow: MSSSES, pp. 111–128 (in Russian).

Starzheneckiy V. V. (2007). Stolknovenie sredstv individualizatsii: podkhody sudebnoy praktiki [Collision of Means of Individualization: Approaches of Judicial Practice]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoj Federatsii*, no 2, pp. 27–39 (in Russian).

Received: April 28, 2018

Citation: Babich N. (2019) Metodicheskaya refleksiya v probkovom shleme. Kommentariy k stat'e R. E. Bumagina i D. M. Rogozina "Kritika oprosnogo podkhoda k analizu vzaimnogo skhodstva vo vneshnem vide potrebitel'skikh produktov vnutri odnoy tovarnoy kategorii" [Methodological Reflection in a Pith Helmet. Commentary on the Article by R. E. Bumagin and D. M. Rogozin, "Criticism of the Interview Approach in Examining the Similarity of the Appearance of Products Belonging to the Same Product Category"] *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol 20, no 1, pp. 188–196. doi: 10.17323/1726-3247-2019-1-188-196 (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 20. № 1.
Январь 2019

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 20. No 1.
January 2019

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>